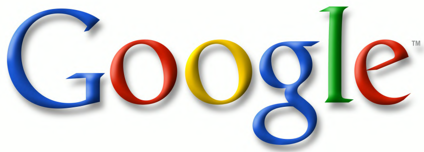

Вѣстникъ Западной Россіи

Историческая истина

Вильна

1866.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18$\frac{65}{66}$

КНИЖКА IX.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

—

1866.

Дозволено Цензурою 22-го Іюня 1866 года.

I.

№ 13.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УНІИ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Выпись изъ книгъ оршанскаго замка жалобы управляющаго имѣніями митрополита Ипатія Поцѣя на монаховъ кіево-печерскаго монастыря, что они при заступничествѣ казаковъ и кіевскихъ мѣщанъ не позволили ввести его во владѣніе принадлежащихъ этому монастырю имѣній, 1599 г.

Выпись съ книгъ справъ кгродскихъ замку господарьского староства Оршанскаго.

Лѣта отъ нароженія Сына Божого тысеча пять сотъ деветьдесятъ девятого, мѣсяца октебра четырнадцатого дня.

На врадѣ господарьскомъ кгродскомъ Оршаньскомъ передо мною Петромъ Григорьевичомъ Кублицкимъ, подстаростимъ Оршаньскимъ будучимъ, отъ вельможного пана его милости пана Андрея Сапѣги, старосты ор-

шаньского, державцы Ораньского, постановившысе очевисто служебникъ въ Бозѣ велебного отца Ипатія, архіепископа митрополита Кіевского, Галицького и всея Руси, архимандрита Печерского, на име панъ Ѳедоръ Пучковскій, оповѣ . . . . жаловалъ именемъ пана своего, его милости отьца митрополита на чернцовъ Кіевскихъ прозываемыхъ на Іену Корченина а на Оксентѣя Табора, которые дей пропомнѣвшы боязни Божое и срокгости права посполитого, менуючысе быть капитулою Кіевскою, приспособившы до себѣ гултайства лотровъ козаковъ и иншихъ посторонниxъ людей немало, зъ рознымъ оружъемъ войнѣ належачымъ, въѣждяючы своволне до тыхъ селъ Рускихъ въ положеню великого княжества Литовскаго въ повѣтѣ Оршаньскомъ лежачыхъ, къ манастыру Кіевскому Печерскому прислухаючыхъ, яко до дворца подъ Могилевымъ прозываемого села Печерска, села Цвиркова, села Борсуковъ, села Холмкъ, села Озеранъ и села Тарасовичъ, такъ тежъ и до иншихъ селъ, подданныхъ его милости отьца митрополитовыхъ, которые дей за правомъ слушнымъ зъ ласки его королевской милости зъ монастыремъ Печерскимъ и зо всими добрами, ку нему належащыми, впродъ речоному отьцу митрополиту есть отданы; тогды дей тые впродъ речоные черницы Іона Корченинъ и Оксентѣй Таборъ, не вѣдати зъ якихъ причынъ набравшысе свое воли, не дбаючы ничего и о звирхность его королевское милости и старшого своего его милости отьца митрополита Кіевского архимандрита Печерского, отъ господара короля его милости поданого, и теперъ дей въ тыхъ селахъ лежать, подданыхъ деруть, липять, нищать и пустошать, гдѣжъ дей вжо не мало и подданыхъ съ тыхъ селъ вышъ помененыхъ прочь разогнали и пусто учинили; якожъ дей и дворянинъ господарьской панъ Янъ Кощыцъ теперъ въ тыхъ часехъ будучы въ сесь край Рускій посланый для отбиранья тыхъ, предъ мененыхъ селъ маетности Печерскихъ и поданья въ моцу и во властность

его милости вышей реченому отцу митрополиту, и кгды дей тотъ дворянинъ его королевской милости панъ Янъ Кощыцъ въ року теперъ идучомъ тысеча пять сотъ деветь десятъ девятомъ, мѣсяца октебря дванадцатого дня, найпервей до того села и двора Печерска пріѣхалъ, (взявши возного) енерала повѣту Оршаньского, пана Оникея Зеньковича, и сторону людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ и зъ слугами его милости отца митрополита пана моего, то есть со мною Өедоромъ Пучковскимъ, Миколаемъ Скиримоитомъ а Иваномъ Минчомъ, то пакъ того року, мѣсяца и дня вышъ помененого, тые чернцы вышей помененые, Іона Корченинъ и Оксентей Таборъ, маючы при собѣ въ томъ дворѣ Печерскомъ врадника, своего Юрья Рожановскаго, не мало гультаевъ помочниковъ своихъ зъ Могилева мѣщанъ, меновите, Лазара Кондратовича, болрына замку Могилевского, Никипора а Осипа Купріяновичовъ Гришковичовъ, Петрушу Кондратовича, Опанаса Пирожника, Игната Окулинича, которыхъ они сами лѣпѣй знають и вѣдають, затворившы дворные ворота передъ нами еще добре оподаль, ѣхать у дворъ не допущали, дворенина его королевской милости словы неучстивыми соромотили, мовечы въ щипливе: „ты дей, дворянине, тутъ не ѣдь, будешъ забитый.“ Тогды дворянинъ его королевское милости, поднесшы листы королевскіе хотѣчи оповѣдать (волю) и росказанье его королевское милости, абы слухали. Тые чернцы Іона и Таборъ, не дбаючы на то ничого, дворенина не слухали и листовъ господарьскихъ не учстившы, росказанью его королевское милости спротивили, еще тымъ большей пана дворанина соромотили и заразомъ съ кольку пулгаковъ разъ-по-разъ на дворанина его королевское милости и на насъ стрѣлили; въ тотъ же часъ подъ стороною, при енералѣ будучою, подъ паномъ Лукашомъ Троснинечемъ коня шерстью гнѣдого пострѣлили и насъ всихъ мало не позабивали, и увязыванья дворенину его королевское милости до тыхъ селъ вышей помененыхъ не

допустили. Што шырей и достаточнѣй на релацыи того енерала Оникея Зеньковича описано и должно естъ.

При которомъ оповѣданью, тогожъ року, мѣсяца и дня, ставшы передо мною и на врадѣ очевисто енералъ его королевское милости повѣту Оршанскаго Оникей Зеньковичъ, сознанье свое устьное учинилъ и того сознанья своего квитъ подъ печатью съ подписомъ руки своее и подъ печатьми стороны шляхты и съ подписомъ одного зъ нихъ ку записаню до книгъ кгродскихъ оршаньскихъ далъ написанный въ тые слова:

„Я Оникей Зеньковичъ, енералъ повѣту Оршаньского, сознаваю то симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперь идучомъ тысеча пять сотъ девятьдесятъ девятомъ, мѣсяца октебра дванадцатого дня у вовторокъ, будучы я взятый на справы господарскіе отъ дворенина его королевское милости пана Яна Кощыца при листахъ господарскихъ, ѣздиломъ на въ вязыванье до двора и до села Печерского, прислухаючого до манастыря Кіевскаго Печерского въ повѣтѣ Оршаньскомъ лежачого; а маючы я при собѣ сторону людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ, пана Лукаша Трыстынича а пана Леона Семеновича, тамъ же кгдысмы зъ дворaниномъ его королевское милости помененымъ паномъ Кощыцомъ до того села Печерьска приѣхали, хотѣчы, тотъ дворецъ и села къ нему прислухаючые подати въ моцъ, во владзу, за листами его королевское милости, отъцу Гипатею, архіепископу митрополиту Кіевскому, Галицькому и всея Руси, епископу Володымерскому и архимандриту Печерскому, тогды черницы Кіевскіе Іона Корченинъ а Оксентей Таборъ зъ урядникомъ своимъ нѣякимсь Юрьемъ Рожновскимъ, приспособившы до себе козаковъ и мѣщанъ Могилевскихъ не мало и иншихъ многихъ помочниковъ своихъ, о которыхъ оны сами лѣпѣй вѣдаютъ и имены называти могутъ, зъ розными бронями войнѣ належачыми, зъ ручницами, зъ сагайдаки, зъ ощепы, которые, затворившы дворные ворота передъ нами еще добре оподаль, ѣхати

у дворъ не допущали, дворенина его королевское милости словы неучтивыми соромотили, мовечы въщипливе: „ты дей, дворенине, тутъ не ѣдь, будешъ забитый!“ Тогды дворенинъ его королевское милости, поднесшы листы королевскіе, хотечы оповѣдать волю и росказанье его королевское милости спротивили, еще тымъ болшей пана дворенина соромотили и заразомъ съ кольку пулгаковъ разъ-по-разъ на дворенина его королевское милости и на насъ стрѣлили, въ тотъ же часъ подъ стороною при мнѣ будучою, подъ паномъ Лукашомъ коня шерстью гнѣдого пострѣлили, который заразъ здохъ, и насъ всихъ мало не позабивали, и увязанья отьцу....... ..... до тыхъ селъ не допустили. Што мною вознымъ енераломъ и то........... на тотъ часъ при мнѣ будучою панъ дворанинъ его королевское милости освѣдьчившы, прочъ есмо отъѣхали. А такъ я вышъ помененый Оникей енералъ, што есми видѣлъ и слышалъ, правдиве до книгъ кгродскихъ Оршаньскихъ доношу и сознаваю. Писанъ року, мѣсяца и дня вышей помененого.“

У того квиту печатей притисненыхъ три, а подписы рукъ подписаны есть тыми словы: Оникей Зеньковичъ, енералъ повѣту Оршаньского, власною рукою. Левонъ Семеновичъ власною рукою.

Котороежъ тое оповѣданье пана Ѳедора Пучковского, также и сознанье енерала его королевское милости милости Оникея Зеньковича, при квитѣ учиненое, до книгъ справъ кгродскихъ замку господарьского староства Оршаньского записано есть, съ которыхъ книгъ и сесь выписъ подъ моею печатю пану Ѳедору Пучковскому есть выданъ. Писанъ у въ Оршы.

„Богданъ Бурый, писаръ кгродской Оршаньскій.“

На оборотѣ листа помѣты:

„Protestatia oicza Pocieia na czernczow Pieczarskich. — Protestatia rzednika imc. X. Pocieia przeciwko czerncom Pieczarskim, iz oni nie dopuscili podania dworzaninowi w dobra Pieczarskie nazwany Peczarsk, Cwir-

kowo, Borsuki, Chomicze, Ozerany y Tarasowicze, w Orszy roku 1599, die 14 oktobra, y owszem mało nie pozabyali podawcow od Pocieia zesłanych.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ при свят. прав. синодѣ, подъ N. 14 лит. А., писанъ на листѣ обыкновенной бумаги, мелкою скорописью. — Въ концѣ выписи приложена печать оттиснутая на красновосковой массѣ подъ бумажкою вырѣзанною въ видѣ короны. — Перегибы листа сгнили, а потому во многихъ мѣстахъ прочитать текстъ рукописи невозможно.

Сообщ. *Н. Григоровичъ.*

2.

Грамота митрополита кіевскаго и галицкаго Ипатія Поцѣя Антонію Грековичу на архимандрію Выдубицкую и на кіевскую протопопію 1610 года, генваря 22 дня.

Ипатей Потей Божею милостью Аръхеіпископъ,— митрополитъ Кіевъскій Галицкій и всея росіи, Епископъ Володымерскій и Берсетенскій.

Ознаймуемъ сим листом нашим кому о том ведати належало, ижъ отецъ Антоній Грековичъ свещенноеромонахъ служачы нам часъ немалый заслугу данною справуючы на дворе нашом вряд свой діаконскій, по котором мы дознавъши вшелякихъ цнот веръностьти и статечъности и што кольвекъ одно яко цнотливому (добродѣтельному) належало, яко онъ намъ пану и пастыреву своему статечне заховалъ, Ино мы нагорожаючы ему послуги его верные, прод на станъ Презвитерскій рукоположенемъ нашымъ посветили, а потомъ наместникомъ албо протопопою нашымъ Кіевскимъ учынили семо его. Опатрывъшы его для слушного выхованя монастыромъ Выдубицкимъ названнымъ у кіева. А то для того, жебы онъ там водлугъ чыну своего иноческаго мешкаючы хвалы Божое пилновалъ и повинности враду своего протопопъскаго постерегалъ, и единости светое скостемомъ рымскимъ принатое, на которую и попрысягнулъ неодступовалъ,

але ивовъшемъ оную словомъ и деломъ залецалъ и помнажалъ, и насъ пастыра своего послушнымъ былъ, а до противниковъ тое единости светое и насъ пастыра своего никако непрылепълялся; который же то вышъмененный манастыръ ему отцу Антонію дали семо зо всими пожытками дотого манастыра здавна належачыми: споддаными, грунты, лесами, сеножатми, озерами также и спрысудами..... для колвекъ до того манастыра выдубицкаго належало, такъ яко и иные игуменове держывали, завсимъ на все дали есмо и симъ листомъ нашымъ даемъ до его..... пры тыхъ кондицыяхъ своихъ вышъмененыхъ статечне трывати будетъ, и на то дали семо ему сесть нашъ листъ знашою печатью и сподписомъ руки нашое. Писанъ у Володымеры, року Божаго нароженя тисеча шестсотъ десятаго. Мѣсяца Генваря 22 дня. *Ипатей Архипископъ.*

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ грекоуніятскихъ митрополитовъ за Н. 341; писанъ на листѣ обык. бум., мелкою, кручковатою скорописью. Въ концѣ рукописи подпись митрополита и печать его, оттиснутая между листами рукописи, на красно восковой мастикѣ.

3.

Выпись изъ книгъ гродскихъ луцкаго замка жалобы настоятеля братскаго монастыря, церкви сошествія Святаго Духа О. Іосифа Бобриковича съ братіею на Мелетія Смотрицкаго за то, что онъ, будучи въ Вильнѣ, захватилъ много монастырскихъ книгъ и церковной утвари на 5,000 злотыхъ. 1629 года августа 29 дня.

Выпись скнигъ гродскихъ замку луцкого.

Лѣта Божого нароженя тисеча шестсотъ двадцать девятого мѣсца Августа девятого дня.

На враде кгродскомъ замку его королевской милости луцкомъ передомною княземъ Павломъ Друцкимъ Любецъкимъ, подстаростомъ Луцкимъ, ставовши обличне вбогу велебный его милось отецъ Іосифъ Бобрыковичъ, старшій ректоръ монастыра виленъского, церкви сослания (сошествія) Святого Духа и именемъ своимъ и именемъ конвенту (собранія) своего братства, всѣхъ духовныхъ и свѣцкихъ дотого брацтва упривиліованого належачихъ и описаныхъ соленнтеръ (торжественно), протестуетъсе противко превелебному отцови Мелентіушови Смотрицкому на тотъ часъ архимандрите Дерманъскому..... онъ часовъ розныхъ и насъ барзей (болѣе) едучи на погребъ (погребеніе) до Борколабова зошлое (покойной) ее милости Княгини Соломирецкое а будучи еще на тотъ часъ зними одного вызняня (исповѣданія) и пулъмешканцемъ обусче жительцымъ до того монастыра пострыжонымъ не мало апъператовъ (утварей) церковныхъ од (изъ) злота, сребра, перелъ (жемчуговъ) дорогихъ каменей, на розныхъ материяхъ на охендатстви (облаченія) архиерейское, коштомъ великимъ презпомененое брацтво виленъское до церкви своее справленыхъ и книгъ не мало кгрецкихъ и латинзкихъ, теологзкихъ (богословскихъ) мутуомодо (заимообраздно) набравши и напожичавши (одолживши) и оными апъператами на розныхъ месцахъ официи (требы) духовные отправуючи такіе и иныхъ книгъ заживаючи (употребляя) презъ часъ немалый, кгды (когда) часто и густо реквизитусъ (спрашиваемый) былъ одпомененого брацтва виленского абы самъ на месце светое сколь ихъ позычилъ (одолжилъ) одослалъ обетницами (обѣщаніями) толко кормячи и дотоль ихъ присобе затрымуетъ (задерживаетъ) а теперь свежо кгды протестанъ се столь листъ написавши, донего до дерманя послалъ, просечи оверненье тыхъ реченыхъ будучи онего водлугъ обетницъ частыхъ своихъ одошлю тутъ до луцка не тягнучи кошту болшого водсыланю ихъ до Вильня теды помененый отецъ Смотрицкій

отмененшиши пропозиуумъ первшое презъписанье свое любо признаваетъ и самъ-же тые веи речи присобе маетъ и не своими але(но)тогожъ помененого монастыря братского виленъскаго быти твердитъ вернутъ ихъ однакъ бениволе (добровольно) нехотѣлъ але……. пусчаючи указуетъ имъ пана своего и жебы тамъ о справедливость знего дорогу ведали одсылаетъ о чемъ протестаисъ бачичи быти великую кривду (обиду) и шкоду (убытокъ) монастыря своего внеодданю тыхъ речей которыхъ шацунокъ (оцѣнка) переноситъ (превышаетъ) суму десети тисечей золотыхъ полскихъ инемогучи водлугъ повинъности своей отпомененого брацтва виленского…….. речей насобе соложоной одступовати, абы шкоды такъ великое братство виленъское церкви святого Духа презнего неотносило; але у пана преложоного (старшаго) надъ дедичествомъ архиманъдрыдства дерманскаго правые (законно) доходить хотечи тую протестанцыю своею рационе (касательно) неверненя тыхъ речей презъ отца мелентіуша Смотрицкого инеслушне (незаконное) ихъ принемъ затриманье (удерживаніе)….. вшкоды которые толь……. правнымъ уростн могутъ, псованьесе (порчу) апъператовъ и книгъ за частымъ ихъ итерумъ акты итерумъ (iterum) протестатуръ которое жъ то оповаданье менованое особе за принятемъ моимъ урядовымъ докнигъ кгродскихъ луцкихъ есть записано, скоторыхъ и еесь выпись подпечатію кгродскою луцкою. Року теперешного тисеча шесть сотъ тридцать третяго мца априля осмого дня есть выданъ. Писанъ влуцку.

Корриговалъ Шолък…..

Я Козаковичъ Промицкій писарь Королевскій Луцкій.

На оборотѣ листа помѣта:

Protestatia jmsc oyca Jozepcha Bobrykovicza Rektora monastyra Vilenskiego na xiędza Smotryckiego 1629 a. 9 augusta.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ грекоунитскихъ митрополитовъ за Я. 77; писано на листѣ обыкновенной писчей бумагѣ, мелкою крючковатою скорописью безъ знаковъ; въ концѣ выписи приложена Луцкая печать, упомянутая на красновосковой мастикѣ подъ бумажкой.

Сообщ. Н. Григоровичъ.

№ 14.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ АЛАТЫРСКАГО КІЕВО-НИКОЛАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ (*).

1.

Отписка въ посольской приказъ путивльскаго воеводы Никифора Плещеева, о пріѣздѣ изъ Литвы въ Путивль густинскаго Троицкаго монастыря игумена Василія съ братіею и ладинскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря игуменьи Елисаветы съ отцемъ духовнымъ, иг. Меѳодіемъ и сестрами 1638 года.

Государю, Царю и Великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Микифорка Плещеевъ челомъ бьетъ. Нынѣшняго, Государь, 146 году Іюня въ 9-й день писалъ я, холопъ твой, къ тебѣ, Государю, въ Посольской приказъ съ путивльцомъ сыномъ боярскимъ съ Яковомъ Удачинымъ, что Іюня въ 5-й день пріѣхали изъ Литвы въ Путивль на твое Государево имя изъ Прилуцкаго Густынского монастыря старцы чорной попъ Паѳнотей съ товарыщи, а съ нимъ прислалъ изъ товожъ Густынткого монастыря игуменъ Василей съ братьею напередъ себя церковное строеніе и животину монастырскую; а про игумена, Государь,

(*) Смотри „О началѣ алатырскаго кіево-николаевскаго монастыря“ въ 8-й книжкѣ, отдѣлъ II, стр. 129.

сказали, что де игуменъ и братья съ послѣднимъ церковнымъ строеньемъ и съ рухледью монастырскою пріѣдетъ въ Путивль послѣ ихъ, для тово, чтобъ ему игумену выслать изъ тово монастыря въ Путивль послѣднее церковное строенье и рухлядь монастырскую не вдругъ напередъ себя, тайно. И Іюняжъ, Государь, въ 14-й день пришли въ Путивль изъ тово Густынсково монастыря игуменъ Василей, и съ нимъ старцы и слушки, и монастырскіе ихъ крестьяне пѣши, ограблены, а пришло, Государь, съ нимъ игуменомъ старцовъ изъ тово Гостынского монастыря чорныхъ поповъ пять человѣкъ, да дьяконовъ чорныхъ четыре человѣка, да старцовъ соборныхъ и рядовыхъ пятьдесятъ семъ человѣкъ, да крестьянъ ихъ монастырскихъ одиннадцать человѣкъ съ женами и съ дѣтьми. И какъ де Государь, отпустя онъ игуменъ изъ тово Густынского монастыря первыхъ старцовъ съ церковнымъ строеньемъ въ Путивль, и послѣ де, Государь, тово первого отпуску отпустилъ онъ игуменъ изъ тово Гостынского монастыря другихъ старцовъ съ церковнымъ же строеньемъ, и съ рухледью и съ запасомъ монастырскимъ, и у тѣхъ де, Государь, старцовъ на дорогѣ Конотопской урядникъ Сосновской то церковное строенье и рухледь и запасы всякіе пограбилъ, а ихъ де старцовъ попускалъ къ Путивлю пѣшихъ. И послѣ де, Государь, тѣхъ старцовъ онъ игуменъ хотѣлъ ѣхать изъ тово монастыря къ Путивлю съ достолнымъ церковнымъ строеньемъ и съ рухледью монастырскою, и Прилуцкой де урядникъ Адамъ Марковичь, довѣдався тотъ его игуменской подъемъ и прислалъ къ нему игумену въ монастырь поповъ Прилуцкихъ и войта и иныхъ многихъ мѣщанъ Прилуцкихъ, и говорили де ему игумену съ братьею и упрашивали его съ великимъ умоленьемъ, чтобъ онъ изъ тово Густынского монастыря не выѣжжалъ и жилъ бы въ томъ монастырѣ по прежнему. И послѣ де, Государь, той присылки въ тотъ же часъ пріѣхалъ въ Прилуки отъ князя

Вишневецкаго (*) коморникъ княжой Копчинской и про тотъ де ево игуменской выходъ довѣдався тотъ Копчинской прислалъ съ Прилуцкимъ урядникомъ вмѣстѣ изъ Прилукъ къ нему игумену въ монастырь Прилуцкихъ мѣщанъ и похолковъ своихъ и велели имъ взять въ Прилуки ево игумена и старцовъ и съ церковнымъ строеньемъ, а въ тое де, Государь, пору только было ему игумену выѣхать изъ тово монастыря со всѣмъ церковнымъ строеньемъ. И онъ де игуменъ съ братьею, покинувъ въ монастырѣ на возѣхъ церковное строенье и рухледь монастырскую и лошади, побѣжали изъ монастыря въ лѣсъ пѣши, а которые де, Государь, возы съ рухледью завезены были въ лѣсъ напередъ ево игумена, и тѣ де возы съ лошадьми и съ рухледью догнавъ тѣ похолки панскіе пограбили жъ. Да съ нимъ же, Государь, игуменомъ Васильемъ пріѣхали вмѣстѣ изъ Литвы въ Путивль на твое жъ Государево имя изъ Прилуцкаго уѣзду съ Подгорья Ладимского дѣвичьяго монастыря Покрова Пресвятей Богородикы игуменъ Меѳодей, да съ нимъ товожъ монастыря игуменья Елисавета Летинская съ сестрами, а сестръ съ нею соборныхъ и рядовыхъ пятьдесятъ старицъ, а онъ де игуменъ Меѳодей всѣмъ имъ отецъ духовный, а поѣхали де, Государь, онѣ изъ тово Ладинского Покровского монастыря въ Путивль со всѣмъ церковнымъ строеньемъ и съ животиною, и какъ де, Государь, напередъ себя отпустили онѣ изъ тово монастыря съ церковнымъ строеньемъ и съ рухледью и съ запасы и съ животиною сорокъ старицъ съ работники, а сами де онѣ, игуменъ и игуменья, остались на время въ

(*) Сынъ Михаила Корыбута — Вишневецкаго Іеремія Михаилъ: воспитываясь у іезуитовъ онъ принялъ Римско-католическую вѣру, которой страстно былъ преданъ, жестоко мучилъ козаковъ и (въ послѣдствіи) основалъ клашторы Доминиканскіе въ Прилукахъ, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ и пр. Сличи сильное увѣщательное посланіе къ нему митроп. Исаіи Копинскаго 1631 г. въ 1 отд. 2-й кн. Вѣстника юго-зап. Россіи за 18⁶²/₆₃ г.

томъ монастырѣ, покамѣста тѣ старицы доѣдуть до Путивля, и тѣ де, Государь, старицы какъ будутъ въ Путивльскомъ уѣздѣ въ урочищѣ Кишкиныхъ отъ Путивля въ тридцати верстахъ, и тѣхъ де ихъ старицъ переняв на дорогѣ въ томъ урочищѣ тотъ же урядникъ Сосновской съ городка съ Конотопъ пограбилъ всѣхъ, а грабежемъ де, Государь, взялъ у нихъ дватцать возъ со всякимъ церковнымъ строеньемъ, и съ рухледью и съ запасы, и старицъ де всѣхъ перегрбилъ, и отпустилъ ихъ пѣшихъ. И послѣ де, Государь, тово онъ игуменъ и съ остатошными старицами проѣхалъ къ Путивлю Литовскіе сторожи въ мірскомъ платьѣ. А вѣстей, Государь, въ распросѣ мнѣ холопу твоему онѣ никакихъ не сказали. А для, Государь, чево пошли онѣ изъ тѣхъ монастырей на твое Государево имя, и про то мнѣ, холопу твоему, въ роспросѣ онѣ сказали, что пошли де онѣ изъ тѣхъ монастырей отъ гоненья Ляховъ за православную вѣру, и похотѣли быть въ православной христіанской вѣрѣ, и за тебя, Государя, Бога молить вѣчно, для тово, что де стало нынѣ у нихъ въ Полши и въ Литвѣ отъ Ляховъ на вѣру христьянскую гоненье великое и вѣдомо де имъ учинилось о вѣрѣ христіанской подлинно, что де въ нынѣшнемъ въ 146 году въ великой постъ писалъ де изъ Луцка князь Коширской къ Лубенскому епископу Исаію въ Полѣсья, а епископъ Исаія писалъ въ Лубенской Преображенской монастырь къ игумену и къ нимъ игуменомъ въ монастыри, что де одноконечно король Польской, и паны радные и Ляцкіе арцыбискупы приговорили на соймѣ, что въ ихъ Полской и въ Литовской землѣ православной христьянской вѣрѣ не быть и христьянскіе церкви превратить на кастелы Ляцкіе, и книги русскіе и монастыри вывесть, а Кіевской де, Государь, митрополитъ Петръ Могила вѣры христьянской нынѣ отпалъ, и благословленъ де митрополитъ Петръ Могила отъ папы Римскаго нынѣ въ великой постъ въ

патріархи, быть ему патріархомъ въ Вилнѣ будто въ христьянской вѣрѣ, а присегалъ де онъ митрополитъ королю и всѣмъ паномъ раднымъ и арцыбискуномъ Ляцкимъ на томъ, что ему Христіанскую вѣру ученьемъ своимъ попрать и уставить всее службу по повелѣнью папы Римскаго римскую вѣру, и книги Русскіе вывесть, а въ митрополиты де, Государь, въ Кіевъ въ Печерской монастырь на ево Петрово мѣсто Могилино благословленъ нынѣ Корсакъ бывшей владыко Пинскій. А что де, Государь, у нихъ церковного строенья и лошадей и рухледи всякой и запасу хлѣбного и животины всякой въ Литовской землѣ пограблено, и тому, Государь, грабежу принесли онѣ игумены ко мнѣ, холопу твоему, росписи, и подавъ росписи, били челомъ тебѣ, Государю Царю и Великому князю Михаилу Өеодоровичу всеа Русіи, онѣ игумены, чтобъ ты, Государь, пожаловалъ велѣлъ тѣ ихъ росписи послать изъ Путивля къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ. И я холопъ твой, взявъ у нихъ тѣ росписи послалъ къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ подъ сею отпискою; а имъ игуменомъ и старцомъ и старицамъ, и служкамъ и монастырскимъ ихъ крестьянамъ велѣлъ побыть въ Путивлѣ до твоего Государева указу, Густынскаго монастыря игумену Василью съ братьею велѣлъ быть въ Молчинскомъ монастырѣ, а Ладинсково монастыря игумену Меөодію и игуменьи и старицамъ въ Дѣвичемъ Духовномъ монастырѣ; а корму я холопъ твой давать имъ безъ твоего Государева указу не смѣлъ, потому что въ твоей Государевой прежней грамотѣ, какова твоя Государева грамота прислана ко мнѣ, холопу твоему, напередъ сего изъ Посольского приказу Мая въ 15 день написано: какъ пріѣдетъ изъ Густынского монастыря игуменъ съ братьею и его игумена и старцовъ велѣно принять и побыть имъ до твоего Государева указу въ Путивлѣ, а кормъ имъ давать ли или не давать, тово въ той твоей Государевѣ грамотѣ не указано. И о тѣхъ Го-

сударь игуменѣхъ, и о старцѣхъ и о старицѣхъ и о служкахъ, и о монастырскихъ ихъ крестьянѣхъ мнѣ, холопу своему, какъ ты Государь укажешь? Да Василей же, Государь, игуменъ съ братьею били челомъ тебѣ, Государю Царю и Великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи словесно, чтобъ ты, Государь, пожаловалъ велѣлъ имъ вмѣстѣ быть, гдѣ, Государь, ты ни укажешь: потому что де онѣ межъ себя приговорили и обѣщалися, что имъ всѣмъ вмѣстѣ быть. А дѣвичья, Государь, монастыря игуменъ Меѳодей и игуменья били челомъ тебѣ, Государю, о томъ же, чтобъ имъ быть въ одномъ мѣстѣ съ сестрами, гдѣ ты, Государь, укажешь.

На оборотѣ 1-й склейки адресъ: Государю Царю и Великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи. Потомъ помѣта: 146 году іюня въ 29 день съ Путимцомъ Стенкою Пановымъ. Вверху помѣта: Государю чтена. Указалъ Государь послать память въ приказъ Большаго-дворца, а велѣлъ тѣмъ старцомъ и старицамъ выписавъ монастыри гдѣ ихъ можно устроить, и доложить Себя Государя. А въ Путимль послать Государева грамота, велѣть имъ дати Государева жалованья для ихъ скудости корму на мѣсяцъ примѣрявъ къ инымъ, сколько пригожъ.

Подлинникъ хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ между малороссійскими дѣлами, связка 3, 1638 г. № 1.

2.

Царская грамота о дачѣ вышедшимъ изъ Литовской земли въ городъ Алатырь игуменѣ Елисаветѣ съ сестрами, причтомъ и служителями денежнаго и хлѣбнаго жалованья и угодій и о построеніи ими здѣсь новаго монастыря. 1639 г.

Отъ Царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Росіи на Алатырь воеводѣ нашему Ѳеодору Ивановичу Нащекину. Въ нынѣшнемъ во 147 году..... бря въ 14 по нашему указу велѣно Прилуцкого города Покровского Ладенского дѣвича монастыря игуменію Елисавету

съ сестрами и отца ихъ духовнаго игумена Меѳодія и чернаго попа Елеѳерія и старца Іакова и пѣвцевъ и служебниковъ, которые вышли изъ Литвы отъ гоненія Ляховъ за православную вѣру устроить на Алатарѣ въ Никольскомъ дѣвичя монастырѣ наше годовое жалованье денежные и хлѣбные руги учинить имъ окладъ: игуменьѣ денегъ пять рублевъ, а хлѣба восемь четвертей ржи, пятидесяти двумъ старицамъ по два рубля съ половиною, по четыре четверти ржи и отцу ихъ духовному игумену Меѳодію денегъ десять рублевъ, десять четвертей ржи чорному попу Елеѳерію восемь рублевъ денегъ восемь четвертей ржи да старцу Іакову, да пѣвцамъ семи человѣкамъ по три рубли да по пяти четвертей хлѣба ржи, служебникомъ осми человѣкомъ по два рубли съ половиною да по четыре четверти ржи а овса потомужъ всякому человѣку. Да имъ же давать по шестидесятъ саженъ дровъ, потому что люди не заводные, вотчинъ нѣтъ и привести дровъ не кому; да имъ же въ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ имъ быть велѣно, давать ведро вина церковнаго, по полопуду ладану, да на свѣчи но четыре пуда воску, да на кутью по шести четвертей пшеницы по два пуда патоки на годъ. А давать имъ тѣ церковные доходы и наше денежное и хлѣбное жалованье въ началѣ лѣта году всегда, руга всѣмъ сполна, потому что у нихъ община, на нынѣшній 147 годъ давать имъ сполна, какъ онѣ на Алатырь пріѣдутъ и кельи имъ поставить особно всѣмъ вместѣ, да въ монастырѣ имъ устроить трапезу теплую съ церковію, буде преже сего не устроена, и пѣвцамъ и служебникамъ дворъ близко монастыря устроить, а прежнюю игуменью и старицъ велѣно вывести изъ монастыря, гдѣ пригоже. И февраля въ 1 день били челомъ Покровскаго дѣвича монаастыря игуменья Елисавета съ со сестрами что де на алтарѣ въ Никольскомъ монастырѣ церковь ветха де, пошатнулась, и кровли и паперти обломились, службъ въ монастырѣ и трапезъ и поварни и хлѣбни нѣту, у нихъ общей хлѣбъ онѣ ѣдятъ всѣ вмѣстѣ въ трапезѣ, а поставить де имъ служебъ въ томъ монастырѣ негдѣ, а кельи

гнилы, повалилися; а старые де старицы выведенные приходять къ нимъ съ великимъ воплемъ и плачемъ и со слезами и намъ де отъ тѣхъ слезъ къ церкви Божіей пройти немощно. Есть де на алатарѣ жъ мѣсто пустовое подъ городомъ подъ стѣною, близко отъ Силинской башни, вверхъ по Сурѣ рѣкѣ подлѣ острогу до орѣшника, что было дано Рословцемъ, дѣтемъ боярскимъ и тѣ де дѣти боярскіе по нашему указу взяты въ Севескъ, и нынѣ то мѣсто лежитъ пусто, ни за кѣмъ не записано, копаютъ огороды выѣздные козаки бездачно. И намъ бы ихъ пожаловать велѣть то пустовое мѣсто дати имъ подъ церковь и подъ кельи и подъ всякіе монастырскіе обиходы и отцу ихъ духовному игумену Меѳодію и служебникомъ ихъ поставить дворъ по близку того монастыря. И мы ихъ пожаловали велѣли тѣмъ мѣстомъ монастырь устроить и церкви и трапезы и кельи и службы, безъ чего быти нельзя, и отцу ихъ духовному игумену Меѳодію и служебникомъ ихъ поставить близко монастыря дворъ на томъ мѣстѣ, о которомъ онѣ намъ били челомъ а Никольскаго монастыря прежнюю игуменью со старцами пожаловали велѣли въ томъ монастырѣ быть по прежнему. И нынѣ намъ били челомъ Кіевскіе старцы и игуменья Елисаветь съ сестрами, а въ челобитной ихъ писано: пожаловали мы къ монастырю ихъ близко пустое мельничное мѣсто на рѣчкѣ на Стемосѣ, что преже сего была наша мельница и почему имъ въ новомъ монастырѣ быть, мельничнымъ мѣстомъ владѣть, наше жаловннье на церковный обиходъ, на свѣчи и на ладонъ, и на вино церковное и на просвиры и на кутью и на пшеницу и патоку, и хлѣбную и денежную ругу и дрова имать имъ, и о томъ у нихъ нашея жалованнья грамоты нѣту, и намъ бы ихъ пожаловать велѣти имъ дать нашу грамоту почему имъ въ новомъ дѣвичь монастырѣ, отцу ихъ *) духовному съ братіею и служебникомъ подлѣ то-

*) Здѣсь въ монастырскомъ актѣ одной склейки не достаетъ, и дальнѣйшее пишется съ копіи грамоты, находящейся въ

гожъ монастыря быти и мельничнымъ мѣстомъ владѣть и наше жалованье на церковной обиходъ, на свѣчи и ладанъ и на вино церковное и просвиры и кутью и пшеницу и медъ и хлѣбную и денежную ругу и дрова на алатарѣ имать. И мы игуменьѣ Елисаветѣ съ сестрами и отца ихъ духовнаго игумена Меѳодія пожаловали велѣли дать нашу грамоту что мы пожаловали велѣли имъ устроить на алатарѣ монастырь на пустомъ мѣстѣ близъ Силинской башни по берегу рѣки Суры, а въ немъ поставить двѣ церкви одна съ трапезою и отцу ихъ духовному и попу и служебникомъ дворы и мельницы устроить нашею казною и наше жалованье денежное и хлѣбное и на церковной обиходъ на свѣчи и ладонъ и вино церковное, на просвиры и на кутью, пшеницу и медъ велѣли имъ давать на алатарѣ ежелѣтъ изъ нашихъ доходовъ по нашему указу сполна изъ приказу Казанскаго дворца. И какъ къ тебѣ придетъ сея наша грамота, и ты бъ на алатарѣ въ Кіевскомъ Бѣлорусскомъ старицамъ игуменьѣ Елисаветѣ съ сестрами и отцу ихъ духовному игумену Меѳодію съ братіею пѣвцомъ и служебникомъ наше жалованье изъ казны денежное и хлѣбное, ругу и дрова *) и на церковный обиходъ свѣчи и ладонъ и вино церковное и на просвиры и на кутью пшеницу и медъ давать на алатарѣ по вся годы съ начала лѣта по нашему указу сполна, и отъ обиды и насильства и всякаго бѣдства ихъ оберегать, чтобы нашею Государевою милостію изустроены, и въ покоѣ ни въ скудости были и чтобы обиды и насильства и бѣдства никакихъ небыло. А прочетъ сію нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ слово въ слово оставить у себя, а

Списокъ на столбцѣ послѣдующаго времени.
Изъ архива алат. кіевониколаевскаго монастыря, свитка Н 1.

архивѣ нижегородской духовной консисторіи при дѣлѣ 1781 г. апр. 14 о собраніи свѣдѣній о монастыряхъ.

*) Доселѣ по нижегородской копіи; дальнѣйшее опять пишется по монастырскому акту.

сію нашу грамоту подлинную отдать игуменьи Елисаветѳи съ сестрами, и онп бы у себя держали и впредь до иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ лѣта 7147 году марта въ 1 день.

II.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ
до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г.

(Продолженіе).

ГЛАВА 12-я.

Первые труды Шедо-Ферроти на пользу польской справы.—Протесты эмиграціи.—Крестьянская реформа.—Чарторыйскій, Мѣрославскій и Герценъ.

Шедо-Ферроти, по времени, стоитъ первымъ работникомъ польской эмиграціи, въ новомъ, по ея теоріямъ, фазисѣ, въ который вступили польскія дѣла.

Централизація хотѣла добыть путемъ революціи начала къ возобновленію работы великаго будованья, разрушенной мятежомъ 1831 года, а Ламберовъ отель стремился предварительно положить тому основанія легальными путями, добывъ уступки и сдѣлавъ правительства въ отношеніи къ себѣ солидарными.

Ожидаемыя торжества по прибытіи Государя въ Варшаву, были признаны временемъ удобнымъ. Шедо-Ферроти, на сколько было ему возможно и пригодно, для удержанія польскихъ дѣлъ вотьмѣ и во мглѣ, разсказываетъ приготовленіе сторонниковъ Ламберова отеля. Если Шедо-Ферроти многое не договариваетъ, за то, для отвода, съ дипломатическою точностью, посвящаетъ насъ въ другія подробности.

По принципамъ Ламберова отеля, основаннымъ на старныхъ комбинаціяхъ, Шедо-Ферроти и самъ служитъ указаніемъ и самъ указываетъ, что признанную наилучшею систему для дѣйствій не предполагалось измѣнять: „2 мая 1856 года, пишетъ онъ, недѣли за три до пріѣзда Государя въ Варшаву, меня посѣтили три поляка, принадлежащіе къ высшей аристократіи. Эти господа, между которыми двое еще болѣе замѣчательны своею ин-

теллигенціею, чѣмъ даже своимъ общественнымъ положеніемъ, обратились ко мнѣ съ просьбою составить имъ записку, которая резюмировала бы нужды страны и надежды, связанныя съ появленіемъ Государя среди польскаго дворянства. Я принялъ съ предупредительностью ихъ предложеніе, и мы условились на счетъ предмета петиціи. Для меня было достаточно трехъ дней, и 5 мая я отдалъ имъ мою работу; они потребовали еще нѣсколько дней для переговоровъ съ своими политическими друзьями. Пренія съ лицами, которыя были признаны нужными для совѣщаній, вѣроятно, были довольно оживлены, потому что я получилъ мою записку только послѣ двѣнадцати дней, именно 17 мая послѣ обѣда. Замѣчанія, мнѣ сдѣланныя при возвращеніи моей рукописи, доказали, что въ полномъ собраніи, къ которому я не былъ допущенъ, были значительно сбавлены первоначально заявленныя требованія. Изъ шести пунктовъ петиціи, какъ наинужнѣйшихъ для страны, два были вычеркнуты и одинъ значительно измѣненъ.

„Возстановленіе государственнаго совѣта въ Варшавѣ было вычеркнуто, какъ несвоевременное и могущее возбудить опасенія въ русскомъ правительствѣ; таже участь постигла 4 пунктъ, требующій введенія польскаго языка, какъ оффиціальнаго, во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ. Пятый пунктъ испрашивалъ установленіе земскихъ властей выборными воеводскихъ совѣтовъ и областныхъ штатовъ,— учрежденія, обѣщанныя органическимъ статутомъ 1832 г., но онъ остался только въ видѣ проэкта. Это исправленіе было измѣнено, согласно редакціи нижеслѣдующаго пункта 3: „И такъ петиція обратилась въ слѣдующіе четыре пункта; 1) возвращеніе эмигрантовъ; 2) амнистія ссыльнымъ; 3) участіе сельскаго дворянства въ администраціи края выборомъ судей и земскихъ чиновниковъ и 4) возстановленіе польскаго университета“. Тѣмъ ограничивались требованія поляковъ въ 1856 году. Вотъ чего было достаточно для того, чтобы императорское правительство сдѣлалось популярнымъ и ничто не могло бы поколебать его могущества, если бы прямо и съ перваго раза сдѣлали были эти уступки“....

Шедо-Ферроти тѣмъ не ограничивается, полагая, что читатели не знакомы или забыли время конституціоннаго Царства Польскаго при Александрѣ Павловичѣ и желая морочить далѣе, онъ продолжаетъ: „Я позаботился о *перебѣленіи моей записки молодымъ калиграфомъ*, мнѣ рекомендованнымъ первыми, ко мнѣ

обратившимися, и по пріѣздѣ государя отправился во дворецъ лазенки, къ одному изъ значительнѣйшихъ лицъ свиты Государя и вручилъ ему записку, съ просьбою прочесть ее, и если найдетъ исполнимою, представить ее государю. На другой день я прибылъ опять въ *9 часовъ утра;* я былъ немедленно принятъ вышесказаннымъ лицемъ; генералъ очень похвалилъ мою работу, ея суть и форму и обѣщалъ доложить ее при первомъ удобномъ случаѣ. Я узналъ позже, что записка осталась въ его портфелѣ, и что государь ничего не зналъ объ ней. Генералъ—, конечно, оцѣнилъ мою скромность, по которой я его не называю по имени.“

И такъ, въ запискѣ *Шедо-Ферроти,* которая предназначалась въ руководство великодушію русскаго императора, заключались тѣ же требованія, которыя излагались въ инструкціяхъ польской эмиграціи, но прежде они поручались коноводамъ забуянившей на улицѣ толпы—для того, чтобы на твердыхъ основаніяхъ поставить дѣло польской справы, а теперь они поручались *легальной* запискѣ, подобныя которой писали князь *Чарторыйскій* и графъ *Огинскій.* Эмиграція хотѣла избѣжать повторенія упрековъ, что она не умѣетъ остановиться во время, не умѣетъ выжидать *народной переклички* и во время отвѣтить: *естесьмы.* По словамъ *Шедо-Ферроти,* ктоже иной, какъ не генералъ *** виновенъ во всемъ послѣдовавшемъ мятежѣ; не оставь онъ спасительную записку въ своемъ портфелѣ и тѣмъ не парализируй ея волшебную силу, то не было бы и мятежа 1863 года. Отъ записки *Шедо-Ферроти* должно было остановиться шестьдесятъ два года дѣйствовавшее perpetuum mobile польскихъ конспирацій. Въ то время, когда мѣстные верховные мастера великаго *будованя,* по проэкту Ламберова отеля, принялись за работу, польская эмиграція двумя протестами повѣстила туземцевъ, что если изъ среды ея и найдутся желающіе воспользоваться амнистіею, то сама она вовсе не признаетъ борьбу оконченною. Время можетъ вполнѣ разъяснить, какія утѣшительныя надежды убаюкивали польскую эмиграцію. Сѣраковскій, одинъ изъ дѣятелей петербургской секціи искалъ доступа въ дипломатическіе кабинеты, работа perpetuum mobile оживилась.

Протесты польской эмиграціи длинны, какъ всѣ польскіе эмиграціонные акты, приведемъ, потому, знаменательнѣйшія мѣста:

Демократическая партія заявляла 6 Іюля. „Подписавшіе польскіе эмигранты считаютъ своимъ долгомъ протестовать противъ нея

(амнистіи); польской эмиграціи не нужна амнистія, ей *не въ чемъ себя упрекать, ей не о чемъ сожалѣть*, она поклялась упорствовать въ роли, которую она избрала, и она сама себя обрекла на изгнаніе.

„Послѣ возстанія 1831 года, *цвѣтъ* націи вышелъ изъ края. Польскіе эмигранты предъ отчизною и образованнымъ міромъ объявляютъ, что они отталкиваютъ амнистію Александра II, какъ оттолкнутъ амнистію и всякаго другаго изъ трехъ притѣснителей отчизны, если бы тѣ вздумали ее предлагать, и что они возвратятся только тогда, когда изъ нея можно выгнать иноземцевъ.“

Аристократическая партія, въ своихъ актахъ, современи паденія революціонной партіи во Франціи и утвержденія въ ней имперіи, принявшая названіе *монархической*, протестовала 9 іюня.

„Недавній актъ русскаго правительства, упомянутый въ циркулярѣ министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 15/27 мая сего года, объявляетъ милосердіе Императора Александра II относительно польскихъ выходцевъ и дозволяетъ свободное возвращеніе на родину тѣмъ изъ нихъ, которые, *раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ* будутъ его испрашивать. Мы были о томъ увѣдомлены единовременно съ рѣчами, Императоромъ произнесенными въ Варшавѣ.“

„Существенное значеніе документовъ относится къ каждому изъ насъ, потому, не посягая на личныя мнѣнія, мы ни въ какомъ случаѣ не желаемъ вліять на совѣсть нашихъ собратовъ изгнанія; нижеподписавшіеся желали только публичнымъ заявленіемъ объяснить правительствамъ и націямъ, намъ оказывающимъ великодушное гостепріимство, причины, которыя, въ совокупности, обязываютъ насъ терпѣливо и покорно, по волѣ Провидѣнія, оставаться въ положеніи, которое оно намъ опредѣлило.“

„Мы были ограблены и осуждены заочно; (*) наше возвращеніе непремѣнно зависитъ отъ личной безопасности и семейныхъ разсчетовъ; но амнистія, въ которой говорится о виновныхъ, заблужденіяхъ, о запоздаломъ раскаяніи, о неисправимой ненависти, амнистія, которая возвращаетъ на родину, не возвращая имѣній, которая на закатѣ лѣтъ даетъ три года для испытаній, такая амнистія не отличается отъ подобныхъ ей, издаваемыхъ съ 1832 года.“

(*) Ещебы! государственные преступники, мятежники, сражавшіеся съ войсками правительства, заслужившіе висѣлицу, но только избѣжавшіе эту заслуженную казнь бѣгствомъ за границу, чтобъ были оставлены при своемъ имѣніи и не былибы осуждены, потому только, что спаслись бѣгствомъ.

„Императоръ Россіи навѣрно былъ бы лучше, присовѣтованъ и привлекъ къ себѣ болѣе польскихъ сердецъ, если бы, вмѣсто того, чтобы сказать: „я желаю, чтобы порядокъ, установленный моимъ отцемъ былъ сохраненъ“ — сказалъ бы, какъ говорилъ его дядя, Императоръ Александръ I: Россія вамъ братски протягиваетъ руки; изъ всѣхъ выгодъ, которыя ей предоставляетъ побѣда (а нынѣ миръ), она выше всѣхъ ставитъ одну: поднять и возстановить уважаемую и доблестную націю“.

Князь Чарторыйскій, казалось, забылъ, что его совѣты привели къ мятежу 1831 года, а порядокъ, установленный Императоромъ Николаемъ, сохранилъ спокойствіе русскихъ поляковъ, даже въ 1849 и съ 1854 по 1856 годъ. Но если эмиграція знала, на сколько прочны между ихъ соотчичами чувства, изъявляемыя Варшавою при восторженныхъ пріемахъ Государя, то вся она, совмѣстно съ тузенцами, встрепенулась при новомъ, нежданномъ, громовомъ ударѣ, который разилъ самое основаніе шестидесяти-пяти лѣтнихъ польскихъ комбинацій; *съ 1791 г. крестьянскій вопросъ былъ поднятъ въ Россіи.*

По возшествіи на престолъ, Государь, въ мартѣ 1855 года, среди тяжкой войны, сказалъ депутаціи с.-петербургскаго дворянства: „я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго.“ По прекращеніи войны, въ концѣ марта 1856 года, Государь посѣтилъ Москву и тамъ представлявшимся предводителямъ дворянства Московской губерніи заявилъ, что „настаетъ время прекращенія крѣпостнаго права; прошу васъ, господа, думать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе; передайте мои слова дворянству для соображенія.“ Во время коронаціи, въ августѣ того же 1856 года, въ Москвѣ собрались предводители дворянства всѣхъ губерній; товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Левшину было поручено Государемъ войдти съ ними по этому предмету въ переговоры. „Дворяне провинцій Виленской, Ковенской и Гродненской, пишетъ *Шедо-Ферроти*, подали примѣръ Россіи, *по собственному побужденію*, испрашивая въ 1857 году освобожденіе своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Это великодушное рѣшеніе слишкомъ согласовалось съ видами правительства, чтобы оно имъ не воспользовалось, дабы эту мѣру сдѣлать повсемѣстною. Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ обнародовалъ благородное рѣшеніе литовскаго (?)

дворянства, приглашая русское дворянство послѣдовать столь прекрасному примѣру.“

Нынѣ мятежъ разорвалъ мантію, для ослѣпленія и увлеченія толпы, ярко расписанную, которою прикрылась крамола; разборъ къ ней относившихся дѣлъ выяснилъ весь механизмъ. Сведенныя капитальныя данныя даютъ въ подлинныхъ документахъ положительныя свѣдѣнія, которыя избавляютъ отъ необходимости гипотезъ и догадокъ относительно эмиграціи; вопреки всѣхъ ея заявленій, наружу выходитъ, что крестьянскій вопросъ, 65 лѣтъ занимавшій шляхетство, становился на второй планъ; онъ былъ ему важенъ для будущаго властвованія надъ Польшею. *Бѣлые* — землевладѣльцы, хотѣли изъ современныхъ сложныхъ обстоятельствъ дать простолюдинамъ какъ можно менѣе, дабы, заключивъ ихъ въ тѣсный кругъ настоятельной нужды, обратить въ покорное себѣ орудіе; *красные*, не имѣя собственности, проповѣдовали *коммунизмъ*, въ надеждѣ за чужое добро купить себѣ власть, и проповѣдуя свои теоріи, вели къ расторженію благоустроенныхъ обществъ; подъ маскою соціалисто-баррикадныхъ бойцевъ-философовъ, они силились истребить права собственности, труда и сбереженія — единственныя рычаги, побуждающіе къ развитію человѣческаго прогресса и, домогаясь всесторонней оргіи, они въ средства избрали анархію.

На первомъ планѣ остановилась иноземная помощь. Слова герцога *Шаузеля*, министра Людовика XV маркизу Польми: „анархія въ Польшѣ пригодна выгодамъ Франціи“,— понынѣ сохранили свое историческое значеніе. Вопреки заявленія всѣхъ партій о возстановленіи Польши собственными силами и средствами, на повѣрку вышло, что всѣ онѣ, когда отъ словъ предстояло перейдти къ дѣйствіямъ, поняли, что, безъ иноземнаго вмѣшательства, всякая борьба — только сумазбродная попытка; за Ламберовымъ отелемъ, и демократы кинулись въ дипломатію и, для вѣрнѣйшаго успѣха на дипломатическомъ поприщѣ, убаюкивали себя и другихъ призраками легкой побѣды.

Собиралась гроза въ вѣковой кровавой драмѣ борьбы олатинившагося шляхетско-ксендзовскаго міра съ православною Русью; готовился новый актъ, для котораго крестьянскій вопросъ былъ избранъ сюжетомъ. Высшіе путеводители бойцевъ: *Чарторыйскій*, *Мѣрославскій* и *Герценъ* готовились къ борьбѣ окольными путями, и пока первые два хлопотали объ иноземной помощи, послѣдній, какъ вѣрный союзникъ польской справы, замышлялъ сокрушить силы

Россіи. Всѣ они готовились оправдать слова *Мѣрославскаго*, что союзники сдѣлали ошибку, устремясь на Крымъ, что восточный вопросъ, который долженъ доставить преобладаніе западу, долженъ быть рѣшенъ въ Польшѣ. Торжество польской справы избавило бы западъ отъ восточнаго соперника и прибавило бы ему семьдесять милліоновъ чорнорабочаго народу; *Чарторыйскимъ* и *Мѣрославскимъ* открылось бы свободное поприще, съ готовыми уже бойцами, но старому, среди междоусобій и анархій, мечемъ и интригами искать власти, сознательно распѣвая: „еще польска не згинела,“ а герценовская компанія отправилась бы между Бѣлымъ моремъ, Волгою и Ураломъ смотрѣть, хорошо ли русскій человѣкъ работаетъ на западниковъ, гостепріимно принявшихъ ренегатовъ и, въ утѣшеніе русскому люду, проповѣдывать ему теоріи Сен-Симона, Фурье и Оужа, къ практическому примѣненію приспособленныя польскою централизаціею. Понятно, что, въ пылу радости и надеждъ, когда блеснуло зарево явно подготовляемаго пожара, Бакунинъ воскликнулъ: „да здравствуетъ революція.“

Руководители, для успѣха въ дѣлѣ, во чтобы то ни стало, должны были затормозить и исковеркать освобожденіе крестьянъ, съ грозною для нихъ придачею надѣла землею. Не смотря на всѣ опасенія русскихъ помѣщиковъ стародумовъ, на фокусы и стратегемы поляковъ, на раздразнивающіе и разжигающіе возгласы *герценистовъ*, не смотря на всѣхъ *Добродѣевыхъ* и *Благолюбовыхъ*, не смотря на всѣхъ собирателей народныхъ пѣсень и сказокъ (*) и разглашателей по деревнямъ нелѣпыхъ вѣстей,—Россія, довѣряя царю, спокойно ожидала Его рѣшенія, и положеніе о крестьянахъ, пробиваясь чрезъ всѣ препоны и извороты, обильно нагоняемые его противниками и предателями-друзьями, стройно подвигалось впередъ, съ ужасающею для поляковъ быстротою. Идея, первоначально высказанная ГОСУДАРЕМЪ, приводилась въ точное исполненіе. Крестьянинъ получалъ личную свободу, съ такимъ ему предоставляемымъ надѣломъ, что ни въ какомъ случаѣ ему не могло угрожать, вмѣсто фактическаго, новое искуственное рабство, а вмѣстѣ съ тѣмъ право собственности и пользованіе землею были сохранены; трудъ, сбереженіе и способности увидѣли въ правительствѣ охраненіе, при которомъ только возможно правильное

(*) Прибавимъ и издателей раскольническихъ книгъ въ Петербургѣ.

развитіе общественнаго благоденствія. Полякамъ было желательно легальными изворотами создать новый видъ рабства для хозяйства пановъ, а въ Россіи, поддерживая стремленія коммунизма, разрушить государственный строй. Это объясняетъ почему иной полякъ, съ польскою легальностью, *красный* въ Россіи, обращался въ ретиваго *бѣлаго* подъ роднымъ небомъ, на родной почвѣ. Мудрыя мѣры правительства, прежде даже, нежели земледѣльческое хозяйство успѣло примѣниться къ новымъ законоположеніямъ, измѣнившимъ вѣковой обычай, были оцѣнены даже *крѣпостниками*,—слово, пущенное въ ходъ, на потѣху герценистовъ, однимъ изъ *братьевъ столбовъ великаго будованія*, на русской землѣ питаемыхъ русскимъ хлѣбомъ. Потомство вполнѣ оцѣнитъ слова министра внутреннихъ дѣлъ (*): „Для высшаго правительства въ настоящемъ случаѣ другое затрудненіе,— это устранить пагубное дѣйствіе *крайнихъ* и *преувеличенныхъ* мнѣній, выражающихся въ ту или другую сторону.“ *Варшавское агрономическое общество* арпагоновскимъ своимъ лепетомъ и *Колоколъ*, ехиднымъ своимъ шипѣніемъ, не заглушили звонкой, звучной пѣсни къ новой жизни призваннаго русскаго народа; крестьянскій вопросъ былъ жизненный для Ламберова отеля. Съ трепетомъ въ сердцѣ помѣщики царства Польскаго и Западной Россіи, слѣдя тайными каналами за работами по крестьянскому вопросу въ С.-Петербургѣ, тревожно ожидали его разрѣшенія. Быстрота веденія дѣла служила очевиднымъ укоромъ хвастливымъ провозглашеніямъ польской интеллигенціи, которая, не смотря на все панское желаніе предупредить правительство, не могла привести агрономическое общество ни къ какому положительному рѣшенію, хотя въ немъ и предсѣдательствовалъ графъ *Андрей Замойскій*, представитель Ламберова отеля въ Варшавѣ и племянникъ князя *Адама Чарторыйскаго*. Въ тоже время дворянство въ сѣверо-западной Россіи, видя, что вопросъ *на канунѣ* рѣшенія, хотѣли задержать его во чтобы то ни стало прямыми и окольными путями. „Вы склонили дворянъ литовскихъ губерній приступить къ коренному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ,“ писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ *Ланской* къ генералъ-губернатору В. И. Назимову въ Вильну, 21 января 1861 года. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, открыта была полная воз-

(*) Отношеніе къ виленскому генералъ-губернатору отъ 11-го января 1861 года.

можность каждому оффиціальному и частному лицу высказаться по вопросу, приковавшему къ себѣ общее вниманіе. Представители помѣстнаго дворянства воспользовались, какъ и слѣдовало, этимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ... Нѣтъ недостатка въ мѣстныхъ данныхъ и указаніяхъ; такого обилія матеріаловъ, изъ коихъ многіе отличаются несомнѣнными достоинствами и отчетливостью, едва ли было когда нибудь собрано у насъ при обсужденіи законодательнаго вопроса.

Министръ сообщалъ, что, допустивъ непосредственныя сношенія дворянскихъ предводителей по дѣлу, *получившему законодательный ходъ, нѣтъ достаточнаго основанія недопускать того же и по всѣмъ другимъ губерніямъ*, что окончательное Царское слово положитъ конецъ всѣмъ разномысліямъ, и изъявлялъ свое удивленіе на заявленія предводителями дворянства о необходимости *тщательнаго и всесторонняго обсужденія* составленнаго проекта и *рѣзкія и бездоказательныя* порицанія, а еще болѣе *недовѣріе* къ сужденіямъ главнаго комитета и государственнаго совѣта потому только, что въ средѣ ихъ нѣтъ литовскихъ помѣщиковъ. Самое ожесточенное нападеніе направлено противу сохраненія крестьянамъ постояннаго наслѣдственнаго пользованія ихъ участками, тогда какъ съ самаго начала предпринятой реформы, еще при первоначальныхъ сужденіяхъ, правительство имѣло всегда въ виду оставить крестьянамъ *постоянное* пользованіе землею. Въ концѣ министръ заявляетъ также свое удивленіе, что Ковенскій предводитель дворянства ссылается постоянно на такіе документы, *которые даже не могли быть ему извѣстны*, ибо назначались для высшихъ правительственныхъ лицъ.

Для польской справы, дипломатическія вѣсти Ламберова отеля были ободрительны, а приходившія изъ Петербурга были отчаянныя. Паны подали руку *краснымъ*, графъ Андрей Замойскій, съ агрономическимъ обществомъ, вышелъ на улицу, барскіе конюхи нанимали охотницъ увеличить толпы черни, сгоняемыя *красными*, и въ февралѣ грозныя демонстраціи разлились по улицамъ Варшавы, но комбинаціи оказались несостоятельными,—19-го февраля 1861 года указъ объ освобожденіи крестьянъ былъ подписанъ. Новая эра наступила для Россіи, послѣ уничтоженія уніи (1839 г.) это былъ первый ударъ, отъ котораго посыпались груды обломковъ великаго будованія. Демонстраціями и быстрыми приготовленіями къ мятежу оставалось не допустить примѣненіе цар-

скаго указа въ Западной Россіи, оградить отъ его распространенія Царство Польское.

Пока Ламберовъ отель велъ свое дѣло широкою тропою изъ извилистыхъ дорожекъ, всюду прокладывая путь къ торопливому ополячиванію западной Россіи, *Мѣрославскій* не сидѣлъ сложа руки. Истый сынъ имъ воспѣваемой шляхты; пропитанный чванствомъ до плоти и костей, безконечно наглый, безконечно дерзкій, изворотливый и хитрый, хвастунъ и балагуръ, пролазъ, въ краковской кожѣ польскаго шляхтича, *Ноздревъ*, безъ личной отваги,— *Мѣрославскій* не переставалъ себя величать диктаторомъ Польши. Послѣ всѣхъ подвиговъ сороковыхъ годовъ, при брани туземцевъ и неудачахъ эмиграціи, его значеніе стало меркнуть между польскими выходцами; но онъ не изъ числа людей упадающихъ духомъ, онъ взвѣсилъ свои шансы, началъ работать на собственную руку и находчиво себѣ составилъ новое положеніе, независимѣе и самостоятельнѣе прежняго.

Эмиграція 1831 года старѣлась, *Мѣрославскій* понялъ, что старые бойцы уже не люди для дѣйствія; онъ обратился къ юношамъ, легче увлекаемымъ, легче подзадориваемымъ. Извѣстные ему каналы централизаціи ему послужили для проведенія своихъ плановъ; онъ ударился въ литературу, обильно распространялъ вездѣ, гдѣ гнѣздилась польская молодежь, свои рѣчи *листопадовы*; (*) въ своихъ сочиненіяхъ сарказмами разилъ аристократію, на посмѣшище выставлялъ ихъ продѣлки, бичевалъ своихъ враговъ, какъ завистниковъ, клеветниковъ, шпіоновъ, продавцевъ ойчизны, онъ отдавалъ противниковъ на судъ польской публики; а самъ, рисуясь величайшимъ патріотомъ, самоотверженнымъ защитникомъ ойчизны, превозносилъ доблести польской націи, ея высокую, врожденную интеллигенцію, льстилъ молодежи и игралъ на струнахъ тщеславія старыхъ отдаленныхъ приверженцевъ; онъ пародировалъ своими сношеніями съ революціонными знаменитостями, и затмѣніемъ значенія централизаціи ловко сосредоточилъ въ своихъ рукахъ ея связи и сношенія. Такъ, петербургскіе столбы польской справы, студенты сороковыхъ годовъ, бредили *Мѣрославскимъ* и его именемъ чаровали своихъ новобранцевъ. Его приверженцы (*Мѣрославчики)*, воспользовав-

(*) Собраніе рѣчей, имъ произнесенныхъ въ годовщины ноябрскаго возстанія 1830 года.

шись амнистiею, вербовали ему молодыхъ приверженцевъ между туземцами, разсѣевали его сочиненiя и воззванiя въ учебныхъ заведенiяхъ, а между простолюдинами пускали его имя, идеализируя *Мѣрославскаго* какимъ то святымъ мученикомъ, томящимся въ изгнанiи, вдали молящимся Ченстоховской Божiей Матери за спасенiе польскаго народа. Молодежь, кинувшаяся путешествовать за границу, возвращалась очарованною диктаторомъ. На его призывъ стекались молодые бойцы въ легiоны *Гарибальди*.

Мѣрославскiй, вмѣсто охладѣвшаго къ нему демократическаго товарищества, утратившаго свое значенiе съ высылкою централизацiи изъ Францiи и свою силу амнистiею (*), составилъ въ 1859 году новое общество *товарищества польской молодежи*, и имъ онъ заправлялъ безотчетно, безъ всякихъ совѣтовъ, безъ централизацiйи сотоварищей въ управленiи; *Мѣрославскiй* поднялъ знамя новой партiи, въ которой Польша должна была видѣть своихъ будущихъ избавителей. Онъ взялъ на себя приготовить къ военному дѣлу будущихъ бойцевъ, чрезъ *Гарибальди* добылъ помѣщенiе для заведенiя польской военной школы въ Генуѣ, въ которую поступило около 150 человѣкъ изъ волонтеровъ, служившихъ у Гарибальди, а остальные члены новаго товарищества, кто былъ по богаче, съ самимъ *диктаторомъ* проживали въ Парижѣ, и тамъ, въ такъ называемой, „*польской читальнѣ*," предполагалось давать тоже полное образованiе.

Съ вызовомъ волонтеровъ къ *Гарибальди*, которые по польскимъ планамъ явятся изъ Италiи въ авангардѣ избавителей Польши, оскудѣвшiе финансы диктатора, по выходѣ его изъ централизацiи, стали быстро приходить въ самое цвѣтущее положенiе. *Мѣрославчики* принялись за весьма доходное ремесло— собирателей складчинъ на польскiе легiоны. На его воззванiя тысячи летѣли къ нему отъ всего шляхетства туземнаго и изъ Россiи съ такою щедростью, что скоро *Мѣрославскiй* сталъ считать приходъ уже сотнями тысячъ. *Мѣрославскiй* зажилъ бариномъ въ hotel du Maroc въ квартирѣ *Куржины*, воспитанника, бѣжавшаго изъ высшей варшавской школы, парня лѣтъ 25, который былъ его помощникомъ, секретаремъ, кассиромъ. Расходы *Мѣрославскаго* были: на содержанiе *читальни*, на польскую школу въ

(*) Заграницею оставалось не болѣе 300 чел. и менѣе половины членовъ проживали во Францiи.

Италіи, а капиталъ, имъ собираемый на военныя издержки къ будущему мятежу, онъ назвалъ *железнымъ*. Онъ общитывалъ и читальню и школу, а железный капиталъ исчезъ въ неизвѣстности. Диктаторъ завелъ свою администрацію, своихъ агентовъ, свои сношенія; изъ Парижа онъ управлялъ всѣми уличными безпорядками Варшавы, получалъ отчеты въ расходахъ на произведенныя манифестаціи, на жалованье снятыхъ съ мѣстъ пригодныхъ ремесленниковъ, посылалъ инструкціи и воспользовавшись тѣмъ, что въ агрономическомъ обществѣ, въ виду устрашающаго указа, заговорили о необходимости дать надѣлъ крестьянамъ, *Мярославскій*, думая пановъ поймать въ западню, принялъ за *фактъ совершившійся* и написалъ цѣлую инструкцію для предстоящихъ дѣйствій.

„Надѣлъ крестьянъ, принятый агрономическимъ обществомъ, долженъ служить точкою исхода мѣрамъ, принимаемымъ къ народному возстанію и должно воспользоваться массами, которыя этимъ пригоднымъ рѣшеніемъ получили землю въ полную и вѣчную собственность, какъ основаніе національнаго возрожденія Польши. Дабы правительство согласилось, чтобы это постановленіе изъ Варшавы было распространено на всѣ провинціи, помѣщики Литвы и Руси должны немедленно послать въ Петербургъ депутацію, которая соединилась бы съ варшавскою и слѣпо ей подчинялась.“

„Если бы Царь, хотя это и трудно предположить, прямо согласился на всѣ требованія, то немедленно пустить слухъ, что онъ былъ напуганъ и подчинился приказаніямъ Варшавы.“

„Устроить при этомъ случаѣ національныя торжества, шумныя и многочисленныя народныя сборища, которыми бы руководила мелкая шляхта.“

„Въ промежутки должно заблаговременно готовиться и готовить населеніе въ постоянномъ ожиданіи внезапной войны.“

„Возстаніе должно быть произведено слѣдующимъ образомъ: массы сельскаго населенія, подготовленныя *экономическими вліяніями*, которыя должны тому предшествовать, вооруженныя всѣмъ, что имѣютъ подъ рукою, но непремѣнно подъ начальствомъ дворянства, со всѣхъ сторонъ устремляются къ уѣздному городу, истребляютъ нежданными аттаками гарнизонъ притѣснителей, баррикадируютъ улицы“ и проч.

Примѣч. При нынѣшнемъ положеніи, народъ не долженъ допустить ни рекрутскаго набора, ни насильственнаго вооруженія.

„Варшавскій *капитулъ* обязанъ занимать вниманіе Европы журнальными корреспонденціями и депутаціями, высылаемыми къ правительствамъ Франціи и Англіи.“

„Съ одной стороны должно возбуждать въ западныхъ массахъ постоянную лихорадку, ожиданіемъ безпрестанно усиливающихся народныхъ манифестацій, жизненностью поляковъ и русскаго безсилія. Для этой цѣли необходимо посылать во всѣ журналы нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и италіанскіе сообщенія, а въ случаѣ недостатка и выдуманныя — о волненіяхъ, которыя въ Россіи расшатываютъ царскую власть, увѣдомлять о распряхъ серіозныхъ и неопровержимыхъ, какъ бы возникшихъ между крестьянами, боярами и чиновниками, и съ особенною настойчивостью упоминать объ изнеможеніи финансовомъ, военномъ и административномъ, о *мстительномъ и всеразрушающемъ вліяніи поляковъ* на этотъ механизмъ, созданный Петромъ Великимъ и нынѣ разваливающійся.“

„*Необходимо убѣдить вселенную*, что могущество Царя можетъ быть сокрушено только поляками.“

„Съ другой стороны, сильно надоѣдать правительствамъ Франціи и Англіи, доставляя имъ изъ Варшавы, для этой цѣли, жалобы *фабрикованныя*, будто бы посылаемыя въ Петербургъ и тамъ оставленныя безъ вниманія. Должно замѣтить, что эти депутаціи сначала никакого удовлетворенія не получатъ, но отъ этого наше усердіе не должно остывать, потому что наша главная цѣль—компрометировать Россію и кромѣ того добыть причины жаловаться на эти правительства за ихъ къ намъ равнодушіе.“

„Сообщаемъ конфиденціально нашимъ согражданамъ, что эти совѣты намъ были даны людьми, которые хорошо знакомы съ политикою тюильерійскаго кабинета и которые намъ указывали на италіанцевъ, въ нѣсколько лѣтъ, патріотическимъ настаиваніемъ, достигшихъ устраненія всѣхъ дипломатическихъ преградъ, и убѣдившихъ императора французовъ исполнить то, что онъ никогда не думалъ и не хотѣлъ дѣлать и, волею — неволею, заставили французское правительство помочь имъ къ возстановленію Италіи. Но да сохранитъ насъ Богъ употребить на это дѣло эмигрантовъ; это было бы дать западнымъ правительствамъ, мало симпатизирующимъ польскому движенію, наилучшее средство устраниться отъ этого движенія. Особенно должно избѣгать интригановъ Ламберова отеля, которые кинули родину, и которые совершенно изно-

сились, натирая переднія заграничныхъ министерствъ и служатъ посѣтителемъ всѣхъ мало къ намъ расположенныхъ.

„Національные эмиссары должны избѣгать слишкомъ частыхъ посѣщеній тюльерійскаго дворца, гдѣ они легко могутъ быть разгаданы; напротивъ того они должны болѣе держаться Пале-рояля, гдѣ они могутъ быть увѣрены, что найдутъ всевозможную поддержку и нужныя свѣдѣнія. Депутатъ G. L. M. можетъ доставить имъ всѣ къ тому необходимыя инструкціи и объясненія.

„Повторяемъ, что эти депутаціи не должны болѣе ничего ожидать отъ приносимыхъ жалобъ, какъ только проложить дорогу къ будущему сближенію между западомъ и возставшею Польшей и запугать тѣмъ русскихъ и нѣмцевъ мыслью, что правительства Франціи, Англіи и Италіи въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ движеніемъ.

„Мы должны довольствоваться тѣмъ, что всякая варшавская манифестація къ намъ приближаетъ италіанцевъ, венгерцевъ и всѣ національности, которыя ищутъ расторженія австрійскихъ цѣпей." Въ этомъ отношеніи существуетъ полное соглашеніе между Мѣрославскимъ, Гарибальди и Клапкою."

Мѣрославскій готовилъ новый мятежъ и новую борьбу; онъ старался поднять духъ націи и нравственныя ея силы, старался поднять ее въ глазахъ Европы и распалять страсти къ предпріимчивости и отвагѣ между польскою молодежью. Идеализировавъ павшую Рѣчь Посполитую, онъ пишетъ: „Въ московскомъ войскѣ русскій командуетъ, а полякъ *начальствуетъ*. Тщетно царь Николай рѣшилъ послѣ 1831 г. производство въ чины сдѣлать недоступнымъ для поляковъ въ его арміи; но онъ не могъ безъ нихъ обойдтиться. Всякій полякъ—студентъ или подмастерье, лакей или чиновникъ, писецъ или прикащикъ, приговоренный къ военной службѣ, всегда знаетъ, что, въ короткое время, онъ сдѣлается необходимѣе всѣхъ боярскихъ сыновей. Намъ разсказывалъ одинъ офицеръ, что предъ экспедиціею Перовскаго, всѣ поляки въ томъ краѣ были созваны въ Оренбургъ: сосланные, солдаты, даже случайно тамъ пребывавшіе, чтобы ихъ распредѣлить въ войска инженерами, адъютантами, топографами и т. п. Довѣренность генераловъ и войскъ къ ихъ энциклопедической непогрѣшимости была такъ велика, что никто незаботился о потеряхъ арміи....."

Герцену предстояла другая цѣль; и *Колоколъ* дѣйствитель-

ю проводилъ, что „у насъ все позади отвратительно гадко“, а для изображенія настоящаго, его страницы пестрѣли всякаго рода дрязгами. Щеголяя разнообразіемъ, *Колоколъ*, изъ политико-соціально-философическихъ декретовъ, обратился въ помойную яму всякихъ сплетень. Если кому либо нужно было кинуть грязью въ кого нибудь, ему въ Россіи не досягаемаго, то онъ могъ смѣло обращаться въ *Колоколъ*; его столбцы были открыты для всѣхъ мерзостей, клеветъ, лакейскихъ разсказовъ, ему сообщаемыхъ его корреспондентами; даже наглая ложь была такъ дорога *Герцену*, что, для помѣщенія подобныхъ извѣстій, онъ придумалъ особую рубрику: „Правда ли?“ *Герценъ* былъ увѣренъ, что всегда найдется такой нравственно или физически нечесаный и немытый, который повѣритъ и за удовольствіе себѣ поставитъ пересказать знакомымъ о томъ, что онъ вычиталъ въ *Колоколѣ*. Изъ *Колокола* русская публика могла узнать, какой городничій съ какою коротко знакомъ дамою; ничѣмъ не брезгалъ *Герценъ*, чтобы найдти читателей, образовать ихъ на свой ладъ, развращать понятія и вкусъ русскаго общества, кормить его всякими нахальными мерзостями, уничтожать всякія основанія о долгѣ и чести,— и все подъ видомъ неусыпныхъ заботъ о блистательной будущности.

А было время, когда *Колоколъ* былъ въ модѣ. Пользуясь настроеніемъ общества, когда послѣ крымской войны уязвленное народное чувство искало причинъ нашей неудачи, *Герценъ* своеобразно началъ указывать наши недостатки и, при первыхъ успѣхахъ, ставъ на ходули, взялся быть руководителемъ русскаго общества; нѣкоторые люди хвастали *герценизмомъ*, нашлись сообщники, подражатели и ослѣпленныя орудія; поляки не зѣвали, подзадоривали, наущали. Нашлись писатели, которые, считая строчки и листы, угодные требованіямъ сочувствовавшихъ журнальныхъ изданій, ругали съ плеча не только наше настоящее, но, вторгаясь въ завѣтныя архивы, искали въ нихъ только темъ, которыя можно было бы выставить скандальчиками; историческая литература запестрѣла историческими сплетнями; *Герценизмъ* хотѣлъ отнять даже народное наше достояніе, наше прошедшее; мужей, которыми гордится русская земля, подымали изъ могилъ, не для того, чтобъ изслѣдовать ихъ дѣянія, для назиданія современникамъ, а чтобы глумиться надъ дѣятелями, создавшими славу Россіи. Этотъ потокъ увлекъ неоперившихся въ знаніяхъ юношей, которые, съ зна-

ніями школьниковъ, судили и рядили по увлеченіямъ, необузданнымъ ни наукою, ни положительною думою; онъ вывелъ на свѣтъ безбородыхъ и нечесаныхъ, не вѣсть откуда появившихся сотрудниковъ новой, такъ названной, *изобличительной* литературы и, прискорбно вспомнить, что поддались этому одуренію и мужи, посѣдѣвшіе въ наукѣ, которые поторопились отречься отъ своихъ прежнихъ убѣжденій.

Грустные слѣды на русской литературѣ, грустныя воспоминанія тогдашней жизни оставили послѣ себя два союзника: чадъ полонизма и *смрадъ герценизма*. Хороши были тѣ гражданскія добродѣтели, которыя *Колоколъ* навѣвалъ на русскую землю.

(*Продолженіе будетъ*).

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ, ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТІЯ ЕГО УНІЯТАМИ.

(съ 1596—1637 г.)

9-го октября, 1596 года, въ Брестѣ Литовскомъ, въ православной церкви святителя Николая, торжественно былъ прочтенъ съ амвона пресловутый актъ уніи, чѣмъ было объявлено ея оффиціальное существованіе на Руси. Чего только не дѣлалось папистами въ ихъ долголѣтнихъ подготовкахъ къ такому торжеству папизма?... Пущены были въ ходъ противъ нашихъ православныхъ прѣдкокъ и клевета, и униженіе, и насиліе, и лесть, и ложныя обѣщанія. Но между всѣми этими и подобными агитаціями главнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ образомъ обусловливало вышепомянутое торжество уніи, кажется, обѣщаніе щедрою рукою со стороны польскаго правительства правъ и матеріальныхъ выгодъ православнымъ епископамъ западной Руси, начинавшимъ увлекаться въ это время аристократическою широтою жизни высшаго польскаго духовенства. Нѣсколько раньше, чѣмъ за годъ до окончательнаго утвержденія уніи, не безъ вызова, конечно, со стороны продажныхъ православныхъ архипастырей западной Рос-

сіи, Сигизмундъ III своимъ королевскимъ словомъ обѣщалъ православному митрополиту и епископамъ, подъ условіемъ принятія ими уніи, и уваженіе, и безспорное владѣніе всѣми церковными имѣніями, гдѣ они ни были, и по какимъ угодно документамъ. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту кіевскому Михаилу Рогозѣ, отъ 2-го августа, 1595 г., Сигизмундъ III, между прочимъ, писалъ, что „разкажетъ врадомъ своимъ, абы зстороны добръ церковныхъ, которые од предков розными особом розданы, и за ведомости на которые бы тые посесорове (владѣльцы) права не мели абы были до церкви приведены, а тые которые бы право якое мели аренды не это з тых добр, которыи державчи плотили; а по зеистью ихъ з свету абы таковые маетности на церкви припадали также и захованю церквы при давном наданю ихъ вдобрах (имѣніяхъ), на которыи хотя бы привилею жадного (никакого) не мели, бы се одно в евангеліях вписано найдовали........ таковыи добра, которыи бы за правомъ своимъ посесорове теперешни одержали до живота своего по смерти ихъ до церкви ворочатися маютъ, писалъ король,— а они ихъ никому другому отдавати ани потвержати не маютъ, также и подане добр церковных такъ тых на которые права сут, яко теж тых, *на которые бы права не было*, а толко въ евангеліях старых надавали вцале (совершенно) заховати хочем, добра и маетности церковные абы по смерти митрополита и иных преложоных (начальниковъ) духовных у моцы и шафунку (распоряженіи) капитулы закону греческаго до толь заставали аж до нас врод вакуючы кому поданы буде превылеи, которые от нас вже на то даны мают, хочемо им вцале заховати за позволеним вших стан речи посполитое на сейме валном вольно ми то будет конституціею себе варовати, до судов трибуналских абы для перестереганя прав своих по сродку себе двух особ яко иные духовные релиии римское высажати позволяемъ“.... и пр. и пр., и все это въ томъ только случаѣ, „коли со стороны епископовъ православныхъ едность повшехная (всеобщая) утвержоная и вцале захованая будетъ и послушенство столицѣ святой апостольской римской отдано от них и захована будет“ (*). Такая блестящая перспектива въ будущемъ, въ виду тогдашней бѣдности православнаго духовенства и богатства латинскаго, не могли не подѣйствовать обаятельно на южно-русскихъ православныхъ епископовъ и въ частности на кіевскаго митрополита. Мы знаемъ уже, какъ въ 80 и

(*) Вѣст. Запад. Россіи 1864—1865 г. № 4-й.

90 годахъ XVI вѣка занимала кіевскихъ митрополитовъ мысль объ увеличеніи ихъ владѣній, какъ они мало-по-малу, подъ самыми ничтожными предлогами, присваивали себѣ владѣнія выдубицкаго монастыря; теперь же представлялась митрополиту Рогозѣ полная возможность подъ предлогомъ патронатства, и прежде захваченныя и всѣ остальныя обширныя владѣнія выдубицкаго монастыря закрѣпить за своею каѳедрою. И дѣйствительно, съ принятіемъ уніи, кіевскій митрополитъ, сейчасъ же, въ качествѣ патрона выдубицкаго монастыря, прибралъ въ свои руки всѣ его владѣнія и распоряжался ими совершенно полноправно въ лицѣ намѣстниковъ своей Кіево-Софійской каѳедры и игуменовъ выдубицкаго монастыря. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, съ переходомъ въ унію кіевскаго митрополита, сейчасъ же введена была унія и въ выдубицкомъ монастырѣ. Не знаемъ достовѣрно, какъ она тутъ вводилась, охотно ли согласились православные монахи выдубицкіе принять унію, или же они разошлись въ другіе православные монастыри и были замѣнены пришлыми ренегатами. Во всякомъ случаѣ, намъ думается, что здѣсь дѣло не обошлось безъ насилія и борьбы,—особенно, если припомнимъ недовольство послѣднихъ православныхъ игуменовъ выдубицкаго монастыря на кіевскихъ митрополитовъ, которые, вмѣсто покровительства этому монастырю, старались только обирать его. Безъ сомнѣнія, подобнымъ нерасположеніемъ къ нимъ руководился и дѣятельнѣйшій изъ послѣднихъ православныхъ игуменовъ выдубицкихъ Каллистъ, который въ свое время особенно старался защищать права выдубицкаго монастыря на его владѣнія, и оставилъ на память родамъ „Реэстръ пожитковъ выдубицкаго монастыря“, въ которомъ подробно описалъ, чѣмъ прежде пользовался выдубицкій монастырь, и чего онъ лишился по милости кіевскихъ митрополитовъ. Какъ бы то ни было, но измѣнникъ православія, митрополитъ Рогоза, какъ мы сказали прежде, тотчасъ же, послѣ принятія уніи, рѣшительно наложилъ свою „властную“ руку и на выдубицкій монастырь и на всѣ его обширныя и богатыя владѣнія.

Кіевскіе уніатскіе митрополиты обыкновенно не жили въ Кіевѣ, а имѣли тутъ только своихъ генеральныхъ намѣстниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ иногда соединяли въ себѣ должность и игуменовъ выдубицкихъ; эти то послѣдніе главнымъ образомъ и хозяйничали въ выдубицкомъ монастырѣ и его владѣніяхъ. Не заботясь о благѣ древняго монастыря, они старались только о томъ,

чтобы какъ можно больше извлечь выгодъ изъ его владѣній и потомъ подѣлиться барышами съ митрополитомъ. Такъ дѣлалось во все время господства уніятовъ надъ выдубицкимъ монастыремъ. Изъ извѣстныхъ намъ многихъ актовъ выдубицкаго монастыря уніятскаго періода, всѣ почти они отзываются преслѣдованьемъ матеріальныхъ интересовъ: они представляютъ, или закрѣпленіе правъ на выдубицкія владѣнія, или разграниченія ихъ, или аренды, или тяжебные споры за земли съ сосѣдними владѣльцами и пр. По заведеннымъ изстари порядкамъ монастырскія земли иногда закладывались денежнымъ людямъ за извѣстныя суммы, причемъ кредиторы пользовались, въ видѣ процентовъ, доходами изъ заложенныхъ земель. Такимъ порядкомъ дѣлъ удачно пользовался, для своихъ выгодъ, и митрополитъ — уніятъ Михаилъ Рогоза на счетъ выдубицкихъ владѣній: при немъ, напр., огромное владѣніе выдубицкаго монастыря — Багриновское было заложено нѣкоему пану Григорію Мацевичу въ 100 злотыхъ. При подобныхъ закладахъ и арендахъ, вѣроятно, кое чѣмъ пользовались и намѣстники митрополичьи и игумены выдубицкіе. Такъ, въ 1617 году, намѣстникъ митрополичій и игуменъ выдубицкаго монастыря Антоній Грековичъ, напоминая письменно атаманамъ монастыря выдубицкаго, „абы десятину на монастырь Выдубицкій отдано было“, — между прочимъ внушительно намекалъ атаману свиноедскому Исаіи, чтобы онъ „з мужами на Деснѣ, езъ звиклій забивши, чью то милость и милость Грековича рыбкою обослалъ, або самъ привезъ; хочъ ведаю, прибавлялъ Грековичъ, и безъ езовъ того у насъ з ласки Божое досить есть (*)“. Чѣмъ пользовался собственно выдубицкій монастырь изъ доходовъ своихъ арендованныхъ земель, и въ особенности, какая изъ нихъ часть употреблялась на благоустройство монастырской церкви и др. неизвѣстно; кажется только, что во время плѣна уніятскаго Выдубицкій монастырь далеко не процвѣталъ.

Впрочемъ, и сами митрополиты кіевскіе, какъ увидимъ ниже, горько ошиблись въ своихъ разсчетахъ на владѣнія Выдубицкаго монастыря и на обѣщанную поддержку со стороны польскаго правительства. Періодъ уніи въ исторіи Выдубицкаго монастыря отличается почти постоянными притязаніями на его земли со стороны сосѣднихъ владѣльцевъ. На сосѣднія владѣнія Выдубицкаго мона-

---

(*) Вѣд. Мон. книг. актовъ VI, стр. 118.

стыря очень часто объявляли свои права,—законно или незаконно, и Кіево-Печерская Лавра (на часть выдубицкихъ звѣринскихъ грунтовъ), и владѣльцы лѣсницкіе, князья Корецкіе (на грунта гиилецкіе), и трипольскіе владѣльцы Гапоновичевы (на грунта игнатовскіе), и владѣльцы Рожновскіе и князья Корецкіе (на владѣнія свиноедскія). Постоянствомъ и продолжительностію нападеній на владѣнія Выдубицкаго монастыря особенно отличались князья Корецкіе,—владѣльцы лѣсницкіе и свиноедскіе: въ продолженіи всего разсматриваемаго нами періода, кіевскіе митрополиты постоянно вели съ ними и фактическій и судебный споръ за грунта. Рѣзкостію же нападеній на владѣнія Выдубицкаго монастыря особенно отличалась тогда сильная сосѣдка его и соперница Кіево-Печерская Лавра. Такъ, въ протестаціи своей на Кіево-печерскую Лавру, отъ 19-го ноября 1612 года, игуменъ выдубицкій Антоній Грековичъ между прочимъ писалъ: „нжъ въ року 1612 мѣсяца августа 10 дня и иныхъ розныхъ дній и часовъ отецъ Плетенецкій, препомнивши винъ въ правѣ посполитомъ въ конституціи коронной писанныхъ, безправне, а чиначи явную опрессію (утѣсненіе) моцю (силою) и гвалтомъ (насильно) наслалъ подданныхъ слугъ своихъ имены и прозвисками ему самому ведомими на грунтъ монастыря Выдубицкаго Звѣринецъ Неводничій названный тамъ же овоцъ садовый, груши, деренъ и иный овоцъ подъ небытность на тотъ часъ игумена, побралъ и на свой пожитокъ привернулъ, тамъ же на томъ кгрунте слугу подданного своего Семена Шебендюка гончара кгвалтовне поселилъ и проч. *). Антоній Грековичъ цѣнилъ на этотъ разъ всѣ убытки монастырскіе въ 200 копъ литовскихъ. Можетъ быть такая претензія Грековича была нѣсколько и преувеличена **); но во всякомъ случаѣ вышеупомянутое нападеніе Лавры на Выдубицкій монастырь есть фактъ несомнѣнный. За отлучкою, или по другимъ причинамъ, Грековичъ оффиціально протестовалъ противъ этого нападенія позже чѣмъ чрезъ три мѣсяца; городской судъ, чрезъ возныхъ, произвелъ разслѣдованіе, и нераньше, какъ чрезъ два года рѣшилъ, „абы Елесей Плетенецкій съ капитулою печерскою публичне перепросилъ ясне превелебного въ Бозѣ его милость отца митрополиту кіевского, а потомъ и его милость отца Игумена Выду-

*) Выд. мон. книг. актовъ VI, стр. 8.

**) Сличая протестацію Грековича съ показаніями возныхъ, разслѣдывавшихъ это дѣло на мѣстѣ, можно замѣтить въ ней нѣкоторыя несообразности и преувеличенія.

бицкаго — абы вси шкоды (убытки) монастыреви выдубицкому слушне нагородилъ,... а жебы една сторона за (описанныя) границы не переходила, але овшемъ на веки такое постановленіе державa, сами межи собою положили за руку 600 копъ грошей литовскихъ и сторону образжоную" (обиженную). Въ маѣ 1628 году, лаврскіе подданные опять сдѣлали нападеніе на имѣнія митрополіи кіевской Выдубицкаго монастыря. Въ протестаціи Велямина Рутского на Петра Могилу по этому случаю такъ писалось: „Року 1628, мѣсяца мая 29 дня, ваша милость кгвалтовне на добра митрополіи кіевское монастыря выдубицкаго подле монастыря печерскаго лежачіе наслали слугу своего Юрка Замалійскаго сколько десятъ и иныхъ бояръ и подданныхъ своихъ монастырскихъ таментіи насланцы з власного расказаня велебности вашои в тихъ выдубицахъ атамана выдубицкого, которій тамъ перевозъ и поромъ метрополеи на рецѣ Днепру во власномъ кгрунте выдубицкомъ на урочищу у Козовищъ в обоихъ берегахъ догледалъ безъ жадной причины того атамана Семена Мыкульца и Степана Корца окрутне (жестоко) збили змордовали, руки ноги отбили ребра поламали бороды вырвали и заумерлихъ покинули поромъ поводовъ которій коштовалъ злотыхъ 200 скоторого ишла интрата (доходъ) зоставали и того перевозу заборонили ку великой шкоде митрополіи кіевское" *). Вскорѣ, послѣ этого случая, Велияминъ Рутскій просилъ Сигизмунда III чрезъ своего коадъютора, епископа галицкаго Рафаила Корсака объ утвержденіи права на этотъ перевозъ, и Сигизмундъ III въ августѣ мѣсяцѣ того же года далъ грамоту, въ которой писалъ, что онъ, „яко найвысшій опекунъ и промоторъ добръ и пожитковъ церквей Божіихъ з владзи и ласки королевское, ему митрополите кіевскому и поступщомъ тамечнымъ игуменомъ монастыря выдубицкого, тихъ поромовъ и перевозу презъ реку Днепръ межи обема берегами своими на Либеде волне безпечне мети и заживати позволяетъ, а одъ перевозу плаченя одъ копей быдла вшелякого и возовъ наложистыхъ тому яко на перевозахъ королевскихъ вышгородскомъ кіевскомъ и иншихъ ведлугъ права и звычая.... платити и выбирати маютъ волни и повинни будутъ оборочаючи то на поправу и оздобу того дому Божого и выхованe слугъ его подъ послушенствомъ велебного отца метрополиты кіевского теперъ и напотомъ будучаго в едности з светымъ косцеломъ римскимъ буду-

*) Выд. мон. книг. актовъ IX стр. 21.

чихъ" *). Но дѣло о вышесказанной обидѣ со стороны Лавры, о порубкѣ ея насланными подданными порома выдубицкаго и др., было запротестовано въ земскихъ книгахъ кіевскаго воеводства въ іюнѣ мѣсяцѣ (27 дня) 1629 года, и протянулось за 1633 годъ; потому что только въ этомъ году (отъ 10 марта) Владиславъ IV звалъ Петра Могилу въ главный трибунальскій любельскій судъ по этому дѣлу, для его рѣшенія. Вообще изъ всѣхъ спорныхъ дѣлъ, которыя въ этомъ періодѣ оффиціально велись между Выдубицкимъ монастыремъ и его соперниками, кажется, только два вышеприведенныя дѣла съ Лаврою были рѣшены въ непродолжительномъ времени въ пользу Выдубицкаго монастыря; остальныя же его тяжебныя дѣла, особенно съ князьями Корецкими, владѣльцами лѣсницкими и свиноедскими, тянулись, какъ замѣчено выше, нѣсколько десятилѣтій,— изъ низшихъ инстанцій переходили въ высшія, и хотя, какъ будто, рѣшались въ пользу Выдубицкаго монастыря, но почему-то эти рѣшенія надолго оставались безъ исполненія **). Напр., дѣло съ князьями владѣльцами лѣсницкими было начато намѣстникомъ софійскимъ Яковомъ Крушинскимъ 1602 году, велось дѣятельно, безъ перерыва, и окончено уже въ 1644 году, когда Выдубицкій монастырь былъ въ рукахъ православныхъ,— „безъ суда, любомирно". Дѣло съ владѣльцемъ Рожновскимъ продолжалось съ 1605 по 1617-й годъ, и едва окончилось съ владѣльцемъ Юріемъ Рожновскимъ, какъ опять началось съ его преемницею Марцибеллою Корецкою, которая вела этотъ процессъ за 1640-й годъ.

Такъ кіевскимъ уніатскимъ митрополитамъ не удавалось спокойно и вполнѣ владѣть угодіями Выдубицкаго монастыря, несмотря на то, что право на нѣкоторыя изъ нихъ они сохранили еще съ того времени, когда держались православія. Тѣмъ меньше королевская власть могла укрѣпить за ними стороннія владѣнія и монастыри православные; покрайней мѣрѣ это можно сказать въ отношеніи къ кіево-печерской Лаврѣ и ея владѣніямъ, сосѣднимъ Выдубицкому монастырю, на которыя особенно претендовали кіевскіе уніатскіе митрополиты. Правда, Сигизмундъ III нѣсколькими грамотами вводилъ во владѣніе Лаврою уніатскихъ митрополитовъ, и предоставлялъ имъ право именоваться архимандритами Лавры;

(*) Выд. мон. кн. акт. VI стр. 60.

(**) Причина понятна: лавра была православная, а магнаты, съ которыми тягались уніатскіе митрополиты, были люди сильные и не чужіе. Ред.

но фактически этого онъ не могъ осуществить,—а въ 1615 году и на бумагѣ отказался отъ своихъ прежнихъ требованій. „Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, писалъ онъ въ грамотѣ, данной кіевопечерской Лаврѣ, отъ 1 апрѣля, 1615 года, всимъ в обецъ и каждому зособна кому бы то ведати належало нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ што если были первей сего зешлому велебному в Бозе отцу Ипатію Поцею митрополиту кіевскому и галицкому з ласки нашое государское дали певные добра монастыря печерскаго кіевскаго такъ у великомъ князествѣ литовскомъ, яко и на Бѣлой Руси въ разныхъ поветехъ лежачіе т. е. меновите (слѣдуетъ исчисленіе владѣній) монастырови печерскому здавна ведлугъ фундушей належачіе, но которою то звышъ реченного митрополита кіевскаго смерти теперешній велебный отецъ Іосифъ Велямимнъ Руцкій архіепископъ митрополитъ кіевскій и галицкій и всея Руси для большое достойности своее митрополіи кіевское тые добра вышменованные, власные монастыря печерскаго кіевского правомъ доживотнымъ з ласки нашое государское одержалъ былъ,—а ижъ помененный велебный отецъ Іосифъ Велямннъ Руцкій митрополитъ кіевскій и галицкій за показаніемъ тутъ передъ нами государемъ и въ канцеляріи нашой черезъ велебнаго отца Елесея Плетенецкого архимандрита печерского кіевского и капитулы его певныхъ правъ фундушовъ привилеевъ давнихъ отъ некоторыхъ княжатъ и пановъ тому монастыреви печерскому уступленныхъ на тіе добра вышменованные служачихъ.... доброволне ставши очевисто у книгъ канцеляріи нашое уступилъ и права своего доживотного отъ насъ ему на тіе добра и даны вышреченные служачого, вечне се зрекъ за которымъ теды таковымъ доброволнымъ уступленіемъ и зреченьемъ помененного отца Вельямина Руцкаго митрополиты кіевского и за причиною нѣкоторыхъ пановъ радъ нашихъ, мы государъ ведечи быть речь слушную, и прихиляючи до старыхъ правъ и фундушъ тому монастырю печерскому служачого тіе добра вышменованные (вычисляются нѣкоторыя владѣнія),—такъ яко и тіе маетности передъ тимъ мели и теперъ маютъ, также даны з иншихъ розныхъ маетностей, томужъ монастыреви печерскому кіевскому здавна належачіе вышреченному отцу Елесею Плетенецкому архимандриту и капитуле монастыря печерского кіевского ведле першихъ правъ привилеевъ и фундушевъ ихъ симъ нынѣшнимъ листомъ нашимъ приворочаемъ, которыхъ то маетностей и добръ вышменованныхъ пререченый отецъ архимандритъ съ капитулою

монастыря печерского кіевского на потомные вечные часы спокойне держати и уживати мають. А мы государъ самы за себе и за найяснѣйшіе потомки наши обецуемъ при тихъ добрахъ вышменовванныхъ теперешнего отца архимандрита до живота его яко и по немъ наступуючихъ архимандритовъ и капитулу монастыря печерского кіевского спокойне вечными часы при томъ всемъ заховати. И на то есмы пречестному велебному отцу Елесею Плетенецкому архимандриту монастыря печерского кіевского и капитуле и всимъ потомъ будучимъ дали сей нашъ листъ зъ подписомъ руки нашое царское, до которого есмы и печать великого княжства литовского привесети росказали" *).

Сигизмундъ III обѣщалъ кіевскимъ митрополитамъ, подъ условіемъ принятія ими уніи, такую честь, какою пользовались латинскіе епископы; но онъ и того не выполнилъ. Множество заведенныхъ уніятскими митрополитами тяжбъ съ міррянами, на счетъ выдубицкихъ грунтовъ и проволочка въ дѣло-производствѣ по этимъ тяжбамъ, ясно свидѣтельствуютъ, что они непользовались репутаціею — ни въ судахъ, ни въ народѣ, и даже въ средѣ самихъ уніятовъ и латинянъ (особенно если допустимъ, что Корецкіе и другіе теперешніе обидчики выдубицкаго монастыря уже приняли въ это время унію или латинство). Чтоже касается до православнаго народонаселенія Кіева и его окрестностей; то оно въ разсматриваемый нами періодъ несомнѣнно питало сильную антипатію къ настоятелямъ Выдубицкаго монастыря съ подвѣдомыми имъ монахами-унитами. Уважаемый прежде Выдубицкій монастырь, съ его древнѣйшимъ великокняжескимъ храмомъ, теперь казался для православныхъ чужимъ: по ихъ понятію, въ немъ теперь не было ничего святаго, достойнаго уваженія; имъ казалось теперь ничуть непредосудительнымъ, насильно вторгаться въ монастырскій храмъ и грабить тутъ все, что ни попадалось, не исключая и священныхъ сосудовъ. Православный народъ вездѣ волновался противъ уніятскихъ духовныхъ властей и въ особенности противъ митрополитовъ. Чтобы судить о непріязненныхъ чувствахъ, которыя питали православные къ уніятскимъ властямъ, стоитъ только припомнить нѣсколько словъ изъ окружнаго посланія Ипатія Поцѣя къ уніятскимъ епископамъ и всему духовенству, писаннаго въ 1608 году. „Мыдо жили до

*) Выд. мон. кн. акт. V, стр. 4.

такого несчастнаго времени, писалъ митрополитъ, что человѣкъ еле можетъ найти кому бы могъ довѣриться, и то со страхомъ; наступило это и для меня бѣднаго и со всѣхъ сторонъ угрожаемаго человѣка потому, что если возстали такія грозныя войны на св. католическій косцелъ и на вселенскихъ пастырей, то тѣмъ болѣе на нашу бѣдную церковь и на насъ самихъ, которые, какъ молодая лѣторосль, еще такъ не давно привита къ стволу римскаго косцела. Вотъ теперь враги божьяго косцела силятся выдернуть ее съ корнемъ, готовятся и вооружаются всѣми силами, нѣкоторые еле могучіе ходить, во вредъ намъ собираются на этотъ несчастный сеймъ.... Кого еще не постигнулъ бунтъ, но меня уже сильно обираютъ, грабятъ, злоумышляютъ и на здоровье и на честь. Недавно одинъ схизматикъ за эту унію моему архимандриту отрубилъ руку и.... разсѣкъ. Теперь и другой нѣкто Летинскій въ Львовѣ моему священнику, котораго я отправилъ гг. католикамъ по ихъ прозьбѣ въ Подгорье, разрубилъ руку и такъ ранилъ ее, что она еле еле виситъ" (*). Очень можетъ быть, что престарѣлый митрополитъ унитовъ имѣлъ въ виду и свои кіевскія дѣла, когда писалъ эту рекламу. По крайней мѣрѣ изъ другаго документа несомнѣнно видна отчаянная антипатія православныхъ кіевлянъ-духовныхъ и мѣщанъ къ унитамъ вообще и въ частности къ унитамъ выдубицкимъ. Въ 1618 году Вельяминъ Рутскій въ коронномъ трибуналѣ протестовалъ, „что кіевскіе духовные греческой религіи и кіевскіе мѣщане— явные противники верховной власти митрополита и злоумышляютъ на его жизнь,"— а затѣмъ писалъ, „что тѣ и другіе, издавна противясь верховной власти митрополитовъ своихъ, а особенно прежде блаженной памяти покойному отцу Ипатію Поцею и теперь снова нынѣшнему отцу митрополиту, похваляясь на его здоровье и понося его безстыдно, неприлично и позорно межъ своими и межъ людьми публично, подвергаютъ его ненависти и вооружаютъ противъ него священно-служителей, чиновниковъ и его слугъ, вооружаютъ козацкую вольницу. Кромѣ того, они недавно основали въ Кіевѣ какое то братство и, утвердивъ оное своими присяжными письмами, безъ послушанія отцу митрополиту и безъ повиновенія его духовному суду, вознамѣрились нынѣшняго отца митрополита умертвить при удобномъ случаѣ, и этотъ свой умы-

(*) Вѣст. Зап. Рос. 1864 и 65 г. кн. VI. стр. 22.

селъ, хотя дѣйствительно и не надъ особою о. митрополита, но надъ преподобнымъ о. Антоніемъ Грековичемъ, оффиціаломъ кіевскимъ и игуменомъ выдубицкимъ, безчеловѣчно выполнили. Потому что когда, въ настоящемъ 1618 году, онъ былъ посланъ отцомъ митрополитомъ на слѣдствіе по дѣлу, подлежащему духовному суду, въ Овручъ, и оттуда заѣхалъ въ свой монастырь Выдубичи, данный ему отцемъ митрополитомъ около Кіева, и какъ человѣкъ безопасный въ своемъ домѣ, ни предъ кѣмъ неповинный, и неожидавшій ни отъ кого зла, разгостился и пробылъ цѣлый день, именно 22 февраля настоящаго 1618 года,— на слѣдующій день въ часъ по полуночи нѣсколько десятковъ козацкой сволочи явилось невѣсть откуда, окруживъ означеннаго покойнаго о. Антонія въ этомъ домѣ поймали, и какъ какого нибудь негодяя схватили, связали и бросили въ прорубь въ Днѣпръ и утопили. Вещи, домашнюю рухлядь, деньги, лошади, одежду и все его состояніе забрали. Этотъ безбожный поступокъ они совершили по приказанію и наставленію тамошнихъ кіевскихъ духовныхъ, и не безъ вѣдома нѣкоторыхъ шляхтичей," прибавилъ митрополитъ (*).

Чѣмъ же вызывали уніяты кіевскіе и въ частности выдубицкіе съ ихъ властями такую страшную антипатію въ православномъ населеніи Кіева? Задавши себѣ этотъ вопросъ, въ отвѣтъ на него мы не обѣщаемъ представить какихъ нибудь частныхъ особенныхъ причинъ антипатіи; кажется, онѣ были общія, только съ нѣкоторымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ. Кіевъ издревле слылъ православнымъ священнымъ городомъ: тутъ возникло православіе, тутъ оно просіяло въ лицѣ угодниковъ печерскихъ; отсюда оно разливалось по всей землѣ русской; Кіевъ былъ каѳедрою православныхъ первосвятителей русскихъ; хотя въ неблагополучные годы Кіева они и не жили тутъ. Предъ началомъ уніи, въ Кіевѣ было основано православное братство съ его учрежденіями, къ которому живѣйшимъ образомъ примыкало все лучшее православное южнорусское населеніе. Кіевъ былъ, такъ сказать, центромъ жизни южнорусскаго православія. Понятно послѣ этого, какъ должна была отозваться въ сердцахъ православныхъ кіевлянъ постыдная измѣна православію ихъ первосвятителей,— измѣна самому драгоцѣнному достоянію, и измѣна тамъ, гдѣ народъ привыкъ ви-

(*) Вѣст. Запад. Рос. 1864 и 65 кн. VI. стр. 25—26.

дѣть оплотъ православію. Для образованныхъ кіевлянъ того времени, безъ сомнѣнія, небезъизвѣстно было, что эта измѣна случилась не изъ за чего другаго, какъ изъ за матеріяльныхъ выгодъ, почестей и т. п.; это не могло быть тайною и для всей массы козачества и всего православнаго населенія, отличавшагося великодушіемъ и стойкостію за вѣру. Кромѣ того, православное населеніе Кіева ясно видѣло, какъ измѣна православію вознаграждалась на счетъ православія. Митрополиты-уніяты, завладѣвши софійскою каѳедрою, со всѣми угодьями кіево-софійскаго монастыря, завладѣли и выдубицкимъ монастыремъ, съ его обширными землями,— усиливались было завладѣть и Кіево-Печерскою Лаврою съ ея богатыми угодьями, а кое что и отняли отъ нее. Мало того, захватывая владѣнія православныхъ для себя въ Кіевѣ, митрополиты-уніяты, содѣйствовали еще расширенію тутъ владѣній римско-католическихъ; по ходатайству Поцѣя, бискупскія и доминиканскія владѣнія на Подолѣ были очень распространены (*). Въ 1604 году королевскимъ указомъ кіевскому римско-католическому бискупу была отдана цѣлая часть Кіево-Подола за каналомъ къ горѣ Щекавицѣ, подъ коей находился и дворецъ бискупскій; потомъ кіевскій бискупъ отнялъ изъ подъ магистратскаго вѣдомства и все пространство земли за дворами до іорданской Оболони; къ этому со временемъ была присоединена и Оболонь и все урочище Кожевники; а наконецъ урядники бискупскіе заняли и замокъ на Кудрявцѣ со всѣми угодьями, принадлежавшими православнымъ митрополитамъ. Какое чувство должно было овладѣвать кіевлянами въ виду такихъ несправедливостей папистовъ и измѣнниковъ уніятовъ, въ отношеніи къ православному населенію Кіева! Не забудемъ и того, что уніяты,— эти братья ренегаты, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе сгарали ревностію по уніи, и готовы были пропагандировать всевозможными средствами. Кіевское православное братство, стоявшее на стражѣ православія, зорко подмѣчало эти стремленія кіевскихъ уніятовъ, и направляло противъ нихъ соотвѣтствовавшія мѣры,— такъ что главнымъ образомъ участіемъ православнаго братства мы думаемъ объяснять бывшія неоднократныя нападенія на Выдубицкій монастырь и со стороны Кіево-печерской Лавры, и со стороны кіевскаго православнаго козачества.

(*) Опис. Кіев. Соф. соб. стр. 151.

Какъ же дѣйствовала уніятская пропаганда въ Кіевѣ, въ лицѣ намѣстниковъ митрополичьихъ, выдубицкихъ игуменовъ и самихъ митрополитовъ— главныхъ настоятелей Выдубицкаго монастыря? Къ сожалѣнію, въ архивѣ выдубицкомъ о семъ не сохранилось никакихъ документовъ, на основаніи которыхъ можно было бы удовлетворительно отвѣчать на этотъ вопросъ. Документы религіозно-нравственной миссіонерской жизни выдубицкаго монастыря уніятскаго періода, быть можетъ, нарочно тутъ уничтожены. Вѣроятно, сами патери Выдубицкаго монастыря, уходя отсюда, сочли нужнымъ истребить, или унести тѣ документы, которые со временемъ могли быть уликою и позоромъ для ихъ памяти. При всемъ томъ, мы думаемъ не безъ основанія, что для кіевскихъ митрополитовъ-уніятовъ выдубицкій монастырь, (какъ и монастырь каѳедральный Софійскій) былъ укрѣпленнымъ лагеремъ, откуда они думали было метать на православныхъ свои громы и молніи. Не даромъ они питали къ игуменамъ выдубицкаго монастыря особенную довѣренность,— назначали ихъ своими генеральными намѣстниками; не даромъ въ игумены этого монастыря избирались большею частью личности энергическія и умныя.

Изъ кіевскихъ уніятскихъ митрополитовъ разбираемаго нами періода Михаилъ Рогоза меньше другихъ отличался духомъ пропагандизма. Увлеченный въ унію ловкими епископами Кирилломъ Терлецкимъ и Ипатіемъ Поцѣемъ, опутанный сѣтями коварной польской политики, онъ не могъ чувствовать особенной симпатіи къ уніи. Очень можетъ быть, что онъ даже раскаевался въ своей ошибкѣ, особенно предъ своею смертію. Его соблазнили матеріальныя выгоды; ими то, кажется, главнымъ образомъ онъ и старался пользоваться въ короткое время своей жизни на уніятской митрополичьей каѳедрѣ. Живя вдали отъ Кіева, то въ Вильнѣ, то въ Новогрудкѣ, и пользуясь значительными доходами изъ своихъ новопріобрѣтенныхъ владѣній, онъ апатично доживалъ свой вѣкъ, подъ прикрытіемъ и убаюкиваньемъ своего соблазнителя,— хитраго и дѣятельнаго Ипатія Поцѣя. Если что нибудь предпринималось тогда противъ православныхъ со стороны уніятовъ, то все это, кажется, выходило отъ Ипатія Поцѣя, который былъ облеченъ титломъ прототронія или первопрестольника, съ правомъ быть сотрудникомъ и потомъ преемникомъ слабому Рогозѣ. Безъ сомнѣнія, не безъ содѣйствія Поцѣя, въ 1599

году вышию опредѣленіе генеральнаго сейма— истребить могущественную силу православія— волновавшуюся Запорожскую Сѣчь.

8 апрѣля 1599 года, умеръ, какъ утверждаютъ современники, въ угрызеніяхъ совѣсти Михаилъ Рогоза; его мѣсто, конечно, занялъ Поцѣй. Но этотъ новый уніятскій митрополитъ не могъ не любить уніи, какъ своего исчадія; а время отъ времени онъ долженъ былъ больше и больше свыкаться и сродняться съ нею. Въ ней онъ видѣлъ свою великую будущность и вмѣстѣ съ тѣмъ свою вѣковѣчную славу; а это не могло не разжигать страсти къ прозелитизму и безъ того пылкой натуры новопоставленнаго митрополита. По особеннымъ разсчетамъ, главнымъ поприщемъ для своей миссіонерской дѣятельности онъ избралъ Литву; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускалъ изъ виду и юго-западной Руси, съ ея центромъ— Кіевомъ. Вскорѣ, послѣ вступленія на митрополичью каѳедру, онъ и сюда направилъ свою дѣятельность. Кіево-печерская Лавра, бывшая оплотомъ православія,— прежде всего обратила на себя его вниманіе. Еще митрополитъ Рогоза домогался начальствованія надъ Лаврою; но, видно, его интересовало не столько честолюбіе, сколько лаврскія владѣнія,— и потому онъ успокоился было, когда архимандриты уступили ему кое что изъ своихъ владѣній. Не таковъ былъ Поцѣй: въ его планахъ было всецѣло и окончательно іерархически подчинить себѣ Лавру и подавить въ ней духъ православія,— и онъ сдѣлалъ-было противъ нея такой рѣшительный приступъ, что противъ него сильно заговорили предъ королемъ и иноки Кіево-печерскаго монастыря и мирскіе чины, дорожившіе Лаврою. Вслѣдствіе такихъ жалобъ, Сигизмундъ III, отъ 22 декабря 1599 года, вызывалъ Игнатія Поцѣя на сеймъ для объясненія. „Тебѣ Игнатію Поцѣю, писалъ король, который называешъ себя кіевскимъ митрополитомъ, владимірскимъ и брестскимъ епископомъ, какъ вѣрноподанному нашему дворянину, повелѣваемъ, дабы ты явился предъ нами и нашими радными панами на великій сеймъ въ Варшаву.... Долженъ же ты явиться на таковой по обвиненію вельможныхъ пановъ свѣтскаго суда: чиновниковъ, судей, членовъ духовныхъ и всѣхъ сословій людей греческаго исповѣданія, военнаго, дворянскаго сословій, равно какъ и городскихъ обывателей великаго княжества литовскаго и волынскаго воеводства, въ томъ, что ты..... дерзнулъ самовольно овладѣть кіевскою митрополіею, печерскою лаврою съ епископствомъ володимірскимъ, и

пользуешься не законно, какъ званіемъ, такъ и ихъ недвижимыми имѣніями и вообще всѣми достояніями, къ нимъ принадлежащими" (*). Неизвѣстно, чѣмъ кончился этотъ процессъ православныхъ съ Ипатіемъ Поцѣемъ; только чрезъ пять лѣтъ послѣ такого призыва короля, на одномъ коронномъ сеймѣ было рѣшено никому изъ духовныхъ не имѣть двухъ бенефицій, или духовныхъ должностей, а въ 1615 году, какъ намъ уже извѣстно, Сигизмундъ III оффиціально возвращалъ Лаврѣ многія изъ тѣхъ ея владѣній, которыя были заняты прежде уніятскими митрополитами. Въ 1601 году на коронномъ сеймѣ запорожцамъ возвращены были прежнія ихъ привиллегіи, а въ 1608 и 1609 годахъ сеймъ возвѣщалъ свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ подъ зарукою нарушителямъ ея 10,000 польскихъ злотыхъ. Кажется польское правительство не слишкомъ усердствовало видамъ Поцѣя; но за то онъ самъ не уставалъ въ своихъ стремленіяхъ. Въ Кіевѣ Поцѣй покровительствовалъ доминиканцамъ, а потомъ достойнымъ сотрудникамъ и преемникамъ ихъ іезуитамъ; а правою рукою тутъ былъ сначала его намѣстникъ игуменъ выдубицкаго монастыря Іосифъ Быковскій,— а потомъ, съ 1611 года, извѣстный уже намъ Антоній Грековичъ, который за свою ревность не по разуму получилъ достойное возмездіе. Ненависть къ православнымъ, особенно послѣдняго, и духъ его пропагандизма можно видѣть отчасти уже и изъ того, что онъ въ арендныхъ листахъ ни подъ какимъ видомъ не позвалялъ своимъ арендаторамъ передавать имѣнія выдубицкія православнымъ козакамъ (**).

Въ 1613 году скончался во Владимірѣ Волынскомъ Поцѣй, а въ 1618 году погибъ въ водахъ днѣпровскихъ и его ревностный намѣстникъ Антоній Грековичъ. Поцѣю наслѣдовалъ бывшій коадьюторъ его Вельяминъ Рутскій. При немъ игуменство выдубицкаго монастыря не соединялось съ намѣстничествомъ митрополичьей каѳедры, какъ было прежде; такъ, напр., въ 1618 году игуменомъ выдубицкимъ былъ Исаакій, а намѣстникомъ софійскимъ Александръ Броховскій; въ 1621 году игуменомъ выдубицкимъ былъ Іоасафатъ Быковскій, а намѣстникомъ софійскимъ панъ Вацлавъ Саяковскій; а съ 1630-хъ годовъ намѣстникомъ софійскимъ былъ Мартинъ Корсакъ, а игуменомъ выдубицкимъ Евста-

(*) Вѣст. Зап. Рос. 1864 и 65 г. кн. VI, стр. 1—4.

(**) Выд. Мон. кн. акт. VI, стр. 116—117.

фій Пѣшковскій. Веньямина Рутскаго, сравнительно съ Ипатіемъ Поцѣемъ, обыкновенно считаютъ болѣе умѣреннымъ пропагандистомъ; но, кажется, что въ немъ было только поменьше рьяности и увлеченія, чѣмъ у его предшественника, который за то и поплатился въ Вильнѣ натурою—двумя пальцами. Какимъ Рутскій былъ для Кіева, объ этомъ можно предполагать отчасти потому, что въ его время дѣйствовалъ тутъ, не безъ его инструкцій, Антоній Грековичъ, который наконецъ вывелъ изъ терпѣнія православныхъ. Преемники Грековича по игуменству и намѣстничеству, вѣроятно, тоже не чужды были его духа и дѣйствій; самое раздѣленіе этихъ уніятскихъ должностей, кажется, сдѣлано было съ цѣлью усилить миссіонерскую дѣятельность. Да и самъ Рутскій въ отношеніи къ Кіеву весьма не дремалъ; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ, составленная имъ самимъ, секретная инструкція— какъ вести тутъ дѣло пропаганды. Этою инструкціею предписывалось (вѣроятно, между прочимъ намѣстникамъ софійскимъ и игуменамъ выдубицкимъ): 1) „имѣть связь съ о. епископомъ (?) и г. воеводою, и съ ними во всемъ сноситься; 2) предполагалось рукоположить суффрагана (викарнаго епископа), который жилъ бы исключительно въ Кіевѣ, завѣдывалъ всѣми окрестными уніатами и изыскивалъ случаи къ распространенію уніи и къ предотвращенію всего вреднаго для нея; 3) предполагалось содержать при св. Софіи монастырь добрыхъ уніатовъ, людей благочестивыхъ и ученыхъ (какихъ по милости Божіей и теперь пріискать не трудно, замѣчалось въ инструкціи) и училище уніатское; 4) разсчитывалось, что эти благочестивые и ученые уніяты съ легкостію завладѣютъ лучшими кіевскими монастырями — Николаевскимъ, Кириловскимъ и златоверхимъ Михайловскимъ,— то на основаніи какихъ нибудь привиллегій, то на какой нибудь рекомендаціи печерскаго архимандрита (?), то по другимъ поводамъ. Способъ отнятія этихъ монастырей, если г. воевода заблагоразсудитъ сей часъ же приступить къ этому дѣлу,—двоякій, говорилось въ инструкціи: а) воевода или его управленіе спроситъ каждаго игумена, по какому праву каждый изъ нихъ управляетъ монастыремъ, и если кто не имѣетъ на это привиллегій, отнять у него управленіе; б) пусть позоветъ къ суду митрополита за противозаконное владѣніе этими монастырями.“ Но успѣхъ такого плана предполагался только подъ двумя важнѣйшими условіями, во 1-хъ, когда подвоевода будетъ не еретикъ и не схизматикъ (т. е. не православный), а во

2-хъ, когда будетъ уничтожено зловредное для уніи кіевское православное братство. Большою помѣхою для уніи въ Кіевѣ служитъ, говорилось въ инструкціи, три года назадъ тому (?) составленное схизматиками, безъ привиллегіи его величества короля, новое братство въ Кіевѣ, гдѣ дѣлаются сходки и совѣщанія, слѣдствіемъ чего въ самомъ началѣ было то, что оффиціалъ митрополита (предсѣдатель консисторіи) былъ утопленъ, потомъ слуга, собиравшій двойной сборъ, схваченъ съ деньгами, отведенъ въ дикое поле и прикнванъ къ орудію, а въ настоящее время (?) попъ уніатъ схваченъ, и куда его дѣвали неизвѣстно. Трудно думать о чемъ нибудь добромъ, продолжалось въ инструкціи, если это братство не будетъ уничтожено." Какъ поступать, чтобы воеводскія и подвоеводскія мѣста въ Кіевѣ были занимаемы не схизматиками, объ этомъ умалчивалось въ инструкціи,—а для уничтоженія братства рекомендовалось поступить такъ, какъ поступали съ ними въ Литвѣ,—именно: завести позывъ и уничтожить это общество королевскимъ декретомъ. Еще указывалось въ инструкціи на пріѣзжавшихъ въ Кіевъ православныхъ владыкъ иноземцевъ-грековъ и сербовъ, какъ на особенно вредныхъ дѣлу „св. единенія и славы Божіей;" но помсчь этому горю предоставлялось, вѣроятно, воеводамъ, подвоеводамъ-несхизматикамъ (*). По случаю посвященія въ Кіевѣ патріархомъ Ѳеофаномъ православнаго митрополита и епископовъ, тутъ поднялась было сильная буря, въ которой принимали участіе отъ короля до послѣдняго кіевскаго уніата; но скоро, какъ извѣстно, эта гроза прошла, все мало по малу улеглось; Іовъ Борецкій и другіе новопосвященные епископы утвердились на своихъ мѣстахъ, къ прискорбію уніатовъ. Рутскій затѣялъ было другаго рода маневръ противъ православныхъ: для своихъ видовъ „зъедноченья," онъ вздумалъ было устроить, по образцу московской патріархіи, и въ польскомъ королевствѣ такую же единую патріархію уніатскую, подъ предлогомъ которой думалъ-было прибрать въ свои руки и православныхъ. Съ этою цѣлью въ 1624 году онъ отправлялъ пословъ уніатовъ въ Кіевъ къ духовнымъ православнымъ властямъ съ особенною инструкціею, въ которой тоже видится хитрый и вкрадчивый лжепастырь, какимъ всегда былъ Рутскій. Въ этой инструкціи предлагалось посламъ: „оповѣдити або залѣтити православнымъ духовнымъ властямъ въ Кіевѣ

(*) Вѣст. Запад. Россіи 1864—65. кн. стр. 66—69.

отъ митрополиты кіевскаго и всея Руси и отъ ихъ милости отцовъ пяти епископовъ, которые на тотъ часъ до Нова-Городка собралися были,—горячую милость прагненія (желанія) покою зъ ними, якъ зъ сынами и братьею въ единомъ народѣ россійскомъ рожоного".... За тѣмъ предоставлялось въ инструкціи православной сторонѣ дѣйствовать самостоятельно, безъ пленипотенціи (полномочія) отъ своихъ братствъ,—самимъ назначить и мѣсто, и время, и лицъ для переговоровъ,— только совѣтовалось назначить „особы въ личбѣ (числомъ) яко найменшой, а небольшъ трехъ,— двухъ духовныхъ и третьяго свѣцкаго. Посламъ, далѣе, предлагалось объявить православнымъ и предметъ совѣщанія— способъ „зъедноченя одъ людей многихъ зацныхъ (знатныхъ) зъ нашое и ихъ стороны поданный, абы былъ ново-фундованный въ ихъ краяхъ, яко и въ московскихъ, патріарха на добрахъ певныхъ духовныхъ, который бы на добрахъ тыхъ на вси потомные часы пребывалъ, и по благословеніе нигдѣ не посылалъ." Требовалось еще отъ пословъ тою же инструкціею, чтобъ они умѣли выставить, „же они (Рутскій съ своими епископами) тое не зъ жадноѣ (никакой) боязни и пострахов любо теперешнихъ, любо за часомъ на речь посполитою (чимъ ся они посполите (обыкновенно) хлюбить (хвалиться) позвыкли) приходячихъ чинили, але зъ повинности пастырской, которую они повинны къ овечкамъ мѣти." Наконецъ предлагалось посламъ „освѣдчити поволность и братолюбіе къ кіевскимъ православнымъ духовнымъ властямъ" (*) и проч. Чѣмъ отвѣтили на такой призывъ къ „зъедноченю" кіевскія православныя духовныя власти, неизвѣстно; извѣстно только то, что чрезъ пять лѣтъ послѣ этого призыва, именно въ 1629 году, октября 28, былъ въ Львовѣ соборъ унитовъ и не унитовъ для примиренія; но изъ этого ничего не вышло. А между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ времена измѣнялись къ худшему для кіевскихъ уніятовъ: въ Кіевѣ, въ кіево-печерской Лаврѣ начали открываться соборы, на которыхъ православная власть открыто и смѣло высказывалась противъ уніи. Въ 1628 году, 15 августа, соборъ, бывшій въ Лаврѣ, заставилъ Смотрицкаго отказаться отъ своихъ уніятскихъ убѣжденій, а въ 1629 году, 29 іюня, окончательно изрекъ ему анаѳему, какъ измѣннику православія. Съ возшествіемъ на польскій престолъ Владислава IV и съ утвержденіемъ на кіевской митрополичьей каѳедрѣ Петра Могилы, Рутскій долженъ былъ нѣ-

(*) Вѣст. зап. Рос. 1864—1865 кн. IX, стр. 14—16.

сколько умѣрить свои виды и планы, особенно когда опредѣленіемъ избирательнаго сейма въ 1632 году отъ него была отнята каѳедральная Софійская церковь (хотя до извѣстнаго времени и оставлены были за нимъ ея владѣнія), а Выдубицкій монастырь предоставленъ былъ ему только до его смерти. Такъ, Рутскій видѣлъ теперь, что гнѣзда уніи въ Кіевѣ, на которыя онъ такъ много разсчитывалъ, разрушались. Можетъ быть, нѣкоторое время послѣ того, онъ и еще питалъ химерныя надежды на перемѣну обстоятельствъ, но скоро долженъ былъ убѣдиться, что ему былъ совершенно не по силамъ его соперникъ — Петръ Могила. Разоривши такъ неожиданно одно гнѣздо уніи,— изгнавши уніятовъ изъ Софійскаго монастыря и преобразовавши его по своему плану, Петръ Могила зорко слѣдилъ за другимъ пристанищемъ уніятовъ — Выдубицкимъ монастыремъ. На варшавскомъ сеймѣ 1635 года (14 марта), на случай перемѣны обстоятельствъ, онъ еще разъ выхлопоталъ подтвержденіе конституціи 1632 года, по которой, между прочимъ, Выдубицкій монастырь, по смерти Рутскаго, долженъ былъ перейдти къ православнымъ, а взамѣнъ его православные должны были отдать уніятамъ Гродненскій православный монастырь, бывшій въ польской области. Въ 1637 году, марта 17, скончался Рутскій. Преемникъ его Рафаилъ Корсакъ думалъ было закрѣпить и за собою Выдубицкій монастырь, но попытка его не удалась, благодаря настойчивости Петра Могилы, который сейчасъ же предоставилъ его за своимъ коадъютантомъ. Уніяты по неволѣ уступили и перешли, по назначенію, въ польскую область въ Гродненскій монастырь. Убираясь отсюда съ неудовольствіемъ и ропотомъ, они унесли съ собою все, что только могли, и самую церковь монастырскую совершенно ограбили; только, по какому то странному случаю, они оставили здѣсь нѣсколько рукописныхъ богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя были наданы Выдубицкому монастырю игуменомъ его Антоніемъ Грековичемъ, какъ видно изъ его собственноручныхъ надписей на этихъ книгахъ. До настоящаго времени хранятся въ архивѣ Выдубицкаго монастыря изъ этого уніятскаго періода слѣдующія книги: въ 16 долю большаго листа — 1) Трифологіонъ мѣсячный, или краткая мѣсячная минея, за мѣсяцъ мартъ, безъ заглавнаго листа и безъ конца, съ такою надписью по начальнымъ листамъ: „Сію книгу купилъ и поддалъ монастырю Выдубицкому отецъ Антоній Грековичъ, игуменъ

выдубицкій и намѣстникъ протопопіи кіевской, року тысяча шесть сотъ десятого, мѣсяца ноябра 6 дня.“ Она писана уставомъ. 2) Такой же Трифологіонъ за мѣсяцъ сентябрь, безъ начала, съ надписью по листамъ:.... „монастырю Выдубицкому отецъ Антоній Грековичъ игуменъ выдубицкій и намѣстникъ кіевскій, року 1610, мѣсяца ноябра 6 дня;“ писана уставомъ. 3) Такойже Трифологіонъ за мѣсяцъ октябрь, безъ начала и безъ конца; писанъ уставомъ, — въ четвертую долю малаго листа.— 4) Октоихъ съ 5-го по 8 гласъ включительно, въ серединѣ съ пропусками и безъ начала: писанъ частью уставомъ, а частью скорописью,— въ малый поллистъ.— 5) Минея избранная, или трифологіонъ, за августъ мѣсяцъ; писана уставомъ, съ надписью по листамъ: „Року божьяго нароженья 1599 я многогрѣшная раба Божія Марія сію книгу отдаю до церкви въ селѣ Набѣломъ (Набѣло) заложенья святыя преподобныя Параскевы въ именю пановъ Белзскихъ ку чести и ку хвалѣ Бога и на вѣчную памятку небожчика Матѳея малжонка моего и приписую си ку церкви той къ громадѣ всей, абы си жаденъ несмелъ отдалити з мѣсца того, такъ свѣцкій яко и духовный человѣкъ; а хто бы си смѣлъ отдалити тую книгу рекомую Минею избранную съ тымъ хочу и буду мѣти судъ предъ милостивымъ и нелицемѣрнымъ праведнымъ судіею въ дни страшнаго и праведнаго суда.“ Въ этой же книгѣ на добавочномъ переднемъ листѣ, часть котораго значительно испорчена, видится надпись: „Року Божія 1609 мѣсяца марта дня 4, я рабъ Божій Тимошъ Куликъ обниватель и козакъ.... отменилемъ, албо выкупилемъ сію книгу.... Трифологіонъ мѣсячный урочистымъ стымъ.... за вырукою працы своей.... нье грѣховъ родителей моихъ.... и матки моей....“ (*) 6) Евангеліе учительное, или собраніе поученій на нѣкоторыя недѣли и праздники, безъ начала и конца, — съ надписью: „Сія книга кіевскаго монастыря Выдубицкаго библіотечна власная надана монастырю кіево-выдубицкому отъ Іоанна а въ монашествѣ Іосифа Кичарскаго тоя же обители монаха“. 7) Трифологіонъ за ноябрь мѣсяцъ, съ прибавленіемъ богородичныхъ стихиръ на всѣ гласы; писанъ уставомъ. 8) Трифологіонъ за сентябрь мѣсяцъ также писанъ уставомъ. 9) Трифологіонъ за мартъ мѣсяцъ и дальше,— оканчивается 9 іюня, безъ начала и конца,—въ два столбца. 10) Ось-

(*) .... означаетъ испорченныя мѣста.

могласникъ, писанный уставомъ, съ надписью на листахъ, кажется, позднѣйшею: „Я рабъ Божій Михайло отменилъ сію книгу охтай на осьмъ гласовъ и на весь тыждень за власные грони свои за три копы и за 23 грошей литовскихъ въ мести Лесникахъ до храму Преображенія Божьяго и Спаса нашего Іисуса Христа; а хто бы смѣлъ сію книгу отъ того храму отдалити, або взявши продати, анаѳема проклятъ буди, проклятъ въ семъ вѣци и въ будущемъ, и разсудитъ насъ много....“ Судя по сходству письма, всѣ вышепоименованныя нами книги относятся къ одному времени, — именно къ концу XVI и къ началу XVII вѣка. Кромѣ книгъ еще находятся досель въ Выдубицкомъ монастырѣ изъ уніятскаго періода небольшой колоколъ съ надписью: „року АХЛТ“, и икона Ченстоховской Божіей Матери, какъ гласитъ давнее преданіе, сохранившіеся въ монастырѣ. Эта икона (довольно большая) съ давнихъ временъ считается чудотворною, и особенно почитается православными поклонниками тѣхъ мѣстъ нашего края, гдѣ еще живы остались преданія уніи, — преимущественно каменецъ-подольскими и волынскими поклонниками. Но въ самомъ ли дѣлѣ эта икона осталась въ монастырѣ отъ періода уніятскаго и досталась ему отъ уніятовъ,— этого мы не беремся рѣшить, по недостатку данныхъ. Кромѣ же сказанныхъ памятниковъ уніятскаго періода, теперь въ Выдубицкомъ монастырѣ больше ничто не напоминаетъ намъ объ уніи. Предшествовавшій уніи, продолжительный періодъ православной жизни выдубицкаго монастыря и затѣмъ вся послѣдующая его вѣковая исторія въ духѣ православія какъ бы заставляютъ насъ забыть то темное пятно, которое, въ продолженіи какихъ нибудь 40 лѣтъ, лежало на нашемъ знаменитомъ древнѣйшемъ монастырѣ.

Свящ. П. Троицкій.

(Продолженіе впредь.)

III.

НОВЫЯ ЗАТѢИ ХОХЛОМАНОВЪ.

Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?....

Cicero.

Доколѣ вы, о хохломаны, будете во зло употреблять терпѣніе благомыслящихъ людей русскаго царства? Доколѣ будете подкапываться подъ единство всероссійскаго языка и всероссійской державы? Доколѣ будетъ продолжаться ваше сепаративное пронырство, прикрывающееся лживою заботливостью объ интересахъ народа, научными интересами и педагогическими принципами, но очевидно стремящееся къ отдѣленію южно-русскаго народа отъ Россіи— сперва въ языкѣ и литературѣ его, а потомъ... надобно быть безумцемъ, чтобъ не видѣть, какая *потомъ* отдѣленность угрожаетъ народу послѣ отдѣльности его въ языкѣ отъ единокровныхъ своихъ братьевъ?!. Доколѣ вы, сепаративными вашими затѣями, будете благопріятствовать нашимъ исконнымъ врагамъ, полякамъ? И наконецъ— скажите: что такое вы,— безсознательное ли и слѣпое орудіе нашихъ враговъ, посредствомъ котораго они распространяютъ смуты въ Россіи, или вы сознательно и безчестно, подобно погибшему Герцену, отреклись отъ Бога, отъ православной церкви и отъ вашего православнаго отечества, жаждете его смутъ, нестроенія и разложенія?.... Полно вамъ прятаться за ширмою гуманности, либерализма и педагогіи! Полно вамъ морочить православный людъ вашими quasi-учеными разсужденіями о «педагогическомъ значеніи малорусскаго языка!»— Полно вамъ притворяться такими наивно-добрыми народолюбцами, что вотъ-де вы только для того и требуете преподаванія наукъ на малороссійскомъ нарѣчіи въ южнорусскихъ школахъ, чтобы для учащихся облег-

чить путь къ просвѣщенію!— У васъ, по малороссійской пословицѣ, «*ангельскій голосъ, но чортова думка.*»

Казалось, что съ разгромомъ послѣдняго польскаго мятежа затихли-было и всѣ хохломанскія затѣи о самостоятельности малороссійскаго жаргона и о возведеніи его на степень самобытнаго, отдѣльнаго языка. Но, къ сожалѣнію, хохломанія [опять скажемъ по малороссійски] есть *такая гадюка, у которой когда одну голову отрубить, то вмѣсто отрубленной сейчасъ выростаетъ десять новыхъ головъ.* Теперь хохломанія подняла противъ насъ разомъ двѣ свои ядовитыя головы въ 93-мъ № *) „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 8-го апрѣля сего 1866 года. Передовая статья и весь фельетонъ этого № шипятъ змѣиною ненавистью къ единству общерусскаго языка и требуютъ, чтобы земство Черниговской губерніи непремѣнно постаралось въ народныхъ училищахъ своего края сдѣлать обязательнымъ, при обученіи, исключительно малороссійское нарѣчіе, а церковно-славянскому и общерусскому языку позволило бы являться иногда въ этихъ училищахъ въ видѣ небольшихъ статеекъ въ хрестоматіи [въ «читальникѣ»], или въ книгѣ для чтенія сельскихъ учениковъ, «гдѣ они и могутъ читать ихъ, *если пожелаютъ.*» Мы нарочно подчеркнули слова— «*если пожелаютъ*», чтобы читатели ясно видѣли, что, по приговору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, чтеніе славянскихъ и русскихъ книгъ въ южнорусскихъ народныхъ школахъ не полагается *обязательнымъ.*

Такъ-какъ, по общему закону усовершенствованія, люди, съ теченіемъ времени, должны дѣлаться умнѣе и благоразумнѣе, то можно безошибочно сказать, что лѣтъ чрезъ 30 послѣ нашего времени никто не повѣритъ, чтобы въ нынѣшнемъ 1866 году, въ просвѣщенной русской столицѣ, въ С.-Петербургѣ, между тамошними образованными и просвѣщенными людьми могло прозябать такое уродливое мнѣніе и желаніе о дарованіи педагогической и литературной самостоятельности областному нарѣчію, которое даже почти уже исчезло въ устахъ народа, соединившись съ общерусскимъ языкомъ, но которое петербургскіе умники, на зло здравому смыслу и исторіи, хотѣли бы воскресить и поднять на ноги. Никто не повѣрилъ бы этому, если бы не было 93-го № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1866 года. Для чести нашего времени, мно-

*) На этомъ № дѣло не кончилось; хохломанія участила свои выстрѣлы, пока не.ожжется.

Ред.

гіе члены черниговскаго земства покорнѣйше просятъ редакцію этой петербургской газеты, чтобъ она постаралась, если можно, истребить этотъ злосчастный №, дабы до нашихъ потомковъ не дошло свѣдѣніе о томъ, до какихъ нелѣпостей унижалась петербургская журналистика въ 1866 году.

Приглашаемъ читателей всмотрѣться и вчитаться, вмѣстѣ съ нами, въ этотъ 93-й № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. И передовая статья, и фельетонъ — какъ мы сказали — заражены отчаянной хохломаніей. Передовая статья не подписана никѣмъ, слѣдовательно отвѣтственность за нее падаетъ на самого издателя; а подъ фельетономъ подписался какой-то «*учитель*.» Для чести учительскаго званія, не хотѣлось бы вѣрить, что этотъ *учитель*— не псевдонимъ. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода; бываютъ всякіе учителя.

Передовая статья, извѣстивши своихъ читателей, что черниговское земство назначило 2,800 р. с. на учрежденіе въ Черниговѣ школы для приготовленія народныхъ учителей, распространилась съ своими непрошеными совѣтами и наставленіями этому земству о томъ, какъ оно должно повести такую школу, или учительскую семинарію. *Первый непрошеный совѣтъ:* «такъ-какъ эта школа «устроивается на суммы земства, то начальство кіевскаго учебнаго «округа [*слушайте! слушайте!*], нѣтъ сомнѣнія, не станетъ по-«своему регламентировать ходъ дѣлъ въ этой школѣ.» А кому же прикажете регламентировать? А для чего же существуетъ училищное начальство, если не оно будетъ управлять училищами своего округа? А для чего существуетъ здравый смыслъ въ человѣческомъ родѣ, который (смыслъ) устами покойнаго Крылова сказалъ: «бѣда, какъ сапоги начнетъ тачать пирожникъ, иль пироги печи сапожникъ?»..... Стыдновато намъ за „С.-Петербурскія Вѣдомости“!....

Далѣе: «Желательно, чтобы впредь до учрежденія губернскихъ «училищныхъ совѣтовъ [которые слѣдуетъ открыть уже тогда, ког-«да достаточное количество школъ будетъ требовать широкаго «дѣйствія со стороны значительнаго учрежденія], — желательно, «чтобъ открытіе сельскихъ школъ и назначеніе въ нихъ учителей «было раздѣлено между земскими учрежденіями и совѣтомъ учи-«тельской семинаріи», а отнюдь, т. е., не начальство учебнаго округа открывало бы школы и назначало учителей, — это само собою подразумѣвается въ желаніи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Увы, опоздала почтеннѣйшая газета съ своимъ желаніемъ и совѣтомъ!

И губернскіе и уѣздные училищные совѣты уже давно открыты въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, и уже давно, въ совокупности съ членами отъ кіевскаго учебнаго округа, начали свои дѣйствія, на томъ разумномъ основаніи, что сперва необходима дѣйствующая причина (causa efficiens), а потомъ уже надобно отъ этой дѣйствующей силы ожидать дѣйствія (effectus), а не на оборотъ,— какъ желаютъ „С.-П. Вѣдомости",— тогда уже открывать училищные совѣты, когда напередъ будетъ открыто много школъ.

Послѣ такого безвременнаго и страннаго желанія, „С.-П. Вѣдомости" пустились въ разглагольствіе о томъ, «какъ поставить учительскую семинарію въ субъординаціонныя отношенія къ дирекціи «училищъ и къ окружному начальству.» Примѣтно, что естественная и неизбѣжная подчиненность этой семинаріи училищному начальству очень и очень не нравится „С.-П. Вѣдомостямъ." «На рѣшеніе этого вопроса—говорятъ онѣ— можно потратить много бумаги «и чернилъ, но.... дѣло не подвинется.» А потому „С.-П. Вѣдомости" рѣшили такъ: «Судя по тому, что мы знаемъ о черниговскомъ зем«ствѣ [*позвольте спросить: а что вы знаете о нашемъ земствѣ?*), «отъ него мы вправѣ ожидать дѣйствій и отношеній наиболѣе «соотвѣтственныхъ успѣху дѣла.» Смотри, дескать, черниговское земство, не выпускай власти изъ своихъ рукъ! не позволяй начальству учебнаго округа регламентировать въ народныхъ школахъ! Чего добраго,— это несносное начальство заведетъ въ школахъ обученіе славянскому языку и катихизису, а потомъ и общерусскому языку, а для малороссійскаго нарѣчія не отдѣлитъ ни-малѣйшаго мѣстечка.... не уступай!....

«Другой важный вопросъ: ставить ли цѣлью ученія въ народ«ной школѣ только грамотность, сопровождаемую нѣкоторыми [?!] «познаніями изъ предметовъ религіозныхъ и ариѳметическихъ, или «поставить цѣлію обученія въ народной школѣ возможно-широкое «образованіе?»— Этотъ вопросъ „С.-П. Вѣдомости" рѣшили въ пользу «*возможно-широкаго образованія*», и средства къ тому предлагаютъ вотъ-какія: «Эти требованія [т. е. *возможно-широкаго образо«ванія*] можно удовлетворить [*слушайте!*] безъ всякаго система«тическаго преподаванія, однимъ объяснительнымъ чтеніемъ по хо«рошо-составленному читальнику.» А учители, преподающіе въ учительской семинаріи и приготовляющіе сельскихъ народныхъ учителей, «должны быть поставлены въ возможно-менѣе оффиціальное «положеніе, т. е. они [*пожалуйста, слушайте!*] не должны быть стѣ-

«снены *обязательными* учебниками.» Выходитъ слѣдующій результатъ: пусть учатъ и учатся *чему-нибудь и какъ-нибудь*. Какой вамъ еще нужно лучшей методы и системы? Никакого стѣсненія оффиціальною подчиненностью, ни какой предписанной системы, никакихъ одобренныхъ правительствомъ учебниковъ, никакой— значитъ— отчетности, и широкое раздолье для чего хочешь! Учи, чему хочешь, и какъ хочешь! Ужъ не бывшія ли, постыдной памяти воскресныя школы взяты „С.-П. Вѣдомостями" за образецъ для черниговской учительской семинаріи и для народныхъ школъ?.... кажется, что такъ. — Но это еще не все; вотъ, наконецъ, слѣдуетъ —

«Третій важный вопросъ»: [пропускаемъ утомительное многословіе „С.-П. Вѣдомостей," съ умысломъ маскирующее этотъ вопросъ научными фразами, и буквально — словами Вѣдомостей — излагаемъ самый вопросъ:] «въ примѣненіи къ вопросу о народномъ об«разованіи въ южной Россіи, названный нами принципъ [т. е. при«мѣненіе народнаго образованія къ мѣстнымъ условіямъ] ведетъ «къ узаконенію участія въ этомъ образованіи южно-русскаго народ«наго языка и народной словесности». Вотъ оно-что! Вотъ о чемъ всѣ хлопоты! — С.-П. Вѣдомости признаются, что « есть немало «людей, которые именно не желаютъ допустить южно-русскій языкъ «въ школы— отъ наивнаго незнанія дѣла, отъ нежеланія знать, на«конецъ—отъ излишней боязливости за то, на что, право, никто не «можетъ и не хочетъ посягать. Всѣ они сходятся въ томъ, что «одинаково подозрѣваютъ защитниковъ малороссійскаго нарѣчія «въ злобныхъ политическихъ тенденціяхъ, хотя до поры скрываe«мыхъ» [*а развѣ это неправда?!?*].— «Но, имѣя въ виду чисто и «исключительно [*едва ли чисто и исключительно!*] педагогическіе ин«тересы, мы не можемъ не признать важнаго [???] педагогическаго «значенія малорусскаго языка, какъ отдѣльнаго отъ великорус«скаго.»— Долгомъ считаемъ замѣтить редакціи „С.-П. Вѣдомостей", что она, неосторожно играетъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ,— того и смотри, вспыхнетъ, и выстрѣлъ попадетъ въ сердце самой редакціи. Во вторыхъ, да благоволитъ эта редакція вѣдать, что «*малорусскаго языка отдѣльнаго отъ великорусскаго*» никогда не было и нѣтъ на свѣтѣ; а такой языкъ существуетъ только въ воображеніи шайки хохломановъ, къ которымъ намъ не хотѣлось бы причислять и редакцію „С.-П. Вѣдомостей." Эта шайка сочиняла [можетъ быть, и теперь сочиняетъ?!] книжки на какомъ-то выдуманномъ ею «южнорусскомъ или малорусскомъ

языкѣ,» составленномъ на половину изъ польскихъ словъ и на половину изъ русскихъ съ перековерканнымъ правописаніемъ; но этихъ книжекъ сельскіе жители южной Россіи не понимаютъ, и выдуманнаго языка не признаютъ своимъ. *Есть малорусское нарѣчіе русскаго языка*, такъ-какъ есть и костромское и вятское нарѣчіе— только! а особаго «малорусскаго языка» вовсе нѣтъ.

Чрезъ нѣсколько строкъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости" сами признаются, что «малорусскій народъ не хочетъ учиться грамотѣ на «своемъ языкѣ [*читай: не на своемъ, но на выдуманномъ шайкою «хохломановъ*], и выражаетъ неудовольствіе [*спасибо ему!*], когда «ему даютъ книги, писанныя мужицкимъ [читай: *уніатско-поль«скимъ*] языкомъ, желая, чтобъ ихъ учили *царскому языку*, иначе— «говорили они — мы будемъ всегда въ черномъ тѣлѣ.» — Послѣ такого признанія, зачѣмъ же навязывать этому умному народу отвергаемое имъ обученіе на нелюбимомъ имъ, искуственно-польско-уніятскомъ жаргонѣ? Очевиднѣе солнца, что малорусскій народъ уже рѣшилъ этотъ *вопросъ* не въ пользу этого новоизобрѣтеннаго и не извѣстнаго ему нарѣчія и, слѣдовательно, не о чемъ уже и говорить.— Такъ вотъ же—нѣтъ!— „С.-П. Вѣдомости" отчаянно пустились въ широковѣщательныя доказательства, что весь малорусскій народъ ошибается въ рѣшеніи этого вопроса, и во свидѣтельство призываютъ какого-то малороссійскаго *мирошника* [мельника], который восхищался, читая или слушая сочиненія *Вовчка*. Мало того: „С.-П. Вѣдомости" рѣшились даже увѣрять насъ, малороссовъ, будто у насъ въ присутственныхъ мѣстахъ доселѣ не пишутся бумаги на чистомъ общерусскомъ языкѣ, и будто наши уѣздныя училища «не владѣютъ общерусскимъ языкомъ.» Эта послѣдняя выходка, очевидно, позаимствована „С.-П. Вѣдомостями" изъ знаменитой своимъ позоромъ книги Шедо-Феротти: Que fera-t-on de la Pologne? [стран. 211].— Знаменитый своимъ безславіемъ авторъ этой книги вотъ какъ говоритъ на указанной страницѣ: «пусть будутъ въ Украйнѣ презрѣны законныя права обычаевъ и мѣстнихъ привычекъ, пусть вездѣ тамъ будетъ введено *московское* нарѣчіе въ судебныхъ мѣстахъ, въ школахъ и церквахъ,— и вы увидите результатъ діаметрально противоположный тому, какого надѣялись «Московскія Вѣдомости». Тогда въ „Вѣстникѣ Западной Россіи" [см. октябрь 1864. отд. III. стран. 66] сказано было вотъ-что г-ну Шедо-Ферроти; «тю-тю, навиженый! Що се вы бляузкаете? Чи се вамъ приснилась такая брехня, чи вы сами выдумали ее? У насъ на Украйнѣ, отъ дѣдовъ-прадѣдовъ, отъ роду-вѣку, по всѣмъ шко-

ламъ и судамъ читаютъ и пишутъ по-московски.» Просимъ покорно и редакцію „С.-П. Вѣдомостей“ подѣлиться этимъ отвѣтомъ съ г-омъ Шедо-Ферроти, да въ добавокъ къ этому отвѣту, просимъ принять къ свѣдѣнію, что въ Малороссіи два-три молодые священника, будучи по неосторожности охвачены повѣтріемъ неразумнаго прогресса, осмѣлились-было сказать своимъ прихожанамъ одну-другую проповѣдь на новосочиненномъ Кулишомъ и Вовчкомъ украинскомъ нарѣчіи; но прихожане [простые мужички] жаловались на нихъ, что они «смѣются надъ ними въ храмѣ Божіемъ, проповѣдуя слово Божіе на шинкарскомъ нарѣчіи.» — Что вы на это скажете, почтеннѣйшая редакція „С.-П. Вѣдомостей“?....

Въ заключеніе своей передовой статьи, „С.-П. Вѣдомости“ говорятъ, что они «съ крайнимъ отвращеніемъ встрѣтятъ неизбѣжные «въ этомъ вопросѣ толки о сепаратизмѣ политическомъ, пущенные «въ ходъ незнаніемъ, подозрѣніемъ и недобросовѣстностью.» — Спѣшимъ успокоить г-на сочинителя передовой статьи, что мы, жители Малороссіи, принадлежащіе къ черниговскому земству, видимъ въ его статьѣ только крайнее невѣжество, которое въ этомъ случаѣ ничѣмъ нельзя извинить, но для котораго слишкомъ много было бы чести, если бы стать подозрѣвать его въ сепаратизмѣ. Дѣло объясняется очень просто: «сапожникъ взялся печь пироги.» Но этотъ сапожникъ взялся за несвойственное ему занятіе не по собственному, кажется, желанію, но будучи безсознательнымъ орудіемъ другой движущей силы.

Вотъ ужъ этого нельза сказать «*учителю*,» который подписался подъ фельетономъ 93-го № „С.-П. Вѣдомостей“: «*педагогическое значеніе малорусскаго языка.*» Объ немъ нельзя сказать, чтобъ онъ дѣйствовалъ безсознательно, — напротивъ того, онъ резонерствуетъ, хотя не вездѣ съ соблюденіемъ логической послѣдовательности, но очень самоувѣренно, докторальнымъ, безъ-аппеляціоннымъ тономъ; только та бѣда въ его резонерствѣ, что все оно выходитъ у него съ ложной точки отправленія, а потому и все совершенно ложно.

Свою статью «*учитель*» начинаетъ слѣдующимъ великолѣпнымъ противорѣчіемъ здравой логикѣ: допустивши [*и весьма справедливо*], что «малороссійскій языкъ — вовсе не языкъ, а нарѣчіе и даже «разнорѣчіе, что между языкомъ, какимъ говоритъ народъ въ Кіев«ской и Нижегородской губерніи, такая же разница, какъ между «нарѣчіемъ Нижегородской и Костромской губерніи», онъ дѣлаетъ слѣдующій наивный вопросъ: «если такъ слабо различіе малорус-

«скаго языка отъ великорусскаго, то для чего же пугаться образо-«ванія народа на этомъ языкѣ, какъ зародыша нравственнаго се-«паратизма, который въ свою очередь станетъ зародышемъ сепа-«ратизма политическаго?» А намъ кажется, что несравненно логичнѣе было бы спросить такъ: то для чего же не учить южнорусскій народъ на этомъ нарѣчіи, которое такъ мало различается отъ великорусскаго языка? Лучше и раціональнѣе будетъ — учить и учиться на общерусскомъ языкѣ; а то вѣдь и костромичи и нижегородцы потребуютъ, пожалуй, чтобы въ ихъ школахъ обучали не на общерусскомъ языкѣ, но именно на костромскомъ и нижегородскомъ нарѣчіи.— Примѣчаете ли вы, г. *учитель*, какъ вы промахнулись противъ логики и даже противъ собственныхъ вашихъ тенденцій? Ну, да это ничего,— далѣе пойдетъ лучше.

Что каждая провинція въ каждомъ государствѣ можетъ имѣть и имѣетъ свои мѣстныя особенности въ обычаяхъ, нравахъ и языкѣ, это всѣмъ извѣстно, и, при отсутствіи злонамѣренныхъ наставниковъ и учителей, эта мѣстная особенность вовсе не препятствуетъ тѣмъ провинціямъ чувствовать и сознавать себя частями одного и того-же народно-государственнаго организма. Эльзасецъ и нормандецъ обидѣлись бы, если бы кто нибудь назвалъ ихъ не французами, и если бы въ ихъ школахъ обученье происходило не на французскомъ языкѣ, но на эльзаскомъ или нормандскомъ нарѣчіи. Время стушевываетъ всѣ эти провинціальныя особенности, и онѣ, дѣлаясь достояніемъ археографіи, не имѣютъ ничего обязательнаго для современности. У насъ хотятъ сдѣлать это совсѣмъ иначе. «*Учитель*», призвавши во свидѣтельство г. Костомарова съ его статьею: «*Двѣ русскія народности*», доказываетъ, что «разница частно-«стей быта и разница психическая между великоруссомъ и мало-«россомъ производитъ разницу частныхъ представленій, которая вы-«ражается въ употребленіи языкомъ великорусскимъ и малорус-«скимъ.» При всемъ усиліи «*учителя*» сказать этими словами что-то глубоко-ученое, онъ сказалъ самую обыкновенную и всѣмъ извѣстную истину, которая одинаково приложима къ разности каждой провинціи отъ другихъ провинцій одного и тогоже царства. Но — чтобы по причинѣ такой разности устроивать для каждой провинціи особенную провинціальную грамотность на областномъ нарѣчіи и провинціальную литературу.... это— воля ваша— означало бы или крайнее тупоумie, или какую-то злоумышленность.

Послѣ авторитета Костомарова, «*учитель*» обратился къ филологіи, и пресеріозно доказываетъ, что нѣкоторыя русскія слова въ

устахъ южнорусскаго народа имѣютъ нѣсколько отличное значеніе, нежели въ устахъ великорусскаго народа, на примѣръ: *казать*, *пытать*, *губить*, *жаловать*, *уступать*, *глупый*, *уродливый*, и т. п. Прежде всего надобно замѣтить, что такихъ словъ очень немного, едва ли наберется нѣсколько десятковъ. Но «*учитель*», на основаніи случайной разности значенія нѣкоторыхъ, весьма немногихъ словъ въ малосусскомъ нарѣчіи отъ такихъ же словъ въ общерусскомъ языкѣ, утверждаетъ, что «учить малорусскаго мальчика «первоначальному чтенію не по-малорусски— значитъ задавать ему двойной трудъ: учиться читать и заучивать чужія [?!?] слова», [т. е. *не чужія, но тѣ же самыя слова, только нѣсколько съ особеннымъ значеніемъ*].—Приглашаемъ и ученыхъ филологовъ и всѣхъ вообще здравомыслящихъ людей рѣшить вопросъ: изъ-за немногихъ словъ, имѣющихъ въ устахъ малороссіянина нѣсколко различное значеніе, нежели въ устахъ сѣвернаго жителя Россіи, стоитъ ли выдумывать и формировать особенный южнорусскій языкъ, отдѣльный отъ великорусскаго или, правильнѣе сказать, отъ общерусскаго языка? Стоитъ ли требовать, а правильнѣе говоря, какъ можно требовать, чтобъ въ школахъ русскаго царства русскіе мальчики, родившіеся въ Черниговской, Полтавской, или Кіевской губерніяхъ, были обучаемы не на общерусскомъ языкѣ, который они любятъ и называютъ *царскимъ*, но на отжившемъ свой вѣкъ уніатско-польскомъ нарѣчіи, которое давно уже исчезаетъ даже въ устахъ народа, но которое хотятъ насильно возстановить петербургскіе умники ?!? Повторяемъ: такихъ русскихъ словъ, которымъ малороссы даютъ другое значеніе, нежели какое значеніе дается въ другихъ областяхъ Россіи, очень немного. И сельскій учитель, при чтеніи съ учениками, весьма легко могъ бы изъяснять подобныя слова слѣдуюшимъ образомъ: «*казать*» у насъ [т. е. у южноруссовъ] значитъ *говорить*, или *показывать словомъ*, а на обшерусскомъ языкѣ значитъ— *показывать на самомъ дѣлѣ*, *ставить лицомъ;* или, *жаловать* у насъ значитъ *любить*, а на общерусскомъ языкѣ означаетъ— *дарить*, *удостоивать кого-либо чѣмъ-либо*, напр., Государь Императоръ пожаловалъ О. И. Комисарову потомственное дворянство.

Чтобы своимъ филологическимъ доказательствамъ доставить полное торжество, «*Учитель*» сравниваетъ подлинные разсказы Вовчка съ переводомъ ихъ на общерусскій языкъ и находитъ, что г. Тургеневъ во многихъ мѣстахъ своего перевода не могъ сохранить всей точности, свѣжести и выразительности подлинника. При

всемъ нашемъ уваженіи къ талантамъ и трудолюбію г. Тургенева, мы и прежде удивлялись и теперь не скрываемъ удивленія, что онъ удостоилъ разсказы Вовчка переводомъ [?] съ полтавско-идеальнаго языка на дѣйствительно-существующій общерусскій языкъ, и ничѣмъ другимъ не можемъ изъяснить эту странность, какъ только тогдашнимъ повѣтріемъ всяческой эксцентричности, которое охватывало и многихъ умнѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей. Но— положимъ— г. Тургеневъ не могъ съ точностью перевести нѣкоторыхъ словъ и выраженій знаменитаго Вовчка,— что жъ изъ этого слѣдуетъ? Неужели слѣдуетъ то, что надобно языкъ, сочиненный Кулишомъ, Вовчкомъ и К°, узаконить для употребленія въ народныхъ училищахъ югозападнаго края, между тѣмъ какъ тамошніе жители вовсе не знаютъ и не понимаютъ этого искуственнаго языка, и свою прежнюю уніатчину совершенно бросили, стараясь говорить на общерусскомъ *царскомъ языкѣ?*. Филологическія доказательства «*Учителя*» очень не удовлетворительны.

Угадайте же, читатели, изъ чего будетъ состоять курсъ ученія народной школы, по разумѣнію «*Учителя*»? Можетъ быть, вы думаете— изъ катихизиса, славянскаго чтенія, священной исторіи, и проч.? Напротивъ того! этимъ предметамъ священники да дьячки учатъ; а «*Учитель*» убѣдился, что «бывшіе дьячковскіе ученики почти всегда читаютъ не понимая,— и ученика, поступившаго отъ «дьячка въ болѣе-раціонально устроенную школу гораздо труднѣе «выучить толковому чтенію, чѣмъ нигдѣ неучившагося. А это происходитъ отъ того, что дьячки начинаютъ учить со славянскаго «чтенія.» Значитъ— прочь славянское чтеніе!... «*Учитель*» утверждаетъ, что теперь уже признано всѣми здравомыслящими, что «нравственное развитіе въ школѣ достигается не заучиваніемъ сен«тенцій прописной морали (?), въ которыхъ искусственно прибира«ются разные, болѣе или менѣе невѣроятные (?) случаи, имѣющіе «доказать, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается.» Въ этомъ отношеніи не нравится «*Учителю*» и «*Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ*», изданная начальствомъ кіевскаго учебнаго округа. По словамъ «Учителя», самыя лучшія статьи этой книги—«*О крещеніи Руси въ Кіевѣ*», «*Кіевопечерская Лавра*», «*Унія*», и стихотвореніе Хомякова: «*Кіевъ*», «имѣютъ связь съ южнорус«скою мѣстностію только по названіямъ». Изъ этихъ словъ «*Учителя*» видно, что Хомяковъ описывалъ совсѣмъ не тотъ Кіевъ, что стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, потому что его стихотвореніе «*только по названію имѣетъ связь съ мѣстностью кіевскою.*» И *Лавра*,

надо полагать, описана совсѣмъ не кіевская, и *Унія* также описана какая-то другая.... «*Учитель*» продолжаетъ: «почти всѣ литератур-«ныя статьи этой книги, за немногими исключеніями, составлены «изъ отвлеченностей, въ родѣ *истиннаго благочестія.*» Ужъ это несносное *благочестіе!* Острою костью засѣло оно въ горлѣ нѣкоторыхъ господъ!— Вмѣсто катихизиса и всего того, что напоминаетъ о благочестіи, «*Учитель*» рекомендуетъ образовывать учениковъ южнорусскихъ народныхъ школъ *по малороссійскимъ сказкамъ и пѣснямъ*, именно указываетъ на сказки, помѣщенныя въ *Запискахъ о Южной Россіи* [Кулиша], «на цѣлый разсказъ такъ же о «загробномъ мірѣ, представляющій христьянскія нравственныя идеи «въ народныхъ образахъ, и на множество пѣсень, гдѣ представля-«ются удивительно симпатическія семейныя отношенія.»—«Что не «ясно выражено въ поэзіи народа изустной, то можетъ быть вос-«полнено разсказами М. Вовчка. Къ сказанному слѣдуетъ приба-«вить о необходимости участія народной поэзіи въ религіозномъ и «историческомъ образованіи народа. На примѣръ: южнорусская по-«эзія представляетъ понятія о Богѣ, по своей чистотѣ и симпатич-«ности, удивительно-близкія къ евангельскимъ. А какъ въ Германіи, «и отчасти у насъ, принято учить въ народныхъ школахъ, между «прочимъ, и пѣнію, то спрашивается [*спрашиваетъ Учитель*]: не-«ужели малорусскимъ мальчикамъ нельзя будетъ въ школахъ пѣть «своихъ пѣсень?» [*На примѣръ:* у сосѣда хата бѣла, у сосѣда жинка мила; а у мене ни хатинки, нема счастья, нема жинки.... *Или:* не ходи, Грицю, на вечерницы,— бо на вечерницахъ дѣвки чаровницы....]— Вотъ вамъ и весь курсъ ученія для малорусскихъ дѣтей въ народныхъ училищахъ, по совѣту »*Учителя!*» Учите ихъ по малороссійскимъ сказкамъ и пѣснямъ,— вотъ и все!

Фельетонъ свой оканчиваетъ «*Учитель*» слѣдующимъ образомъ: «резюмируемъ же мы все, сказанное нами о необходимости участія «народнаго языка и поэзіи въ образованіи малорусскаго народа.» «Мы считаемъ первоначальное обученіе малорусскихъ мальчиковъ «на языкѣ великорусскомъ затруднительнымъ. Чтеніе въ мало-«русской школѣ должно быть по-малорусски. Наконецъ, что каса-«ется до матеріала для чтенія, то, конечно, онъ долженъ быть «взятъ возможно-болѣе изъ близкаго ученику міра; а такой мате-«ріалъ даетъ теперь только народная словесность и близкія къ ней «произведенія.» При этомъ случаѣ «*Учитель*» сожалѣетъ, что «*Оповѣданья изъ святого Писанья*» и «*Дещо* [нѣчто] *про свѣтъ Божій*», соч. Св. Опатовича, остановлены [*и слава Богу!*] на первыхъ вы-

пускахъ. Вотъ вамъ и весь résumé «*Учителя*»! — Читатели видятъ изъ этого перечня слѣдующія замашистыя и неуклюжія требованія хохломанской партіи для народныхъ школъ югозападнаго края нашей Россіи: 1) возстановить въ этихъ школахъ употребленіе прежняго уніатско-польскаго нарѣчія, которое малороссіянами уже почти совсѣмъ забыто, и отъ котораго они сами съ презрѣніемъ отвращаются, предпочитая говорить на *царскомъ* языкѣ,—общерусскомъ. 2) Не учить въ этихъ школахъ ни церковно-славянскому чтенію, ни чтенію на общерусскомъ языкѣ. 3) Не учить ни катихизису, ни священной исторіи, но учить читать малороссійскія сказки и пѣсни, по руководству Кулиша, Вовчка и другихъ непрошеныхъ, подобныхъ опекуновъ народа. 4) Вмѣсто церковнаго пѣнія, учить дѣтей пѣть малороссійскія пѣсни.... Передаемъ эти зловредныя затѣи рьяныхъ хохломановъ суду общественнаго мнѣнія Россіи; а сами, чѣмъ начали эту статью, тѣмъ же и оканчиваемъ: quousque tandem, chochlomani, abutemini patientia nostra?....

Одинъ изъ черниговскаго земства.

7-го маія
1866.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Одинъ изъ черниговскаго земства» не вполнѣ исчерпалъ нелогичность сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Это не удивительно: софизмы послѣднихъ такъ вѣтвисты и такъ коренасты, что всѣхъ ихъ отразу и не подмѣтишь, за всѣми не угоняешься. Доскажемъ кратко не досказанное «Однимъ изъ черниговскаго земства.»

1) Одинъ изъ сотрудниковъ С.-П. Вѣдомостей говоритъ, что народъ «не хочетъ учиться на мужицкомъ (эпитетъ сотрудника или народа) нарѣчіи, а желаетъ, чтобъ ихъ учили царскому языку.» Если такъ, то кого же будутъ обучать на мѣстномъ нарѣчіи? конечно, дѣтей простого народа. Какъ же это, когда самъ народъ-то этого и не желаетъ? Вѣроятно «земство,» или точнѣе—коноводы украйно или гетмано-фильской партіи употребятъ насилія или интригу: другихъ средствъ—навязать народу то, что онъ отвергаетъ, нѣтъ и быть не можетъ. Вотъ вамъ и прогресъ, гуманность, либерализмъ, «народолюбіе,» которыми драпируются обыкновенно люди, бредящіе украинскими утопіями.

Такъ проговорился одинъ только панъ болѣе ловкій, или болѣе неосторожный; всѣ другіе упорно твердятъ, что желаніе объособленія, или, покрайнѣй мѣрѣ, олитературенья малорусскаго просторѣчья есть «всеобъемлющее» (*) желаніе народа. Этимъ господамъ мы сказали такъ много на эту тему, что теперь совѣстно повторять зады. Клевета на добрый, смышленый, неповинный народъ была такъ очевидна и безчестна, что даже одинъ изъ тойже партіи— волей не волей— заявляетъ теперь, что народъ хочетъ учиться «царскому языку», а если окажутся еще упорствующіе въ противномъ заблужденіи, мы поставимъ ихъ лицемъ къ лицу съ оклеветаннымъ ими народомъ, и сей послѣдній приметъ ихъ весьма недружелюбно, а во всякомъ случаѣ не откажется, по указанію нужды, заявить свое мнѣніе по этому предмету путемъ печати народныхъ адрессовъ. Такая мѣра, конечно, поведетъ и къ раздѣлкѣ съ тѣми, которые вынудятъ ее. Иначе конца не будетъ этимъ бреднямъ разными утопіями, національностями, сепераціями, федераціями и всяческими политическими затѣями и диссонансами.

2) Авторъ передовой статьи 93 № С.-П. Вѣдомостей хочетъ увѣрить насъ, что мы (и другіе) «не желаемъ допустить въ школы южнорусскій языкъ (т. е. нарѣчіе) отъ наивнаго незнанія дѣла, отъ излишней боязливости за то, на что, *право*, никто не можетъ и не хочетъ посягать.» Вся сила рѣчи, весь аргументъ этой тирады заключается въ словѣ «*право*,» написанномъ нами, по этому случаю, курсивомъ. Покрайней мѣрѣ другой точки опоры для невинности украйно-фильской затѣи, для обвиненія насъ въ наивномъ незнаніи дѣла, никогда и никѣмъ незаявлено. Говорили, правда, что украйно-фильскія замашки имѣютъ въ виду реакцію латинопольской пропагандѣ; но мы положительно доказали, что цѣль этихъ замашекъ рѣшительно—противоположная, что осуществленіемъ хохломанскихъ притязаній также можно реактировать латинополонизму, какъ спиртомъ тушить пожаръ. Говорили еще, что малорусскій народъ почти одинъ разметалъ и затопталъ югозападную польскую крамолу, не поддался ни на какую приманку; но мы, въ свою очередь, много разъ сказали и доказали, что мыслей и желаній малорусскаго народа не надо смѣшивать въ мыслями и желаніями малорусскихъ революціонеровъ, что первый самъ по себѣ, а послѣдніе сами по себѣ, что ни одинъ, *рѣшительно ни одинъ*,

(*) Терминъ, употребленный въ томъ же смыслѣ и такъ же ложно въ извѣстномъ адрессѣ подольсой шляхты.

изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ (а намъ всѣ они извѣстны) хохломановъ, ни единимъ словомъ, ни одинмъ движеніемъ пальца, не заявилъ своей реакціи польскимъ бунтамъ. Вы хотите зажать намъ ротъ увѣреніемъ кого слѣдуетъ, въ нашей некомпетентности, въ «наивномъ незнаніи дѣла;» да полно такъ ли ?! Вы сами, мы въ томъ увѣрены,—чувствуете въ своей душѣ нелѣпость этого изворота, вы сами знаете, что дѣло ваше, до самыхъ микроскопическихъ его атомовъ, мы знаемъ едва ли нелучше васъ самихъ. Назадъ тому два-три года, мы представили вамъ такіе образчики знанія, что вы не посмѣли упрекать насъ въ незнаніи, что вы замолчали и замолчали надолго. Теперь, когда вамъ вообразилось, что все сказанное нами противъ хохломановъ забыто, вы принялись за старое и начали бомбардировку изъ бывшей резиденціи «Słowa» и «Основы», какъ изъ такого пункта, въ которомъ раздаются всяческіе выстрѣлы. Надѣемся вы не будете болѣе упорствовать во осуществленіи вашихъ стремленій, въ убаюкиваньи себя и обманѣ другихъ незнаніемъ нами дѣла. Вамъ можетъ быть легко обмянуть другихъ, но насъ очень трудно, намъ легко приподнять забрала подъ которыми вы такъ удобно скрываете свои примѣты...... А то, что вы называете, по принятому у васъ обычаю, доносомъ (смотри № 93 С.-Пет. Вѣд.), мы назовемъ исполненіемъ долга чести и присяги.

3) «Учитель» захотѣлъ поставить вопросъ на точкѣ филологопедагогической; эта попытка осталась также неудачною. Все, что сказалъ въ фельетонѣ 93 № С.-П. Вѣдомостей украинофилъ, закутавшійся до барашковой шапки мантіей «Учителя», разметано въ щепы, назадъ тому два три года, въ разныхъ статьяхъ Вѣстника. Предоставляя ему право прочитать все сказанное въ этихъ статьяхъ, мы теперь только столкнемъ нѣсколько его сентенцій самихъ съ собою и выведемъ изъ этого сопоставленія нѣсколько заключеній.

Г. «Учитель» говоритъ сначала, что между языкомъ (такъ его называетъ «Учитель») малорусскимъ и великорусскимъ (т. е. русскимъ) весьма слабое различіе. Эту обмолвку «Учителя» весьма ловко подмѣтилъ «Одинъ изъ черниговскаго земства» и сказалъ на счетъ ея то, что уже знаютъ читатели. Но тотъ же самый «Учитель», который нашелъ между русскимъ языкомъ и малорусскимъ нарѣчіемъ такое же различіе, какое существуетъ между на-

рѣчіями Нижегородской и Костромской губерніи, чрезъ нѣсколько строкъ, какъ ни въ чемъ не бывало, нашелъ между ними такъ много разницы, что русскій языкъ для малоросса дѣлается чуть не китайскимъ, и что на русскомъ языкѣ потому, дескать, нельзя обучать дитя, что оно ничего не поймётъ изъ преподаваемаго. Чему тутъ вѣрить—сходству или различію языка съ нарѣчіемъ? Но допустить различіе, безъ котораго, въ самомъ дѣлѣ, немыслима нужда въ отдѣльномъ существованіи нарѣчія, преподаваніе его въ школѣ и проч., и на которое такъ сильно напираетъ г. «Учитель». Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Не больше (отнюдь не больше) того, что, при обученіи, непонятное слово русское надобно пояснить словомъ, заимствованнымъ изъ нарѣчія, если въ семъ послѣднемъ есть пригодный для того терминъ. Это *если* играетъ въ предъидущей фразѣ весьма важную роль, потому что малорусское просторѣчіе, какъ говоръ народа, стоящаго на низкой ступени умственнаго развитія, вовсе лишено словъ научныхъ, техническихъ терминовъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, касающіяся разныхъ знаній и проч. Всячески, изъ того, что дѣтямъ Малороссіи не понятны нѣкоторыя слова русскія не слѣдуетъ, что этихъ дѣтей нужно обучать на просторѣчьи ихъ околицы, а не на общерусскомъ языкѣ ихъ отечества; иначе въ заключеніи будетъ слишкомъ больше чѣмъ въ посылкахъ, а для учителя немножко стыдновато не умѣть построить правильнаго умозаключенія.

Но г. «Учитель» такъ снисходителенъ, что не изгоняетъ вовсе изъ употребленія въ школѣ языка русскаго, а только лишь желаетъ, чтобы первоначальное ученіе шло на мѣстномъ просторѣчьи; жаль только, что онъ не объясняетъ намъ эпохи, когда обученіе на провинціальномъ нарѣчіи должно кончиться и что такое будетъ въ этой педагогіи значить языкъ Россіи? Если онъ не будетъ языкомъ учебнымъ, то вѣроятно онъ будетъ преподаваться только, какъ *языкъ*—и даже, какъ языкъ иностранный.

Далѣе, если первоначальное обученіе должно идти на мѣстномъ нарѣчіи въ видахъ уясненія изучаемыхъ предметовъ и подготовленія къ изученію русскаго языка, то отчего эти предметы и непонятное въ русскомъ языкѣ сдѣлается понятнѣе отъ обученія на мѣстномъ просторѣчьи *сперва*, а *не послѣ*? Не лучше ли вмѣсто этой двойной работы распорядиться обученьемъ такъ, чтобы языкъ Россіи, языкъ русской исторіи, письменности, законодательства, администраціи былъ языкомъ учебнымъ въ русскихъ учебныхъ заве-

деніяхъ, а нарѣчіе являлось бы къ нему изрѣдка на подмогу, какъ толмачъ тѣхъ, весьма немногихъ, словъ и выраженій, которыя могутъ быть непонятны для дитяти. Польскій языкъ безконечно болѣе разнится отъ русскаго, чѣмъ малорусское нарѣчіе, однакожъ преподаются полякамъ въ школѣ предметы на русскомъ языкѣ. Намъ кажется, г. «Учитель», что объ этомъ предметѣ такъ долженъ разсуждать всякій, кого не сбиваетъ съ пути истины и здраваго смысла предвзятая мысль или упорство.

Но, къ чему намъ съ вами, украйнофилы, выходить на арену научныхъ прѣній, когда затѣя ваша, очевидно, только маскируется педагогико-философической драпировкой предъ простодушными зрителями! Растолкуйте намъ, господа, отчего это вы начинаете трактовать объ обособленіи языка и малорусской литературы тогда только, когда горизонтъ политическій затемняется недоразуменіями, далеко не филологическими? Отчего это *Ш.* и *К°* пригоняли свою «*горохобню* къ венгерско-польской революціи 1846—48 года; отчего это всяческія ваши затѣи и манифестаціи совпали съ затѣями и манифестаціями польскими 1862 года; отчего это и теперь вы принялись за старыя бредни на канунѣ европейской рѣзни, въ эпоху раздающагося еще доселѣ въ ушахъ и сердцахъ людей русскихъ выстрѣла? Отчего?....

Мы знаемъ, отчего, вы тоже знаете; между нами нѣтъ секретовъ. Назадъ тому около трехъ лѣтъ мы разбили васъ вездѣ, даже и тогда, когда вы прятались въ трущобы недомолвокъ и таинственностей. Мы объяснили значеніе вашей «Основы», когда вы бѣжали въ Галицію, мы указали характеръ вашей «Меты»; кудажъ вы убѣжите теперь, когда мы заговоримъ съ вами еще откровеннѣе?.......

IV.

—

„ПРЕДЪ МЯТЕЖОМЪ."

ДРАМА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городкѣ западной Россіи).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петръ Петровичъ Дубовакинъ—врачъ, лѣтъ 25, недавно пріѣхавшій на службу въ Западную Россію.

Кузьма—его лакей, лѣтъ 40, изъ малоруссовъ, холостякъ.

Полосатниковъ—военный врачъ, лѣтъ 30, сокашникъ Дубовакина.

Фроймъ—оборванный жидъ, лѣтъ 50, неимѣющій опредѣленнаго занятія.

Голда—дочь Фройма, 19 лѣтъ.

Двѣ жидовки.

Нѣсколько жидовъ.

Пани Джипшиньская—старуха, шляхтянка, овдовѣвшая лѣтъ 15 назадъ.

Антося—дочь ея, лѣтъ 22.

Зузулинъ—молодой учитель мѣстной Гимизіи, 27 лѣтъ.

Исправникъ—почтенный старикъ, лѣтъ 60-ти.

Стряпчій—лѣтъ 32.

Шлемкинъ—смотритель мѣстнаго еврейскаго училища, 35 лѣтъ.

Ксендзъ Игнацій—толстый господинъ, 40 лѣтъ, охотникъ до рюмочки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ большую комнату въ деревянномъ домѣ. Потолокъ укрѣпленъ на сволокахъ (*). Возлѣ правой боковой двери, въ углу, простый бѣлорусскій каминъ. На стѣнахъ висятъ старые почернѣлые портреты. Возлѣ одной стѣны стоитъ простой желтый диванъ и предъ нимъ такой же столъ на одной ногѣ. Въ одномъ углу комнаты—кровать, всторонѣ чемоданъ, возлѣ него табуретъ, на которомъ стоитъ самоваръ. Дубовакинъ сидитъ на диванѣ и читаетъ газету.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Дубовакинъ *(про себя)*.

И все не то я вижу, что говорили мнѣ.... Гдѣ же тутъ Русь?... гдѣ православіе?.... Тьфу, квасной патріотизмъ. *(Въ это время слышенъ за дощатою стѣною женскій голосокъ, напѣвающій по-польски)*. Ахъ, какъ обворожительно поетъ моя сосѣдка! Дай-ка, загляну въ щелку: такова ли она въ комнатѣ, какою я видѣлъ ее на улицѣ? *(глядитъ)*. Ухъ! духъ захватаетъ, какъ хороша, какъ граціозна! (*Отворачивается и подымаетъ палецъ къ верху)*. О, да это и въ любой столицѣ была бы не послѣднею красавицей! *(Розпѣжась)*. Право, всѣ врутъ.... *(съ увлеченіемъ)* всѣ врутъ: и Говорскій и Эремичъ, и Катковъ и Леонтьевъ, и Аксаковъ, и Аскоченкій и вся ихъ банда героевъ „мракобѣсія.“ Это *(горячится)*, наконецъ, даже низко.... Поляки милые наши сосѣди и только....

ЯВЛЕНІЕ 2.

(Входитъ Фроимъ, робко отворяя двери и низко кланяясь; за нимъ выглядываютъ еще нѣсколько жидовъ и жидовокъ).

Фроимъ.

Васе высокоблагородіе! Маю интересъ до васего высокоблагородія.

Дувовакинъ.

Входи, входи! Что нужно?

Фроимъ *(съ ужимками и поклонами)*.

Моя цурка дуже хора есть, пане добродзѣю!

(*) Они называются еще матицами.

Дубовакинъ.

Что такое?

Фройкъ.

Моя, знацить, доцка вельми больная, васе высокоблагородіе!

Дубовакинъ.

Ты понимаешь по-русски?

Фройкъ *(испугавшись, лукаво поправляетъ пейсы).*

Мы не умiемъ ни по-польски, ни по-русски.... Мы, знацить, говоримъ хлопскимъ ензикомъ, егомость. У насъ е учены зиды. Воны хоросе умѣютъ по-русску....

Дубовакинъ *(хитро).*

Во?... цурка?

Фройкъ *(перемѣнивъ тонъ, засыпалъ дробью).*

Ена, пане добродзѣю, барзо хора естъ.... Ена на горенцку и глову цiенжку и вшиско такъ злѣ, такъ злѣ.... Кеды паньска ласка—прошу зобацицъ. *(Входитъ Голда).*

ЯВЛЕНIЕ 3.

Дубовакинъ *(про себя).*

Гм.... недурна *(Къ ней).* Что у тебя? Дай руку, покажи языкъ.

Голда.

Вшиско болить, вшиско....

Дубовакинъ *(хитро).*

Что-съ?

Фройкъ *(во все это время находится въ раздумьи, касательно національности Дубовакина).*

Вона, вона зовсимъ нездорова и больная.....

Дубовакинъ.

Ничего,—пройдетъ. Это простуда. Пусть напьется малины. Пока и все.

Фройкъ.

Покорно благодарю, васе высокоблагородiе. *(съ ужимками).* Коли милость вася, то у мене есть хворый дядько. *(Въ это время влазитъ дядько; за нимъ еще двѣ женщины. Дубовакинъ видитъ ихъ. Они стоятъ, понуря голову и съ кислыми физiономiями).*

ЯВЛЕНІЕ 4.

Фроймъ

(Вынимаетъ изъ за-пазухи бумажку и подаетъ доктору).

Васе.... васе высокоблагородіе! Зобацьте, коли милость вася....

Дубовакинъ *(беретъ).*

Что это за рецептъ? *(читаетъ глазами).* Ну, да.... и это хорошо.... Зачѣмъ же ты пришелъ ко мнѣ? Вѣдь тебѣ рецептъ прописалъ?

Фроймъ *(со всѣвозможными ужимками).*

Гмъ.... гм.... Воно такъ, тоцно такъ, васе высокоблягородіе! *(Беретъ рецептъ).*

Дубовакинъ.

Э, да ты, видно, большой чудакъ.... Вѣрно всѣхъ медиковъ обѣгалъ съ этимъ рецептомъ?...

Фроймъ.

Ни, только до васего высокоблягородія.

Дубовакинъ *(оборачивается къ жидамъ).*

А это кто? Что вамъ нужно?

(Жиды низко кланяются).

Фроймъ.

Вона, баците, моя жона, а то друга доцка, Онѣ всѣ больніи и теперь мы уси присли до васъ.

Дубовакинъ.

Что у васъ?

Жиды *(въ одинъ голосъ).*

У мене зембы болящь, у мене они, у мене зембы....

Дубовакинъ *(переходя отъ одного къ другимъ).*

Ну, ты поставь здѣсь пьявки, а ты вотъ здѣсь — мушку. Ступайте! надоѣли...

Фроймъ.

А мозе милость вася — у мене есть хворый ойтецъ и хворый сосѣдъ...

Дубовакинъ.

Убирайтесь! Нѣтъ мнѣ времени.

Фроймъ.

Ви такій добрый, такій добрый, сто всѣ панѣнки кохаютъ пана.....

Дубовакинъ *(съ любопытствомъ)*.

Что — паненки?

Фроймъ.

Вси паненки хвалять васе высокоблягородіе.

Дубовакинъ.

Вотъ какъ?! Я думалъ, что въ полгода.... меня еще не узнали....

Фроймъ.

Ой, вей, якъ хвалятъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

(Входитъ Полосатниковъ, жиды пятятся назадъ и уходятъ).

Полосатниковъ.

Здравствуй, о юноше, здравствуй! Ба! да у тебя сколько этихъ ободранцевъ! Ха, ха, ха. Фроймъ со чады, домочадцами и сосѣдами своими! Ха, ха, ха! Вотъ куда прутъ! Представъ себѣ, они сейчасъ были у меня. По заведенному порядку стали унижаться; потомъ началось лѣченье изъ одной цуречки.... вдругъ!...

Дубовакинъ.

Ха, ха, ха! точь-вточь все это повторилось у меня съ прибавкою, развѣ, экзамена въ моей національности. Да чего они пришли ума не приложу. Вѣдь ты далъ имъ совѣтъ?

Полосатниковъ.

Какъ же. А когда они показали мнѣ рецептъ городского врача, то я ихъ просто спровадилъ. Что за удивительное племя! Э, да они уже уплелись, и хорошо. Побесѣдуемъ. Что это ты не показываешься никуда? Эй, смотри, чтобы тебя ляхи не сбили съ толку! Они на это мастера!

Дубовакинъ *(садится)*.

Гм... гм.... Они ищутъ возрожденія и освобожденія.

Полосатниковъ.

Полно, братъ, молоть-то вздоръ! Вотъ я тоже былъ такихъ высокогуманныхъ взглядовъ, какъ пожилъ въ Питерѣ. А теперь, слава Богу, туманъ прошелъ. Мужики, братъ, здѣсь главное, а не эти паны, здѣшніе баши-бузуки!.... Да и паны-то все

ренегаты. Прадѣды ихъ были православные, они же что? Они просто, съ позволенія сказать, дрянь.

ДУБОВАКИНЪ.

Какъ?! Передовое сословіе! Гдѣ же послѣ этого прогрессъ?!

ПОЛОСАТНИКОВЪ (*берется за животъ*).

Ха, ха, ха, ха, ха, ха! Охъ, уморилъ Петя! Ну, такъ и видно, чего ты начитался. Ха, ха, ха. Шутки въ сторону: ты выкинь эту дурь изъ головы. Она не приведетъ къ добру. Знаемъ мы хорошо эти бредни!

ДУБОВАКИНЪ (*обидясь*).

Это, батюшка, выстраданное убѣжденіе, а не дурь, не бредни. Не извольте такъ легко относиться!....

ПОЛОСАТНИКОВЪ (*вставая*).

Представляешь ты, о юноше, комедію съ хвостомъ и только. Ну, прощай.

ДУБОВАКИНЪ (*провожая*).

Прощай...

ПОЛОСАТНИКОВЪ.

Почему ты не бываешь у Зузулина? Онъ, хоть и математикъ, а добрая душа. Ты знаешь я не люблю ни математики, ни математиковъ, а его полюбилъ. Ну, прощай. (*Уходитъ*).

ДУБОВАКИНЪ.

Эхъ, вы патріоты! Давно ли самъ былъ за поляковъ?! А теперь—вишь!... Вамъ бы сотрудничать въ „Домашней Бесѣдѣ!“ Васъ ломитъ жизнь и ея пошлости.

ЯВЛЕНІЕ 6.

(*Входитъ Кузьма*).

КУЗЬМА.

Петръ Петровичъ! Чортова ляхва не даетъ покою: все бранитъ меня москалемъ, да еще какимъ то пшеклентымъ. Еще бы издѣвались только надъ нашимъ братомъ, чортъ васъ бери! А то и вѣру такъ бранятъ, что я слушалъ—слушалъ, да....

ДУБОВАКИНЪ (*недовольно*).

Что?

КУЗЬМА (*нерѣшительно*).

И... и... заѣхалъ по зубамъ. Ей Богу не въ терпѣжъ.... Петръ Петровичъ....

Дубовакинъ (*вспрыгнулъ со стула*).

Какъ! что? Сумашедшій! Что ты надѣлалъ? О, Боже, что за невѣжество! Нѣтъ, ты будешь за это наказанъ! Да, какъ ты смѣлъ!... Да я, знаешь, велю тебя выпороть.... Ахъ, ты чурбанъ неотесанный!

Кузьма (*примирительно*).

Да я только разъ, одинъ только разъ ударилъ кухарку.

Дубовакинъ.

Молчать! Ты хотѣлъ бы еще?! Ты меня осрамилъ предъ хозяевами! Вонъ!... нѣтъ, ступай, извинись предъ хозяйкою.... (*Кузьма уходитъ*). Нѣтъ, постой, постой... я самъ объяснюсь. (*Уходитъ. Кузьма про себя, покивавъ головою вслѣдъ барину*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Кузьма.

Чудачекъ, ваше благородіе! Кажись парень и ничего-себѣ, а за ляхву стоитъ! Каролина бранится на чемъ свѣтъ стоитъ, а я буду молчать! Какъ бы не такъ! Кузьма дуракъ—дуракъ, а онъ все знаетъ, что на умѣ у этой проклятой паненьки (*показываетъ на хозяйскую стѣну*). Еге, да! она хочетъ жениться съ бариномъ... Надѣнетъ чорное платье, будто по мертвому, близа въ землю, и будто пава идетъ мимо нашихъ окошекъ, держа книжечку въ рукѣ. Знай нашихъ! Сей ликирь и добрый человѣкъ, а хто его знаетъ....

ЯВЛЕНІЕ 8.

Дубовакинъ (*влетаетъ*).

Кузьма! Кузьма! (*про себя, въ раздумьи*). Нѣтъ.... иди просить прощенія.... Иди.... мнѣ совѣстно за тебя, за себя.... иди.

Кузьма (*недовольно*).

Иду. (*Уходитъ*).

Дубовакинъ (*волнуясь*).

Нѣтъ, не вынесу! Не могу вынесть этого (*разнѣжась*). Что за милое семейство! И чѣмъ они виноваты?... О, Боже! это жестоко! Гдѣ же гуманность, гдѣ нашъ прогрессъ? И мы считаемъ себя цивилизованными!.... Нѣтъ, мы просто басурманы этакіе!

(*Бьютъ часы*). Ахъ, звали къ больному.... Очень опасенъ.... Обѣщалъ на консиліумъ. (*надѣваетъ пальто*).... Да хороши мы! (*Уходитъ*).

(*Входитъ Кузьма*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Кузьма (*комично*).

Ну, раздобрилась пани хозяйка! Я, говоритъ, не имѣю на тебя никакой кши — пши.... пши.... Чортъ одинъ разбере, что вона сказала—пши... (*обращаясь къ публикѣ*). Ну, слово мое свято: ей же ей онѣ ловятъ моего барына. Паненка все предъ зеркаломъ поправляетъ свою морду и такъ и сякъ. (*Дѣлаетъ гримасы*). А что сегодня говорила матка дочкѣ?! Я, знаете, пошелъ просить прощенія, „*прости — дескать — моя мила за то, що ты же мене побила.*“ Пришелъ къ дверямъ и слышу: „ты, цурка, говоритъ, должна поймать дурнаго москалика! Хочь онъ и москаликъ, а на службѣ находится... И жалованіе беретъ и званіе, ну и прочое тому подобное.... Ну, ляхва, ляхва! Задалъ бы я вамъ перцу съ макомъ, а цыбули съ постарнакомъ! (*Съ омерзеніемъ*). Тьфу!... (*Зановѣсъ опускается*).

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена представляетъ комнату, подобную той, которая была въ первомъ дѣйствіи; но съ такими особенностями: противъ зрителей дворъ, а по сторонамъ ея въ углахъ простыми ширмами отгорожены постели. Занавѣски у оконъ двухъ цвѣтовъ: одна половинка черная, а другая—бѣлая. На стѣнахъ, въ разныхъ мѣстахъ, висятъ вѣночки изъ засушенныхъ травъ и цвѣтовъ. Пани Бжипшинская, вся въ траурѣ, сидитъ у окна и мотаетъ нитки. Антося, тоже вся въ глубокомъ траурѣ, сидитъ на стулѣ и смотритъ въ книгу.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Пани Бжипшинская (*вздыхая*).

Ой, лайдаки, лайдаки! пся кревъ.... (*Падаетъ клубокъ, она подымаетъ и ворчитъ*). Теразъ пшеклентe москали того наробили, цо нигдзе не споткаешь кавалка хлѣба.... Дьяблы....

Антося.

О, мамо, мамо! Трошечки почекай.... (*Хохочетъ*). Бендзе кавалекъ хлѣба.... Ха, ха, ха....

П. Бжипшинская.

Нехъ тылько поможе Панъ-Бугъ и Найсвѣнтша Матка! (*Падаетъ клубокъ, она подымаетъ*). Цо то таке? Вшистко пада,... чи не пшійдзе кто кольвѣкъ въ гостци?...

Антося.

А панъ докторъ?! А, дурень, дурень нашъ млодый сонсядъ!.. (*подумавъ*). Ежели мамо, хцѣшь.... (*топнувъ ногой*) вшиско бендзе по моему.... И панъ докторъ бендзе муй кавалеръ?...

П. Бжипшинская.

Запробуй, запробуй, цуречко!

Антося (*подбѣгаетъ къ зеркалу, оправляется и дѣлаетъ всевозможныя кокетливыя мины*).

Слово гонору дае, же бендзе такъ....

П. Бжипшинская.

Запробуй, запробуй! Нехъ Панъ-Бугъ помага! Москаль завше дьябелъ: ему вольно робиць вшистко.

Антося (*садится и дѣлаетъ разныя кокетливыя положенія*).

Ха, ха, ха! Мамуня! Такъ добже? а такъ?...

П. Бжипшинская (*нѣжно*).

Добже, добже, моя кохана! добже.

(*Антося подбѣгаетъ къ матери и цѣлуетъ ея руку. За сценой слышенъ голосъ Дубовакина: „Они дома? Это хорошо.“ Антося, какъ мышь кинулась на свое мѣсто и взяла книгу*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Входитъ Дубовакинъ.

Дубовакинъ.

Здравствуйте, здравствуйте, дорогія хозяюшки! Какъ поживаете?

(*П. Бжипшинская указываетъ на стулъ и продолжаетъ мотать*).

Проше.

Антося (*сухо*).

Дзень добрый! (*смотритъ въ книгу*).

Дубовакинъ (*подходя къ Антосѣ*).

Что это читаете Антонино.... Антонино....— право не знаю, какъ по-отчеству?

Антося (*глядя въ окно*).

Цо?... (*сухо*). У насъ нема тего....

Дубовакинъ.

Что читаете?

Антося.

А ницъ.... „Литевске Господине,“ т. е. Кухарку.

Дубовакинъ (*зажигаетъ папироску*).

Право, интересно знать, какъ приготовляются польскія кушанья. (*Папироска гаснетъ. Онъ снова зажигаетъ*).

Антося.

Кеды панъ научися читаць по-польску, то бендзе знать....

Дубовакинъ.

Пожалуста, пожалуста, научите! Польская литература, говорятъ, очень богата.... Ради Бога научите!

Антося (*ласково*).

Для чего-жь — можно!

Дубовакинъ.

Сдѣлайте одолженіе. Вотъ будемъ читать эту книгу. Пожалуста, научите! (*Нѣжно глядя въ глаза Антосѣ*). Можетъ быть, вы дорого цѣните ваши уроки? а?...

Антося (*томно*).

А ницъ, ницъ! проше сядаць! (*шутливо грозя пальцемъ.*) Проше трошечки цѣрпливосци....

(*Дубовакинъ садится рядомъ съ нею*).

Дубовакинъ.

Ну—съ. Начнемъ съ заглавія книги.

Антося (*немного отодвигаясь*).

Добже, добже.

(*П. Бжипшинская, домотавъ клубокъ, уходитъ изъ комнаты съ язвительною улыбкою*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Дубовакинъ (*пылая*).

Я близорукъ. Позвольте ближе смотрѣть въ книгу. Ну, вотъ такъ. (*Читаетъ*). Ли-тов-ская.... го.... право, не разберу.

Антося (*тоже всматриваясь въ книгу*).

Ха, ха, ха, Литевска Господиння уложеня....

Дубовакинъ (*прерывистымъ отъ волненія голосомъ*).

Какъ?... какъ?... покажите.

(*Антося встаетъ съ мѣста и приноситъ изъ другого угла букварь*).

Антося.

Лѣпѣй съ абецедла (*останавливается*). На цо пану польскій ензыкъ? Панъ... панъ не полякъ ...

Дубовакинъ.

Это не мѣшаетъ мнѣ уважать поляковъ за ихъ патріотизмъ. Они народъ.... да (*Задыхаясь*). Они.... ну, будемъ читать, будемъ учиться.... (*садятся рядомъ*).

Антося (*улыбаясь*).

Проше мувицъ — А.

Дубовакинъ.

А.

Антося.

В.

Дубовакинъ.

В.

Антося.

С.

Дубовакинъ.

Какъ вы сказали?

Антося (*приближаетъ лицо къ книгѣ*).

Прошу читацъ — С.

(*Дубовакинъ съ жаромъ цѣлуетъ ее въ щеку. Антося вспрыгиваетъ*).

Антося.

Цо?! цо таке! варьятъ! Галганъ!...

(*Въ эту минуту входитъ П. Бжипшинская, Антося уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Дубовакинъ (*неловко*).

Что это вы все сами по хозяйству, все сами....

П. Бжипшинская.

Тераз кепске часы настомпили.

Дувовакинъ (*раскланивается*).

Прощайте.... Пора къ больному.... Прощайте... (*Уходитъ*).

П. Бжипшинская (*сухо*).

До видзенія.

(*Вбѣгаетъ Антося и бьетъ въ ладоши*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Антося.

А цо, мамо, а цо, мамуня моя! Почекай, панъ, почекай!...

П. Бжипшинская.

Хи, хе, хе! Добже, добже! Тшеба исць до ксендза....

Антося (*торжествуя*).

Добже, мамо, добже.

(*П. Бжипшинская надѣваетъ бѣлый копоръ съ черною вуалью, салопъ съ плерезами, беретъ четки, бормочетъ что-то и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Антося (*ходитъ переваливаясь на стороны и прищелкиваетъ пальцами*).

Ну, москаликъ, бендзешь моимъ хлопомъ! Далибугъ бендзешь!... Для мне вшистко едно.... Монжъ москаль, абы тылько кохалъ.. и пенѣндзы... (*Входитъ Кузьма*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Кузьма.

Здравствуйте! Баринъ здѣсь?

Антося.

Нѣтъ, ушелъ.

Кузьма.

Давно ли? За ними прислали.

Антося.

Недавно.... А что, гдѣ твой панъ часто бываетъ? У паньства Тутуковськихъ бываетъ? А у Чешевичей? Вѣрно часто бываетъ у Загоржиньскихъ? Да, да? Тамъ есть вѣдь хорошія барышни?

Кузьма (*почесывая затылокъ*).

Все бы разсказалъ, да не скажу!...

Антося (*съ любопытствомъ*).

Для чего не скажшеъ Кузьма? Скажи, дружочекъ! Онъ вѣрно бываетъ часто у Загоржиньскихъ? Такъ? бываетъ?...

Кузьма (*рѣшительно*).

Не скажу. Недавно вы бранили меня за курыцу, а я не бралъ вашей курыцы. Пфе!... не видалъ я курыцы!

Антося.

Ну, ну!... Это ничего!... Хочешь выпить водочки?

Кузьма.

Благодарю покорно, коли ваша милость. Почемужъ?

Антося (*подноситъ*).

Ну, выпей на здоровье.

Кузьма.

По нашему обычаю, попробуйте сперва сами. (*Въ сторону*). Такъ я и повѣру вашему брату! Нѣтъ, шалишь!...

Антося.

Я не могу.

Кузьма.

Нужно губы помочить—иначе не приходится, сударыня.

Антося (*дотрогиваетъ до рюмки губами*).

Ну, вотъ.... Скажи теперь....

Кузьма (*пьетъ*).

Ну нѣтъ, у насъ будетъ позаборыстѣй. Видно — изъ картофли дѣлаютъ ее, а у насъ изъ хлѣба. Благодарю. Прощайте.

Антося.

А скажи же!

Кузьма.

Да что болтать вздоръ! А право, онъ молодецъ у меня?

Антося.

Да, скажи, Кузьма!

Кузьма (*уходитъ*).

Когда-нибудь да не теперь, а въ четвергъ.... (*про себя*). Наскочила коса на камень.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Антося (вслѣдъ).

Лайдакъ! москаль! (*сядится и мечтаетъ въ слухъ*). Пани докторова. Пфу!... Пани капитанова! Теды и панна Гонзя, и панна Зося, и панна Юзя — вшисци бендонъ мнѣ заздросцицъ!... Пани Дубовикова! пани докторова! Тылько тшеба взенцъ шлюбъ у попа!... (*съ омерзеніемъ*). Пфе.... Эхъ, жондъ!... у попа.... А тамъ.... вшистко попъ, да попъ..... (*рѣшительно*). Э.... ницъ, ницъ! Мои москалики бендонъ надзѣя Польски — ойчизны коханей. О, жебы вшистко такъ сѣ зробило! (*Падаетъ на колѣно*). О, Найсвѣнтша Матка и панъ Юзефъ и вшисци свенци! Проше вашей допомочи, жебы схизматика и пшеклентаго москаля взенцъ въ лапы! А потымъ, пане Езусе, вшистко бендзе, вшистко....

(*Входитъ Дубовакинъ и бросается къ Антосѣ. Она вспрыгиваетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Дубовакинъ.

О, ты моя черноокая! о ты, для которой я готовъ позабыть все! о ты, для которой я готовъ.... да, я готовъ на все.... на все....

Антося.

Что? что? уйдите, уйдите, господинъ докторъ!

Дубовакинъ.

Не могу, не могу! Я люблю тебя! я хочу быть твоимъ мужемъ! Антося! дѣлай со мною, что хочешь; но не прогоняй отъ себя.... Иначе я.... застрѣлюсь.... да я все сдѣлаю съ собою! (*Становится на колѣни и беретъ ее за руки*). Мнѣ все ровно, что ты бѣдная шляхтянка! Я люблю тебя пламенно, нѣжно!... Неужели ты отвергнешь мою любовь?!... Неужели ты прогонишь меня?!

Антося (*повѣся голову*).

Да.... да.... и я люблю тебя...... но....

Дубовакинъ.

Говори, говори, мой ангелъ, что это за но?

Антося.

Да я люблю тебя; но ежели ты будешь ласковъ со мною и.... и....

Дубовакинъ (*перебивая*).

Что ты говоришь?! Вся моя жизнь.... все мое существо будетъ у твоихъ ногъ, какъ и теперь оно предъ тобою....

Антося.

И.... и... чтобы ты всегда говорилъ со мною по-польски, а не на этомъ бараньемъ языкѣ, отъ котораго у меня болитъ языкъ.... Больше пока я ничего не желаю!...

Дубовакинъ (*вспрыгиваетъ и беретъ ее за талію*).

И такъ я твой, ты моя?! ты любишь меня.... О! какъ я счастливъ!

Антося.

Да, да,...

Дубовакинъ.

Пока я не устрою свои дѣла, пожалуста не говори никому.... А, да гдѣ же твоя матушка?

Антося (*подходитъ къ окну*).

Пошла на базаръ. Да вотъ уже идетъ.

Бѣгутъ къ дверямъ. П. Бжипшинская входитъ).

ЯВЛЕНІЕ 10.

П. Бжипшинская (*съ удивленіемъ*).

Цо то естъ? Вы тутъ, панъ докторъ?...

Дубовакинъ (*беретъ Антосю за руку*).

Здѣсь, здѣсь; но не безъ дѣла. Мы....

Антося (*перебивая*).

Проше, мамо, благословицъ насъ. Панъ докторъ муй нажечонный....

Дубовакинъ.

Да, благословите насъ. (*Въ сторону*). Что-то какъ будто рветъ меня за сердце. (*Къ п. Бжипшинской*). Да, благословите насъ, мамуня! (*Становятся на колѣни*).

П. Бжипшинская (*радостно*).

Чи то до правды?! (*раздѣваясь*). Нехъ панъ-Бугъ благослови! Тилько проше жицъ по нашему, по просту... И ойцецъ и дзядъ Антоси были людзе правдзиве....

Дубовакинъ (*перебивая*).

Буду! буду! благословите!

Антося (*всторону*).

Хвала Богу! Теразъ паннѣ Загоржиньской фигу!...

П. Бжипшинская (*складывая руки надъ ихъ головами*).

Нехъ панъ-Бугъ благослови! Найсвѣнтша Марія, Юзефъ и менченникъ Іозафатъ и пшисци свѣнци! Нехъ Панъ-Бугъ благослови. (*Плачетъ*) Пхи, пхи... пхи...

Антося и Дубовакинъ (*вмѣстѣ*).

Дзенькуе, мамо! Благодарю мамуня. (*встаютъ и цѣлуютъ руки п. Бжипшинской. Занавѣсъ опускается*).

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена представляетъ маленькую чистенькую комнатку учителя Зузулина. Драпри отдѣляютъ его постель. Возлѣ одной стѣны стоитъ столъ, заваленный книгами, бумагами и тетрадками; на другомъ столѣ газеты и журналы. Предъ диваномъ круглый столъ. На немъ самоваръ и весь чайный приборъ. Гости пьютъ чай.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Зузулинъ.

Да, господа! жутко нашему брату жить между ляхами; но мы должны помнить, что не всякому выпадаетъ такая завидная доля, какъ намъ. Можетъ быть наши съ вами собственныя имена не запишутся въ исторіи; но, вѣрте, — настанетъ то время, когда добросовѣстный историкъ этого края скажетъ: предъ мятежомъ честнымъ русскимъ людямъ было очень, очень и очень тяжело жить и служить въ Западной Россіи! Мы же, умирая, вздохнемъ свободно, безъ упрека совѣсти въ измѣнѣ своимъ роднымъ православно-русскимъ началамъ. Мы люди непрактическіе въ подломъ смыслѣ этого слова, мы „*непочциве души, непожондне людзе*", и вотъ почему намъ невыносимо тяжело. Мы, господа, здѣсь миссіонеры родныхъ намъ началъ!

Исправникъ.

Я съ тридцатыхъ годовъ здѣсь; но, признаюсь, этого еще не бывало.... Я имѣю домишко и, право, не увѣренъ, что мерзавцы не сожгутъ его.

Стряпчій (*протирая очки*).

Ужъ я какъ ни ухитряюсь, какъ ни лажу съ ними, все не

берегъ. Вчера, напр., были у насъ гости: Сидоръ Петровичъ, да Петръ Даниловичъ съ семействомъ. Сидимъ и разговариваемъ себѣ.... Вдругъ въ окно летитъ камень.... Я бросился на улицу, разумѣется и слѣдъ простылъ. Чуть-чуть кто-то не попотчивалъ Татьяну Степановну! Сегодня же мальчикъ отворяетъ ставни и видитъ надпись, зоветъ меня. Что же написали они? „*Берегись, бѣстія, рыло!*"

Исправникъ.

Вчера.... да, вчера, моя жена распорядилась и пошла въ городъ. Я, знаете, собрался за пять лѣтъ сшишь ей шелковое зеленое платье. Она пошла въ церковь, а потомъ зашла въ лавку купить мнѣ пачку Жукова. Народу было тамъ много. Какой-то мерзавецъ обрызгалъ ей все платье купоросныиъ спиртомъ! мерзавецъ!

Зузулинъ.

А вотъ я вамъ разскажу. Позавчера вхожу я въ четвертый классъ и вижу, что ученики пялятъ глаза въ потолокъ и ухмыляются. Чтобы за причина, думаю себѣ, анъ глядь: на потолкѣ виситъ привязанный за шею бумажный человѣчекъ. Знай, дескать, что и тебя ожидаетъ.... Я велѣлъ снять висѣльника. Вхожу на каѳедру и начинаю перекликать учениковъ.... Вдругъ подходитъ ко мнѣ одинъ изъ скромныхъ, повидимому, малыхъ и говоритъ: „г. учитель, позвольте мнѣ взять перо изъ вашего стола.„ Бери, отвѣчаю. Онъ отворяетъ ящикъ и на меня прыгаютъ мыши. Я не потерялся и говорю: „что это, господа? Эти шалости показываютъ вашу неблаговоспитанность. Вы будете за это наказаны." Съ этими словами я вышелъ изъ класса и, увидя съ удивленіемъ возлѣ класса сторожа, *Якуба*, спросилъ:—гдѣ г. инспекторъ?— Нѣтъ его, отвѣчалъ Якубъ."— Я вошелъ въ классъ и началъ урокъ. Вдругъ влетаетъ искуственно запыхавщійся инспекторъ Евичъ и обращается ко мнѣ: „что, что случилось?"— Я прехладнокровно передалъ ему суть дѣло. Евичъ искуственно завопилъ: „ахъ, вы мерзкія дѣти!" и потомъ, обратясь къ самому скромному ученику: „это вѣрно ты?"— Ученики сдерживаютъ улыбку, все сдерживаетъ ее и панъ Евичъ. Я васъ всѣхъ сегодня оставляю безъ обѣда,' кричитъ Евичъ. Что же вышло? — вся эта комедія, устроенная Евичемъ, надзирателемъ (тоже ляхомъ) и Якубомъ, кончилась ничѣмъ. По окончаніи уро-

ковъ ученики разошлись на обѣдъ, проходя по корридору [illegible] Евича!.... Однимъ словомъ скандалъ не удался, благодаря Бога! Да что и говорить — всего не перескажешь.... Вѣдь почти всѣ мои сослуживцы римско-католики; они за одно съ учениками: также носятъ чемарки, поясы съ пряжкою, изображающею *поедананье Литвы съ Польшею*, также носятъ разныхъ Костюшекъ на галстухахъ и бѣленькихъ орликовъ на рубашкахъ....

Исправникъ.

А вотъ нашего отца Тимоѳея уже другой разъ кто-то провожаетъ ночью съ плевками и свистками....

Зузулинъ.

А сколько разъ били намъ окна, рѣзали наше верхнее платье! Это второстепенныя вещи. Это пустяки, о которыхъ мы молчимъ. Вотъ уже цѣлую недѣлю не даютъ мнѣ спать — все хлопаютъ въ ставни.... Да что и говоритъ!.... Я чувствую, что такому положенію долго не продолжаться: или они, или мы, мы или они! Я продалъ все лишнее и наготовѣ. Нѣтъ силъ больше выносить такое удушье....

Стряпчій.

Моя жена, хоть римлянка, но безъ фанатизма. Она, бывало, прежде хаживала со мною и въ церковь; теперь же, говоритъ: боюсь, — ксендзъ обѣщалъ на исповѣди предать меня проклятью.

Зузулинъ.

Нужно намъ русскимъ соединяться и поддерживаться, т. е. предупреждать другъ друга. Иначе насъ заѣдятъ эти ляхи.

Исправникъ (*передразнивая Зузулина*).

Соединяться! Соединяться! Молодой вы человѣкъ. Развѣ не видите, что дѣлается у насъ предъ носомъ. Вотъ ужъ полгода, какъ пріѣхалъ Дубовакинъ, а съ кѣмъ онъ соединяется? Ходитъ къ ксендзамъ да сидитъ у хозяйки. Охъ, эта ксендзовская *охмистриня*! Чтобъ она не спутала его! Что-то похоже на это. Онъ въ церкви еще ни разу не былъ. Кажись, онъ ходитъ въ костелъ. О Тимоѳей спросилъ его объ этомъ; а Дубовакинъ отвѣчалъ: можно быть честнымъ человѣкомъ, не ходя въ церковь.

Зузулинъ и Стряпчій (*вмѣстѣ*).

Дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ 2.

(*Входитъ Полосатниковъ*).

Полосатниковъ.

Имѣю честь кланяться честному братству.

Всѣ.

Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, здравствуйте! Садитесь, садитесь! Чайку Ивану Ивановичу.

Зузулинъ (*наливая*).

Чайку нашему Ивану Ивановичу, чайку....

Полосатниковъ (*растегивая сюртукъ*).

Что новаго, господа?

Всѣ.

Что у васъ новенькаго?

Полосатниковъ.

Пришла почта и привезла страшнѣйшую новость.

Всѣ.

Пришла, говорите, почта? Что-жъ тамъ—скажите!

Полосатниковъ.

Плохое времячко. Въ Царствѣ Польскомъ перерѣзали много нашихъ спящихъ солдатъ.

Всѣ (*вспрыгнувъ*).

Какъ! что вы говорите? что вы!?!

Полосатниковъ.

Вотъ газеты.

Всѣ.

Давайте, давайте!

Полосатниковъ.

Да вотъ, вотъ.... (*читаетъ*). Ночью, во время сна, наши честные солдаты испустили свой духъ подъ ножами поляковъ....

Всѣ (*крестятся*).

Господи! что это!

Полосатниковъ.

Другая новость: край нашъ на военномъ положеніи.

Всѣ.

Слава Богу! Слава Богу!

Полосатниковъ

Сейчасъ я получилъ газеты; сейчасъ (*къ Исправнику*) пришла къ вамъ эстафета, и къ городничему.......

Исправникъ (*схвативъ шапку и убѣгая*).

Ко мнѣ?! Прощайте, господа! (*Уходитъ*).

Всѣ (*вслѣдъ*).

Да возвращайтесь поскорѣе!....

(*Глубокое мысленное молчаніе. Въ это время оркестръ глухо наигриваетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Зузулинъ (*ходя по комнатѣ*).

Ахъ, ты, Господи, Господи!....

Полосатниковъ *сидя за столомъ, куритъ*).

Да, скверно, скверно....

Стряпчій (*стоитъ, заложивъ руки назадъ и надувъ губы*).

У м-съ... да-съ!... некрасиво—канальство!

Полосатниковъ.

Господа! вѣдь я пришелъ, между прочимъ, просить вашей помощи. Что дѣлать съ Дубовакинымъ — вѣдь онъ просто пропадетъ. Ксендзы и ляховки опутаютъ его, непремѣнно опутаютъ.

Всѣ.

Ну Богъ съ нимъ! У него не достаетъ немножко вотъ тутъ (*Показываютъ на свои лбы*).

Полосатниковъ.

Не совсѣмъ то, господа! Не говорите. Я учился съ нимъ и знаю, что онъ не дуракъ.... Одна бѣда: нѣтъ у него — почвы!.... Онъ, словно вѣтка, вѣтромъ колеблемая; и это не отъ мягкости характера, а отъ... отъ... отъ... воспитанія.

Зузулинъ (*тяжело вздохнувъ*).

Охъ, наше воспитаніе! воспитаніе! Изъ семействъ чуть ли не всѣ выносимъ круглый нуль, касательно религіозныхъ и національныхъ началъ! Что же дастъ намъ школа?! Она даетъ иногда учениковъ, а чаще—фразеровъ. Иногда цѣлую жизнь они гоняются за идеалами, только не за идеаломъ православнаго русскаго человѣка..... Благопріятели же наши (всѣхъ національно-

стей), — воспитанные въ духѣ папской или лютеранской цивилизаціи не могутъ, какъ чертъ ладону, сносить той цивилизаціи, имя, которой *„православно-русская гражданственность!“* Эти благопріятели — развратили насъ, одурили своимъ обаяніемъ, и теперь постоянно ловятъ насъ на удочку высокопарныхъ словъ: *прогрессъ*, *цивилизація*, *гуманность*, *свобода*, *человѣчность* и пр., и пр.... Мы ѣздимъ за-границу, или шляемся по кофейнямъ въ поискахъ за идеалами общечеловѣчности вмѣсто того, чтобъ быть сперва *„правильно-русскимъ,“* а не прикрывать своей безцвѣтности въ религіозномъ и національномъ отношеніяхъ мантіей общечеловѣчности!... Эта мантія сшита изъ чужестраннаго недоброжелательства къ намъ — изъ космополитизма!.... Разорвать, растерзать нужно скорѣе эту мишурную мантію, иначе мы погибли.

Стряпчій (*поправляя очки*).

Ум... да, да... Это такъ. Но все же больше таво.... Неужели религія должна, т. е. можетъ играть такую роль?

Зузулинъ.

Понимаю васъ, Василій Васильевичъ! Вы, къ сожалѣнію, не первый и не послѣдній... (*обращаясь къ зрителямъ*). Въ странѣ матеріальной цивилизаціи, въ странѣ, гдѣ *папство* — это не христіанское, а человѣческое ученіе убиваетъ все нравственное въ человѣкѣ, противудѣйствіе этому папизму очень естественно. Лютеръ былъ реакція папизму; но какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ несовершенно и способно впадать въ крайность, то вотъ въ Европѣ эта реакція перешла чрезъ законную грань. Лютеране сперва возстали противъ злоупотребленій папства, а потомъ начали вырывать плевелы вмѣстѣ съ пшеницею... Вотъ причина, между прочимъ, явленія философіи XVIII вѣка! Глядите съ этой точки зрѣнія, вы не будете удивляться явленію во Франціи Вольтера и другихъ энциклопедистовъ! Что дѣлается теперь въ Италіи и вообще на западѣ!! Гдѣ тамъ Божественная религія?! Мы видимъ тамъ или польскій и испанскій фанатизмъ или, что почти тоже, полнѣйшій развратъ ума и сердца! Появленіе тамъ Бюхнеровъ, Ренановъ естественное явленіе отъ извѣстныхъ причинъ!... У насъ же что? Святое православіе не насилуетъ никого и не связываетъ совѣсти! Оно подаетъ намъ идеалъ богоугодности; оно указываетъ путь къ ду-

ховному совершенствованію; оно, какъ нѣжная мать, путемъ любви и мира, путемъ строгаго цѣломудрія ведетъ своихъ чадъ не только къ счастію въ этомъ мірѣ, но — и къ блаженству въ будущемъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

(*Входитъ Шлемкинъ*).

Стряпчій.

Да, вы говорите правду; однако....

Зузулинъ (*пожимая руку Шлемкину*).

Здравствуйте, Соломонъ Абрамовичъ! Садитесь (*къ Стряпчему*). Да, Василій Васильевичъ, эти мысли не нравятся нигилистамъ, которые, какъ червь, точатъ наше общество.

Стряпчій (*поправляя очки*).

Ум— дасъ!...

Полосатниковъ.

Да, Павелъ Митрофановичъ, я совершенно согласенъ съ вами.

Шлемкинъ (*оправляясь*).

Что за шумъ въ городѣ! говорятъ, на этихъ дняхъ вступитъ къ намъ полкъ и полковникъ Ручейкинъ будетъ военнымъ начальникомъ. Слава Богу! жидки наши очень рады. Право, забавный народъ мои единовѣрцы!... они и сами не знаютъ, чью сторону держать. Я увѣряю ихъ, что нечего бояться. Они, однако, хотятъ поднести хлѣбъ-соль полку.

Всѣ.

Далъ бы Богъ, чтобъ это было искренно....

Шлемкинъ.

Постойте, господа, — половина дѣла дѣлается: образованіе пускаетъ свои корни. Современемъ, дастъ Богъ, и германизмъ, и талмудизмъ, и кагализмъ изчезнутъ. Тогда мы, молодое поколѣніе примемся за массу. Это наше дѣло, т. е. дѣло образованныхъ евреевъ. Правительство сдѣлало для насъ все. Теперь нашъ чередъ. Старики перемрутъ, а теперешнія дѣтки будутъ не поляками, а русскими Моисеева закона.

Всѣ.

Далъ бы Богъ!

Шлемкинъ.

Да, господа! Кто изъ насъ — образованныхъ евреевъ — не шарлатанъ, а честный человѣкъ, для того трудное теперь время! Того среда гонитъ и называетъ *мѣщанцемъ*.... Но много ли насъ? я затрудняюсь сказать....

Полосатниковъ.

А, знаете, господа! я скоро ѣду въ полкъ. Требуютъ. Да и пора уже....

(*Вбѣгаетъ въ попыхахъ исправникъ*).

Исправникъ.

Слушайте, слушайте! Жандармы пріѣхали за Дубовакинымъ. Прощайте (*уходитъ*).

Вовъ.

Какъ? Приходите, приходите!

(*За сценой голосъ исправника; „зайду, зайду!“ занавѣсъ опускается*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена перваго дѣйствія. Кузьма сидитъ на стулѣ и ѣстъ изъ суповой чашки.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Кузьма.

Охъ, Господи Боже мой! И начто Петръ Петровичъ дружитъ съ этою поганою ляхвою! И жениться хочетъ на этой принчипесѣ (*показываетъ на хозяйскую стѣну*). Ну, вотъ и поѣхалъ на допросъ. Говорятъ, сегодня пріѣдетъ назадъ. Да сраму-то, сраму! Хоть и съ офицеромъ поѣхалъ, а все неладно. Жалко мнѣ панича, жалко (*махнувъ рукою*). Ну, пріѣдетъ, все разскажу ему, все чисто разскажу.... (*слышенъ почтовый колокольчикъ*). А кто бы тамъ? — Не Петръ ли Петровичъ? (*идетъ къ окну съ чашкою*). Такъ, такъ — онъ ѣдетъ. Скоро же сняли показанія (*поспѣшно ставитъ чашку въ каминъ — утирается и молится*). Ну вотъ — такъ. Теперь побѣгу. (*Растворяетъ двери и наталкивается на Дубовакина*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Дубовакинъ (*кинувъ на полъ шапку, про себя*).

Ну что? Много узнали! Только прокатился на казенный счетъ и промялъ бока.... Воображаю, какъ безпокоится Антося! Бѣдное дитя! (*громко*) Кузьма!.. Умываться скорѣй!... (*Кузьма уходитъ; входитъ Антося*)

ЯВЛЕНІЕ 3.

Антося.

Вондзь здрувъ!

Дубовакинъ (*обнимая ее и цѣлуя*).

Здравствуй, здравствуй, моя коханная Антося! Здравствуй!

Антося (*разсѣянно*).

А цо? Вшистко зкончоно?

Дубовакинъ.

Вшистко, слава Богу!

(*Входитъ ксендзъ Игнацій, Антося уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Кс. Игнацій.

Здравствуй, панъ докторъ!

Дубовакинъ.

Здравствуйте, отецъ святой (*цѣлуются*).

Кс. Игнацій.

Проше вудечки.... А цо нувего?

(*Дубовакинъ беретъ съ камина водку и ставитъ на столъ предъ диваномъ*).

Дубовакинъ.

А, ничего— себѣ! Чисть, какъ стеклушко! У тебя, говорятъ, собирается молодежъ.... Ну, собирается, говорю,— играемъ въ преферансъ. Такъ и отдѣлался.

Кс. Игнацій (*выпиваетъ рюмочку за рюмочкой и глубокомысленно говоритъ*).

Плохи времена!

Дубовакинъ (*рисуясь*).

Да я чѣмъ виноватъ?

Кс. Игнацій.

Тяжело теперь жить на свѣтѣ!

Дубовакинъ.

Я въ лѣсъ не ходилъ, я и чистъ!

Кс. Игнацій (*подпивъ и кивая головою*).

Упадокъ нравовъ, религіи! Что наши казанія! что? Не позволяютъ трогать общества...

Дубовакинъ (*ходя по комнатѣ*).

Посмотримъ, посмотримъ, что еще скажетъ Европа.....

Кс. Игнацій (*полусоннымъ голосомъ*).

Пшійдзе Наполеонъ, пшійдзе!

(*Входитъ Кузьма*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Кузьма.

Вамъ письмо принести.

Дубовакинъ.

Отъ кого бы это? (*читаетъ, дрожитъ и падаетъ на стулъ, взявшись за голову. Въ это время ксендзъ сидитъ на диванѣ, пьетъ рюмочку за рюмочкой*).

Кс. Игнацій.

Да, кепська справа! кепська справа! (*подходитъ къ Дубовакину*). Прощай коханый, панъ докторъ (*беретъ за руку Дубовакина и уходитъ пошатываясь*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Дубовакинъ (*не перемѣняя положенія*).

Прощайте..... О, Боже! о Боже! что это въ самомъ дѣлѣ! (*подымается и падаетъ въ изнеможеніи*).... Неужели они поступили такъ безчестно?!.., Неужели! Неужели они изрѣзали моего брата и еще жарили его мертвое тѣло? О, нѣтъ это выдумка (*вспрыгиваетъ*). О, нѣтъ!— это нахальство! Кузьма, мой Кузьма!

Кузьма (*озабоченно*).

Я здѣсь, здѣсь. Что случилось, Петръ Петровичъ? что?

(*Дубовакину дурно, Кузьма суетится и вспрыскивает ему водою лице*).

Дубовакинъ (*очнувшись*).

Вотъ!... не можетъ быть!... Да неужели невиннаго человѣка можно губить... Кузьма! Кузьма! (*берется за голову и рыдаетъ*)· Тебя мой Сережа, я больше не увижу! Тебя, мой Сережа, истерзали хищные волки...

Кузьма (*дрожитъ*).

Что, Петръ Петровичъ, что случилось!...

Дубовакинъ.

О Боже! о Боже! за что же они погубили эту невинную овцу! Кузьма! Сергѣя Петровича, моего брата Сережу, поляки изрѣзали въ куски и потомъ еще жарили его на угольяхъ.

Кузьма (*всплеснувъ руками, крестится*).

Господи! Господи! Помилуй насъ, Господи!...

Дубовакинъ.

Нѣтъ! я отомщу за тебя!... я (*хватается за сердце*). Что это? У меня вотъ— здѣсь что-то порвалось. Кузьма! позови барышню. (*Кузьма уходитъ, входитъ Антося*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Антося (*сухо*).

Чего хцѣшь?

Дубовакинъ (*бросается къ Антосѣ*).

Иди, иди, моя ненаглядная Антося! Моего брата поляки изрѣзали и потомъ жарили на угольяхъ!... О, прижми меня къ своей груди! (*Антося не хотя поддается*) Правда, ты не можешь сочувствовать этому гнусному поступку? Я говорилъ тебѣ, что онъ овца, просто овца! Чѣмъ же онъ виноватъ!... Подлецы, погубили его!

Антося (*освобождаясь изъ объятій*).

Може быць— того стоилъ....

Дубовакинъ (*вспыхнувъ*).

Что? что? Ахъ ты дѣвченка! Господи! Господи! Неужели я съумашедшій! Что дѣлается на-сердцѣ, не могу понять!

Антося (*утѣшительно*).

То ницъ, ницъ!... Кеды бендзе шлюбъ? Мама хцѣ отдаць мне за еднего поссесора....

Дубовакинъ.

Что, что? Змѣя! Вонъ, проклятая! Вонъ! Видно, вы всѣ таковы! чтобы твоя нога здѣсь не была! Видно тебѣ нужно не мое пламенное сердце, а мои деньги (*топаетъ ногами*). Вонъ! вонъ! (*Антося плюнула на Дубовакина, показала ему кукишъ и убѣжала*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Дубовакинъ (*ходитъ скорыми шагами*).

Да, видно всѣ они мерзавцы! Эту дѣвченку я полюбилъ, а вѣдь она постоянно холодна ко мнѣ. Только и вижу тогда вниманіе, когда нужны деньги на уборы и наряды (*Входитъ Кузьма и порывается что-то сказать, Дубовакинъ не замѣчаетъ его*). Да, да, эта карга съ дочкою сдѣлали изъ меня дойную корову! Денегъ, денегъ, денегъ— вотъ чего имъ нужно! (*бьетъ себя по лбу*) О, Боже! А я чуть не сдѣлался мужемъ этой змѣи!

Кузьма.

Дѣйствительно такъ, Петръ Петровичъ! Онѣ тѣже гадюки....

Дубовакинъ.

Ты здѣсь? что?

Кузьма.

Я говорю, стало быть, что хозяева дурятъ васъ.... Я все знаю. Онѣ говорятъ, что намъ абы гроши москевскіи, а тамъ— будетъ вѣнецъ, не будетъ— все единственно...

Дубовакинъ.

Неужели! Неужели! мой добрый Кузьма! (*обнимаются и плачутъ*). Говори, говори, что знаешь.

Кузьма (*утирая кулаками глаза*).

Воны все смѣются зъ васъ и дурнемъ называютъ.

Дубовакинъ (*горячится*).

Сейчасъ, сейчасъ убирай вещи. Перейдемъ на постоялый дворъ.... Найму номеръ.

Кузьма (*начинаетъ вытаскивать изъ подъ-кровати старые сапоги и ходитъ*).

Ну, слава тебя, Господи!

ЯВЛЕНІЕ 9.

(*Входитъ исправникъ и Зузуминъ*).

Исправникъ.

Хоть можетъ быть и непріятные гости, а ужъ извините.

Зузулинъ.

Простите, Петръ Петровичъ; но по долгу совѣсти зашли....

Дубовакинъ (*пожимая руки*).

Чувствую, понимаю, зачѣмъ вы пожаловали, господа! Садитесь, дорогіе гости! я совершенно разбитъ! Учите, учите меня истинѣ.

Исправникъ.

Куда уже мнѣ отсталому консерватору! Вы же меня обзываете вездѣ обскурантомъ... Вотъ пусть Павелъ Митрофановичъ — онъ молодой, а я что?

ЯВЛЕНІЕ 10.

(*Входятъ Полосатниковъ, Стряпчій и Шлемкинъ*).

Дубовакинъ (*пожимая всѣмъ руки*).

Чѣмъ я обязалъ такому вниманію?!...

Всѣ.

Мы пришли праздновать возвращеніе заблудшей овечки.... (*Входитъ Кузьма и складываетъ постель*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Исправникъ.

Петръ Петровичъ! Всѣ мы гуляли и слышали проходя мимо, что здѣсь у васъ происходило....

Дубовакинъ (*плачетъ и обнимается со всѣми*).

Охъ, Господи! Мнѣ легче, мнѣ легче!

Исправникъ.

Ну, господа! и ты братъ, Кузьма! Споемъ же гимнъ въ честь нашего Царя и торжества роднаго начала.

(*Всѣ становятся на колѣни и поютъ „Боже, Царя храни!" Оркестъ вторитъ. По окончаніи гимна занавѣсъ опускается*).

Григорій Кулжинскій.

Конецъ.

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ.

ПОЛЬСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Переводъ съ англійскаго сочиненія „Poland aud the Poles. The Polish Ladies.

by

Stuart Wilkinson. London".

I.

Все что случилось въ Аѳинахъ и Спартѣ, отъ начала ихъ исторіи до паденія Греціи, все это отлично извѣстно намъ здѣсь— въ Англіи. Съ ранней юности заучиваемъ мы наизустъ лѣтописи Рима и имена римскихъ императоровъ, изъ которыхъ многіе процарствовали только нѣсколько мѣсяцевъ; полстолѣтія занимаемся мы учеными изысканіями о сотняхъ индѣйскихъ расъ, большая часть которыхъ весьма слабо цивилизована, изучаемъ ихъ языкъ, обычаи и памятники, если таковые есть, пренебрегаемъ же точными свѣдѣніями о странахъ ближайшихъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе прямое вліяніе на нашу собственную политическую жизнь.

Въ молодости, въ училищѣ, я узналъ, что Польша обширная, лѣсистая страна, перерѣзываемая Вислой, и населенная великодушнымъ и храбрымъ народомъ. Намъ разсказывали о вѣжливости поляковъ къ женщинамъ, — о томъ, какъ на брачномъ пиру снимали башмакъ съ ноги молодой, наливали въ него вино и пили изъ него за здоровье юной четы. Подъ вліяніемъ такихъ предзанятыхъ иллюзій, я, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, отправился въ Польшу, куда дѣла призвали меня въ первый разъ въ 1857 г. Дѣло было осенью, страна была спокойна и довольна. Вскорѣ, послѣ моего прибытія въ Варшаву, пріѣхалъ туда Императоръ Александръ, сопровождаемый многочисленной и блестящей свитой. Балы и пиры послѣдовали одинъ за другимъ, полная гармонія царствовала между поляками и русскими. Императоръ былъ въ восхищеніи отъ Варшавы, производилъ въ каммергеры, назначалъ въ свою свиту польскихъ дворянъ. И прекрасныя и граціозныя польскія дамы не были забыты: многія изъ нихъ получили орденъ св. Екатерины; другія, моложе, фрейлинскій шифръ, украшенный брилльянтами. Приглашенный на одинъ изъ этихъ баловъ, я пораженъ былъ сердечной гармоніей между польками и русскими офицерами, кото-

рые были въ восхищеніи отъ прелестныхъ варшавянокъ и изъ всѣхъ силъ старались имъ понравиться. Принятый во многихъ польскихъ домахъ, я могъ изучать характеръ польскихъ дамъ. Онѣ во многомъ отличаются отъ нашихъ женщинъ. У насъ жена есть хозяйка дома, честь своего дома она поддерживаетъ съ величавымъ достоинствомъ. Домъ ея, это нѣчто въ родѣ крѣпости, въ которую попасть можно не безъ труда. Можно видать весьма часто англійскую лэди у своихъ друзей или близкихъ родственниковъ и не имѣть чести быть приглашеннымъ въ число знакомыхъ ея дома. У насъ существуетъ много формальностей, пугающихъ иностранцевъ и заставляющихъ считать насъ безсердой расой. Чтобы быть хорошо принятымъ въ Англіи, нужно быть рекомендованнымъ, представленнымъ,—словомъ, каждый пріѣзжающій иностранецъ долженъ пріобрѣсти себѣ что-то въ родѣ крестнаго отца.

Я не намѣренъ говорить ни за, ни противъ нашихъ обычаевъ, такъ сильно вкоренившихся въ наши нравы, я хочу только сказать, что въ Польшѣ дѣлается наоборотъ. Доступъ въ знатный домъ и высшее общество — легокъ; васъ предупреждаетъ убѣдительное приглашеніе, но вы должны также сообразоваться съ обыкновеніями. Полька царствуетъ въ своемъ домѣ, какъ королева, она требуетъ, чтобы съ ней обращались, какъ съ монархиней, и каждый принужденъ выполнять это требованіе. Если хозяйка уже не молода, у ней есть дочери и родственницы, которыя, въ свою очередь, требуютъ должнаго вниманія отъ мущинъ. Полька граціозна и кокетлива, одѣвается она фантастически, совершенно противоположно простому и скромному туалету англичанокъ. У нашихъ женщинъ одежда носитъ характеръ простой опрятности. Бѣлье, чулки, словомъ всѣ принадлежности, невидимыя глазомъ, совершенно соотвѣтствуютъ внѣшнему изяществу; у польскихъ же дамъ я видалъ, даже часто, при новомъ красивомъ платьѣ грязные чулки, а иногда, при быстромъ поворотѣ въ танцахъ красавицы, грязную и изорванную юбку.

Если англичанка къ вамъ благосклонна, значитъ она чувствуетъ къ вамъ истинное уваженіе, и постоянно сохраняетъ это чувство. Полька очаровываетъ в съ своимъ кокетствомъ, вы ее слушаете въ увѣренности, что сердце вамъ симпатизируетъ. Но если вы ей надоѣли, если она получила отъ васъ все, чего добивалась, она бросаетъ васъ безъ сожалѣнія. У полекъ все страсть и капризъ.

Дайте этой страсти должное направленіе, и женщина будетъ дѣлать добро. Въ 1857 г. я познакомился съ молодой графиней С. Вы знаете, что въ Польшѣ всякій, имѣющій средства сшить фракъ, покрываетъ себя титуломъ графа. Эта очаровательная женщина, которую изъ вѣжливости называли графиней, прочитала англійскій или нѣмецкій памфлетъ о судьбѣ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, не имѣя возможности жить честно, отдаются пороку и униженью. Г-жа С., съ помощью кое-какихъ друзей, начала дѣйствовать въ видахъ исправленія этихъ несчастныхъ; она лично отыскивала погибшихъ твореній, бродившихъ по улицамъ вечеромъ, помѣщала ихъ на нѣсколько дней въ собственномъ домѣ, а потомъ отсылала въ деревню гдѣ основала убѣжище, посвященное св. Маріи Магдалинѣ, и гдѣ пятьдесятъ этихъ несчастныхъ женщинъ нашли пріютъ и работу. Г-жа С. только и думала о своихъ protégées; какъ истая полька, она пустила въ ходъ все свое кокетство, чтобы выманить у друзей своего мужа денегъ, столь нужныхъ ей для своего благотворительнаго дѣла. Многія изъ принятыхъ Г-жей С. были выданы за мужъ и снабжены приданымъ. Лѣтомъ она проводила по нѣскольку мѣсяцевъ въ деревнѣ и ежедневно посѣщала свое убѣжище. Тамъ лично ухаживала она за больными и, въ 1859—60 г., получила тифозную горячку, отъ которой и умерла. Убѣжище послѣ ея смерти было заброшено. Не думаете ли вы, что истинно христіанское милосердіе графини С. возбудило удивленіе въ Варшавѣ? Ничуть! надъ ней даже смѣялись и дали ей прозвище Магдалины—командира.

Обыкновенно слѣпая и безпорядочная горячность польскихъ красавицъ производитъ много несчастныхъ катастрофъ; ревнивцы существуютъ еще въ Польшѣ, но дуэли въ настоящее время не такъ часты, какъ прежде, благодаря строгости насчетъ ихъ законодательства русскаго. Но въ прошедшее время можно было считать сотнями ежегодныхъ жертвъ интригъ польскихъ дамъ. Каждый мущина вооруженъ былъ палашомъ, которымъ владѣлъ съ изумительною ловкостью. Звукъ сабель во время, или послѣ бала, былъ явленіемъ ничуть не рѣдкимъ, и торжествомъ красавицы было, что дуэль произошла изъ за ней, и что многіе изъ пламенныхъ поклонниковъ испустили въ ея честь послѣдній вздохъ. На балѣ графа З. мнѣ показали даму, имѣвшую болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду, которая въ молодости была причиной сотни дуэлей и смерти сем-

надцати кавалеровъ. Эта матрона, привезшая на балъ трехъ очаровательныхъ правнучекъ, была ещё хороша и величественна.

Безспорно, между польскими дамами есть много почтенныхъ особъ, даже изъ самыхъ кокетливыхъ, но, говоря вообще, нравственность — отнюдь не преобладающая черта въ польскихъ нравахъ.

Земли въ Польшѣ принадлежатъ отъ 5 до 6 тысячамъ семействъ, большей частью знатнѣйшихъ фамилій. Прежде, а отчасти и теперь, каждое изъ этихъ семействъ имѣетъ въ своей резиденціи прекрасный замокъ, гдѣ владѣтельница замка держитъ свой дворъ. Каждый богатый владѣтель имѣетъ больше или меньше многочисленныхъ кліентовъ, состоящихъ изъ шляхтичей — мелкихъ дворянъ. Шляхта состоитъ изъ потомковъ прежнихъ крестьянъ, которымъ ихъ помѣщики дали свободу съ тѣмъ, чтобы образовать изъ нихъ свиту для пышнаго появленія на сеймѣ. Такъ какъ въ Польшѣ не было средняго сословія, то освобожденные рабы стали дворянами и вассалами своихъ баръ. На ихъ жизненныя надобности имъ даны были господами клочки дрянной земли, вслѣдствіе чего, шляхтичъ, чтобы не умереть съ голоду, долженъ былъ поставить себя въ зависимость отъ магната. Во многихъ польскихъ знатныхъ домахъ, шляхтичи живутъ, какъ дворецкіе, мэтръ-д'отели, лакеи и т. д., а дѣвушки изъ этого мелкаго дворянства прислуживаютъ дамамъ и ихъ дочерямъ. Въ Польшѣ живутъ весело, особенно въ деревнѣ. Обѣдаютъ роскошно, послѣ обѣда идутъ веселые танцы, полонезъ или мазурка. Молодыя дѣвушки изъ шляхты танцуютъ съ молодыми людьми, и при этомъ случаѣ часто заводятся сношенія, которыя не всегда оканчиваются брачнымъ благословеньемъ. Замужнія дамы настроены не менѣе игриво и, справедливо сознавая свою собственную вѣтренность, онѣ снисходительны къ мужьямъ, заведшимъ шашни съ шляхтянками, которыя обыкновенно очень хороши собой. Эти любовныя отношенія ведутся безъ всякой тайны, а только лишь съ нѣкоторыми предосторожностями.

Мнѣ разсказывали, какъ о примѣрномъ благоразуміи, о генеральшѣ Ч., выбиравшей заботливо и съ совѣтомъ медика дѣвушекъ изъ своихъ подчиненныхъ, которыя должны были забавлять ея сыновей и удерживать ихъ отъ заведенія въ Варшавѣ менѣе благоразумныхъ сношеній. Если одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не доволенъ былъ своей метрессой, онъ отсылалъ ее обратно къ ге-

моральнымъ, и та озабочивалась замѣщать ее другою. „Молодыя вдовы“ награждались хорошимъ приданымъ и выдавались за мужъ за шляхтичей, служившихъ при домѣ.

Но не всегда связи эти оканчивались такъ прозаически. Подобная же интимность была причиной самаго ужаснаго эпизода польской исторіи. Это было около эпохи ея паденія въ 1770 г., когда Польша, совершенно деморализованная, потеряла всю нравственную силу политической системы. Воевода, графъ Потоцкій, владѣтель города Умани, въ Кіевской губерніи, имѣлъ у себя на службѣ польскаго козака, по имени Гонту, который былъ отчаянно влюбленъ въ молодую дѣвушку, вырощенную въ домѣ графа. Онъ просилъ ея руки, но графъ былъ влюбленъ въ паненку самъ, и когда Гонта сталъ настаивать, Потоцкій приказалъ самымъ звѣрскимъ образомъ выстегать его кнутомъ, привязавъ къ дереву, и потомъ прогналъ его отъ себя. Гонта поклялся отмстить графу и отправился къ гайдамакамъ, — что то въ родѣ шайки разбойниковъ, состоявшей изъ поляковъ, козаковъ и татаръ; онъ уговорилъ ихъ напасть на земли графа и истребить всѣхъ его приверженцевъ, въ особенности жидовъ, вѣрныхъ орудій всего польскаго дворянства. Гайдамаки нападаютъ яростно на владѣнія Потоцкаго, умерщвляютъ и грабятъ его вассаловъ. Больше одиннадцати тысячъ бѣглецовъ искало спасенья въ Умани, которую гайдамаки тотчасъ же обложили. Прусскій офицеръ, который былъ тогда въ Умани для покупки лошадей, которому Гонта позволилъ выѣхать, совѣтовалъ жителямъ и бѣглецамъ защищаться до послѣдней крайности, пока не подоспѣетъ помощь. Въ городѣ было около пятидесяти солдатъ и до тысячи человѣкъ, которые могли наскоро вооружиться,—сила почти достаточная для противодѣйствія полу-разбойникамъ, дурно державшимъ строй и дурно дисциплинированнымъ; но, по несчастію, командиръ позволилъ Гонтѣ уговорить себя отпереть ему ворота, повѣрилъ его обѣщанію, что гайдамаки только пройдутъ черезъ городъ, чтобы запастись хлѣбомъ и водкой. Лишь только шайка вошла въ городъ, командиръ отведенъ былъ на площадь, гдѣ гайдамаки сняли съ него кожу, въ присутствіи его семейства. Потомъ стали мучить дѣтей, выкалывая имъ глаза и отсѣкая члены. Несчастная мать, шесть мѣсяцевъ уже беременная, и привязанная къ дереву нагая, должна была смотрѣть на мученія мужа и дѣтей и наконецъ и сама была умерщвлена. Послѣ этого Гонта отправился въ городскую

ратушу и оттуда послалъ приказаніе убить всѣхъ бѣглецовъ въ Умани, вмѣстѣ съ жителями, запретивъ только трогать дѣтей моложе пяти лѣтъ, которыя отведены были на площадь. Около шестнадцати тысячъ человѣкъ было убито гайдамаками. Поляки, по случаю внутреннихъ усобицъ, не имѣли войскъ для сопротивленія гайдамакамъ. Русскій фельдмаршалъ Румянцевъ отрядилъ подполковника съ тысячью солдатъ для удержанія гайдамаковъ. Офицеръ этотъ началъ переговоры съ Гонтой, льстилъ его гордости и удерживалъ его, пока поляки могли собрать нѣсколько нѣмецкихъ драгунъ и нѣсколько ротъ пѣхоты. Когда шайка была окружена со всѣхъ сторонъ, русскій офицеръ хитростью убѣдилъ Гонту положить оружіе. Начальникъ гайдамаковъ былъ взятъ и съ нимъ всѣ его приверженцы. Вмѣсто того, чтобы судить этихъ людей законнымъ образомъ, ихъ передали въ оковахъ шляхтѣ и жидамъ. Тутъ-то выказался характеръ польскихъ женщинъ во всемъ его безобразіи. Всѣ эти несчастные, больше восьми тысячъ, были казнены съ самой утонченной жестокостью. Насъ упрекали за жестокость надъ индійцами, убійцами англійскихъ женщинъ и дѣтей, за то, что мы обращали въ прахъ, изъ жерла пушки, достойныхъ соучастниковъ Нана Саиба; но эта казнь, длившаяся только одинъ моментъ, была благодѣяніемъ въ сравненіи съ муками, изобрѣтенными польскими дамами для гайдамаковъ. Ни одинъ изъ этихъ разбойниковъ не былъ казненъ на мѣстѣ; большая часть жила три или четыре дня, мучимая съ невообразимой изобрѣтательностію. Во время обѣда, польскія дамы обсуживали родъ мученій для плѣнниковъ, стоицизмъ которыхъ, достойный американскихъ краснокожихъ, еще больше возбуждалъ бѣшенство ихъ прекрасныхъ непріятельницъ. Во многихъ мѣстахъ польки употребляли гайдамаковъ вмѣсто мишени для стрѣльбы изъ пистолета. Праздники давались, друзья и сосѣди приглашались присутствовать при autos-da-fé бандитовъ — плѣнниковъ. Въ иныхъ мѣстахъ они играли роль подсвѣчниковъ. На ихъ груди просверливались раны и въ нихъ втыкались зажженныя свѣчи, которыя и сгорѣли въ тѣлѣ этихъ несчастныхъ. Графъ Потоцкій далъ одной изъ своихъ домашнихъ дѣвушекъ, отецъ и мать которой были зарѣзаны въ Умани, двухъ плѣнниковъ, чтобы она могла насытить ими свое мщенье. Она привязала ихъ къ столбамъ и заставила пожирать свое собственное мясо. Каждый день она отрѣзывала отъ разбойниковъ по какому нибудь члену, старательно перевязавъ раны,

изъ отрѣзанныхъ членовъ, искусно приготовляла кушанье и потомъ предлагала его жертвѣ, какъ единственную пищу. Вотъ, къ какой отвратительной жестокости можетъ привести пылкость польской кокетки. Въ Англіи не слыханы дѣла, до какихъ здѣсь приводитъ этотъ вертлявый и смѣшливый женскій бѣсъ! Не забудемъ, что почти повсюду при этихъ убійствахъ присутствовали р.-католическіе ксендзы нисколько не старавшіеся вліяніемъ своимъ предупредить ихъ. Если гайдамаки совершили злодѣйства, мы не должны забывать, что эти люди были отребьемъ всѣхъ націй, людьми, рѣшительно незнавшими ни вѣры, ни религіи. Если же прекрасныя, молоденькія польки, по большей части получившія старательное воспитаніе, могли превзойти въ жестокости разбойниковъ, это вполнѣ доказываетъ страшную безчувственность, безсердечность. Интересующійся читатель можетъ найти много подробностей объ этомъ постыдномъ эпизодѣ польской исторіи въ тогдашнихъ журналахъ и описаніяхъ *).

Польская женщина всегда любила вмѣшиваться въ политику. Паденіе республики совершилось отъ двухъ причинъ: іезуитовъ и вліянія женщинъ. Въ то время, какъ не только въ Англіи, но и во всѣхъ другихъ государствахъ, крестьянинъ, рабъ вначалѣ, освобождаясь мало по малу, съ теченіемъ времени образовалъ среднее сословіе, которое послѣ неоднократно возобновляемой борьбы, пріобрѣло себѣ привилегіи; въ то время, какъ этотъ рабъ сталъ, можно сказать представителемъ національнаго богатства и цивилизаціи, ходъ дѣлъ въ Польшѣ представляется совершенно противоположнымъ. Здѣсь поселянинъ, свободный вначалѣ, постепенно дѣлался рабомъ, тогда какъ прежде онъ выбиралъ себѣ начальниковъ. Пастъ I, польскій король, былъ нечто иное, какъ крестьянинъ, котораго товарищи поставили во главѣ. Но съ теченіемъ времени власти эти присвоивали себѣ право за правомъ, привилегію за привиллегіей. Прежде равные имъ, сдѣланы сначала ихъ вассалами, потомъ обложены податьми, сперва не значительными, потомъ очень большими, сдѣланы plebae adscripti, и на-

*) Авторъ не имѣетъ яснаго понятія о гайдамакахъ: по дикимъ пріемамъ рѣзни, они точно походили на разбойниковъ, но по иниціативамъ ихъ ожесточенія, по цѣли ихъ возстанія, это были защитники русской вѣры и народности, выведенные изъ терпѣнія тѣми варварствами, которыми ксендзы и ляхи хотѣли подавить и ту и другую въ областяхъ русскихъ. Ред.

внесцъ рабами. Съ ними обращались жестоко и презрительно. Сћюр содержался, какъ американскій негръ. Онъ былъ не человѣкомъ, а вещью. Дворянинъ, убившій сћюра штрафовался талеремъ. Сћюр не имѣлъ собственности. Если паны нуждались въ деньгахъ, чтобъ выказать необузданную пышность въ Варшавѣ или Краковѣ, они приказывали управляющему продать скотъ, принадлежавшій сћюром. Но это ничто въ сравненіи съ другими спекуляціями польскихъ паней. Многія изъ нихъ забирали самыхъ хорошенькихъ крестьянокъ, держали ихъ въ домѣ у себя, давали имъ нѣкоторый родъ образованія — и все это для того, чтобы впослѣдствіи продать ихъ старымъ развратникамъ. Эта спекуляція оказывалась выгодной. А матеры безъ всякаго стѣсненія обращались къ панямъ, и о цѣнѣ жертвъ спорили точно также, какъ при продажѣ негровъ. Горе несчастнымъ дѣвушкамъ, которыя не захотѣли бы подчиниться постыдному торгу, — самая жизнь ихъ зависѣла отъ послушанія. Генеральша К. скопила значительныя суммы отъ продажи молоденькихъ крестьянокъ. И это она называла умнымъ извлечь выгоды изъ своей *скотинки*. Однажды, въ январѣ мѣсяцѣ, въ началѣ царствованья императора Николая I, одинъ изъ моихъ друзей, живописецъ Р.—, самый рѣшительный изъ польскихъ патріотовъ, имѣлъ какое-то дѣло въ большомъ домѣ на Трубной улицѣ, гдѣ г-жа К. занимала bel-étage. Спускаясь по черной лѣстницѣ, Р—. слышитъ рыданья въ чуланѣ гдѣ-то подлѣ. Онъ попробовалъ отворить его, но одинъ изъ слугъ старался ему помѣшать, говоря: „негодная дѣвченка заперта здѣсь за ослушаніе своей госпожѣ". Услыхавъ этотъ разговоръ, бѣдная плѣнница начала умолять о помощи великодушное существо, заступавшееся за нее, и Р—, обладавшій необыкновенной силой, вламывается въ чуланъ и находитъ прелестную дѣвушку 15 лѣтъ, одѣтую въ одну рубашку, и со связанными за спиной руками. Она падаетъ къ ногамъ своего избавителя, умоляетъ взять ее подъ свое покровительство, и говоритъ, что не можетъ слѣдовать за противнымъ старикомъ, которому хотятъ ее продать. Р— отправляется къ самой г-жѣ К. и вѣжливо упрекаетъ ее за жестокость съ молоденькой дѣвушкой. Его приняли дружески и предложили самому взять эту жертву, заплативъ извѣстную сумму, такъ какъ онъ выразилъ такое къ ней участіе. Получивъ отказъ, г-жа К. приняла строгій видъ и объявила, что никому не позволяетъ вмѣшиваться въ свои дѣла. Предвидя, что несчастная под-

вергнется еще сильнѣйшему истязанію, Р— отправился къ полиційнейстеру, который, при немъ, приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ отправиться къ г-жѣ К. и узнать о судьбѣ дѣвушки. На слѣдующее утро полиційнейстеръ сказалъ Р—, что непокорный субъектъ отосланъ въ деревню. Недѣлю спустя, Р— опять былъ въ домѣ на Трубной улицѣ. Когда онъ выходилъ, къ нему подошелъ тихонько мальчикъ изъ слугъ г-жи К. и прошепталъ, что Ванда— имя дѣвушки — не была отослана, и что онъ слышалъ вздохи и стоны въ спальнѣ старой К. Р— опять пошелъ къ полиційнейстеру и настоялъ, чтобы сдѣлать немедленно розыскъ. Тотъ пошелъ лично, въ сопровожденіи полицейскаго офицера и Р—. Г-жи К. не было дома. Слуги отворили имъ всѣ комнаты, кромѣ одной,—спальни ихъ госпожи, которая была заперта и ключь унесенъ. Послали за слесаремъ, и когда дверь была отперта, они увидали бѣдную Ванду, привязанную къ постели К. Она была безъ всякой одежды и тѣло все въ ранахъ; булавки, иголки натыканы ей были всюду: въ грудь, въ щеки. Получивъ первую необходимую помощь, она разсказала, что К., взбѣшенная вмѣшательствомъ Р— и полиціи, сначала привязала ее нагую къ постели и потомъ приказала лакею сѣчь ее розгами, а когда тотъ усталъ, генеральша сама продолжала бить ее. Вечеромъ, ложась спать, она накаляла на свѣчкѣ иглы и булавки и втыкала ихъ въ тѣло жертвы, осыпая ее неудобною для повторенія бранью; единственною ея пищею былъ ломоть хлѣба, который сообщникъ фуріи ея лакей и любовникъ приносилъ каждое утро, и которымъ она хотѣла только сберечь жизнь своего товара. Генеральша домой не возвратилась. Распросы были сдѣланы въ ея имѣньяхъ, и оказалось, что много молодыхъ дѣвушекъ пропало, и никто не могъ отыскать ихъ слѣдовъ. Наконецъ лакей, схваченный полиціей, во всемъ сознался. К. замучила до смерти семь дѣвушекъ, отъ 12—13 лѣтъ,—скупость и жестокость были ея страстями. Эта ужасная женщина арестована была въ С. Петербургѣ, гдѣ жила по фальшивому паспорту. Сообщникъ ея сосланъ былъ въ Нерчинскъ. Ванда нашла покровительницъ, но здоровье ея было навсегда разстроено; она умерла черезъ годъ или два.

Это не единственный примѣръ жестокости полекъ. Графиня З., г-жа Р., и другія заклеймены убійствомъ многихъ своихъ крѣпостныхъ, но такъ какъ не явилось обвинителей, то не было и судей. Г-жа Р., между прочимъ, отдала старому варшавскому

жиду, давшему ей взаймы денегъ, хорошенькую жену одного своего крестьянина, а несчастный мужъ, очень любившій свою жену, былъ проданъ валаху, увезшему его въ Бессарабію. Онъ никогда больше не видалъ своей прекрасной жены. Все это могло происходить безнаказанно, потому что дворяне были единственными распорядителями въ своихъ помѣстьяхъ, правосудія не существовало, и потому протестъ былъ невозможенъ.

Между разными повинностями, или daremszczyzny, которымъ chłop[1] были обложены на пользу своимъ господамъ, многія падали на долю женщинъ. Эти вынужденныя услуги,—еще и въ 1846 г. доходившія до страшнаго числа—121, — доказываютъ совершенное рабство и беззащитность крестьянина и его семейства. Напримѣръ, первая изъ этихъ повинностей обязываетъ крестьянина съ его женою и всѣми взрослыми дѣтьми работать въ полѣ во время жатвы. № 33 заставляетъ женщину быть на караулѣ верхомъ восемь дней. № 107 обязываетъ дѣвушекъ являться на недѣлю въ господскій домъ *для домашнихъ работъ*. Кромѣ того всякій знаетъ, что Jus primae noctis было въ силѣ въ Польшѣ до воцаренія Александра I. Короли польскіе,—слабыя орудія высшаго дворянства, были интриганты и развратники, тираны и деспоты, или занимались только своими частными дѣлами и удовольствіями, подобно двумъ Августамъ саксонскимъ, которые также дѣлали все возможное, чтобъ разорить Польшу и довести до ничтожества германскія свои провинціи, никогда не помышляя о распространеніи цивилизаціи, или о какомъ нибудь другомъ дѣйствіи на пользу человѣчества. Исторія Польши со времени Сигизмунда Августа напоминаетъ разбитый параличемъ организмъ, теряющій постепенно употребленіе членовъ, пока онѣмѣніе, дойдя до сердца, не окончится смертію; такое онѣмѣніе, дошедшее до сердца Польши,—это время Станислава Августа, а Фридрихъ Великій былъ тотъ хирургъ, разсѣкшій тѣло, которому никакое лѣкарство не могло уже возвратить жизни.

II.

Послѣ трехлѣтняго отсутствія, я опять посѣтилъ Польшу, подъ конецъ 1860 года. Въ 1857 г., я ни въ Варшавѣ, ни въ другомъ какомъ польскомъ городѣ не слыхалъ разсужденій о политикѣ. Всякій доволенъ былъ гражданской администраціей, и не

желалъ никакихъ перемѣнъ. Три года позже, Императоръ Александъ даровалъ полякамъ много привилегій и намѣренъ былъ даровать ихъ еще болѣе. Справедливый и безпристрастный наблюдатель не могъ не замѣтить намѣренія Императора сдѣлать все возможное для благоденствія Польши. Считая нужнымъ сказать не обинуясь, что большая часть польскихъ патріотовъ, которыхъ я имѣлъ случай видѣть въ ту эпоху, были очень довольны мѣрами Императора. Только женщины и ксендзы были требовательнѣе: они хотѣли полной независимости Польши и истощали, будто по обязанности, всю свою грацію и кокетство для убѣжденія высшихъ чиновниковъ и русскихъ офицеровъ, что истинный интересъ Россіи требовалъ административнаго отдѣленія Царства отъ Имперіи. Онѣ упирали сильно на свой римско-католическій элементъ, а римское духовенство начинало уже дѣйствовать за кулисами въ это время въ пользу этого отдѣленія. Не смотря на то, согласіе между поляками и русскими не было еще возмущено, но смѣшанные браки стали рѣдки. Старинный законъ, изданный Петромъ Великимъ, предписываетъ, чтобы дѣтей, рожденныхъ отъ брака русскаго, или русской православнаго исповѣданія, съ мужчиной, или женщиной другаго исповѣданія, воспитывать въ греко-россійской вѣрѣ. Я не скажу рѣшительнаго мнѣнія о достоинствѣ этого закона, имѣющаго, конечно, политическое основаніе, такъ какъ всѣ исповѣдующіе православіе суть русскіе. Но это умное постановленіе великаго императора, сильно споспѣшествовавшее смѣшенію русскаго элемента съ элементомъ чужеземнымъ, нужнымъ было Петру Великому для выполненія его великихъ плановъ. Дѣйствіемъ этого закона тысячи польскихъ семействъ постепенно сдѣлались русскими, и въ 1857 г. это условіе нисколько не мѣшало бракамъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ съ польками.

Все пошло иначе въ 1860 г. р.-католическое духовенство представило страшнѣйшія затрудненія смѣшаннымъ бракамъ. Въ то время я познакомился съ молодымъ русскимъ офицеромъ, княземъ Г., очень хорошо принятымъ въ самомъ аристократическомъ польскомъ кругу. Богатый, красивый, съ изящными манерами, онъ не одну красавицу-польку заставилъ вздыхать, самъ же занялся исключительно одной, прекрасной Анной О., племянницей графини С. Старуха, такая же скряга, какъ и фанатичка, была въ восхищеніи отъ случая выдать замужъ племянницу безъ при-

данаго. Молодые люди были совершенно счастливы, и свадьба назначена была въ половинѣ января, какъ вдругъ духовникъ графини началъ находить препятствія. Ксендзъ Б., котораго я часто видалъ, былъ высокій, суровый человѣкъ; его лице носило зловѣщее выраженіе ненависти и фанатизма. Онъ часто выговаривалъ мнѣ за то, что онъ называлъ нашей несправедливостью въ отношеніи къ Ирландіи и ирландцамъ. По его мнѣнію, Ирландія, какъ рим.-католическая страна, должна имѣть администрацію совершенно независимую, такую, какой онъ требовалъ для Польши. Онъ говорилъ съ энтузіазмомъ о р.-католической пропагандѣ въ Англіи, и выражалъ убѣжденіе, что, рано или поздно, англиканская церковь опять покорится ватикану. Когда я объяснилъ ему, что почти всѣ англійскіе прозелиты—бѣдняки или негодяи, увлеченные въ папизмъ только посредствомъ денежныхъ пособій, или маленькихъ пенсіоновъ, патеръ Б. назвалъ эту мѣру превосходнымъ способомъ и хвалился, что и самъ употреблялъ ее для приведенія въ лоно церкви жидовъ и лютеранъ. Онъ громко порицалъ шведовъ, которые, по закону 16-го столѣтія, осудили на смерть нѣсколькихъ дѣвушекъ самаго низкаго сорта, обращенныхъ въ католичество іезуитами, хотѣвшими посмотрѣть, дѣйствуютъ ли еще старинные законы. Мы можемъ здѣсь присовокупить, что эти дѣвушки были прощены, съ условіемъ оставить Швецію. Двѣ или три изъ нихъ явились въ Петербургъ, гдѣ патеръ Б., будучи еще при церкви св. Екатерины на Невскомъ Проспектѣ, платилъ имъ маленькую пенсію, положенную стокгольмскими іезуитами. *Достойный* священникъ, сердечно ненавидя православныхъ, какъ еретиковъ, убѣдилъ старую графиню, что бракъ католички съ схизматикомъ—самый тяжкій грѣхъ. Г-жа С. покорилась настойчивости ксендза. Молодые люди, друзья ихъ, и всѣ кто старался въ ихъ пользу, были оставлены безъ вниманія. Анна, енергически протестовавшая противъ насилія, была отослана въ деревню, откуда и убѣжала, но такъ какъ у ней не было паспорта, ее препроводили обратно къ теткѣ. Князь употребилъ всѣ способы спасти свою невѣсту, но въ одинъ прекрасный день ему сказали, что она уѣхала изъ Польши для поступленія въ монастырь заграницей. Онъ отправился въ Римъ, надѣясь тамъ узнать что нибудь о судьбѣ Анны. Едва пріѣхалъ онъ въ столицу міра, какъ письмо, присланное патеръ Б., извѣстило его о смерти тетки и племянницы,— обѣихъ умершихъ въ

въ Испаніи. Огромное состояніе графини были завѣщано какимъ то монастырямъ! Я не знаю, что случилось съ княземъ Г., но меня увѣряли, что онъ отправился въ кавказскую армію.

Два года спустя (въ 1862) я увидалъ Польшу во всеобщемъ волненіи. Существовала ультра-польская партія, преслѣдовавшая русскихъ съ страшной злобой. Ксендзы были во главѣ этой партіи. Я опять увидѣлъ патера Б., онъ не скрывалъ больше ненависти своей къ русскимъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ Кореемъ, Даѳаномъ и Авирономъ; онъ вспоминалъ ту *славную* эпоху, когда поляки занимали Москву, когда сынъ короля ихъ Владиславъ былъ избранъ царемъ русскимъ; но онъ забылъ, что русскіе, тогда же прогнавшіе поляковъ, съ того времени много ушли впередъ, тогда какъ поляки постепенно пятились назадъ въ дѣлѣ истинной цивилизаціи.

Дамы были едва ли не больше (если это возможно) возбуждены, чѣмъ ксендзы. Тѣ же самыя хорошенькія женщины, которыя въ 1860 г. такъ весело танцовали съ русскими офицерами, теперь оскорбляли ихъ при всякомъ къ тому случаѣ. Мнѣ было объявлено повсюду, что если я желаю посѣщать русское общество, то буду исключенъ изъ польскаго, а такъ какъ мои дѣла поставляли меня въ болѣе ближшее сношеніе съ поляками, чѣмъ съ русскими,— я былъ, такимъ образомъ, принужденъ по возможности избѣгать послѣднихъ. Это извѣстно было полякамъ. Польки говорили о русскихъ, какъ о варварахъ, злословили ихъ всевозможнымъ образомъ и навязывались мнѣ съ разными статьями, исполненными клеветы и злобы, а незаключавшими въ себѣ и тѣни, истины, прося меня распространить ихъ посредствомъ англійской прессы. Можно догадаться, что я дѣлалъ совсѣмъ иное употребленіе изъ этихъ документовъ, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ оффиціальныхъ сношеній съ прессой. Я думаю, впрочемъ, что нѣкорые изъ моихъ соотечественниковъ сдѣлались жертвами жгучихъ глазъ варшавянокъ, потому что я читалъ во многихъ журналахъ нашихъ рекламы, очень похожія на тѣ, которыя были мнѣ ввѣрены. Да, я, говоря по совѣсти, не могъ понять и подлинной причины этого ожесточенія противъ русскихъ. Управленіе страной было уже вполнѣ въ рукахъ поляковъ, даже употребленіе русскаго языка было прекращено. Единственные русскіе, еще жившіе въ Польшѣ, были солдаты и кое-какіе купцы. Не смотря на это, объявленъ былъ національный трауръ. Каждый облекся въ чер-

ное. Дамы носили длинныя кофты, отлично обрисовывавшія ихъ фигуру, паны — куртки и низкія круглыя шляпы. Кто не слѣдовалъ модѣ, того считали русскимъ или иностранцемъ и дурно принимали. Тайное темное правительство потихоньку давало черезъ своихъ агентовъ, большею частью женщинъ, нароль различныхъ злобныхъ заявленій противъ русскихъ. Люди, наиболѣе подвергавшіеся этимъ непріятностямъ, были часовые: тысячу разъ видалъ я прекрасныхъ и изящныхъ дамъ, оскорблявшихъ солдатъ подъ ружьемъ. Сперва онѣ давали имъ разныя прозвища, потомъ плевали имъ на ноги, на шинели и мундиры, иногда даже въ лице. Русскій солдатъ, не получившій приказанія защищаться и не могшій оставить свой постъ, или поднять оружіе на дамъ, долженъ былъ терпѣть то, чего не перенесъ бы ни одинъ англійскій солдатъ. Офицеры увѣряли меня, что несчастные солдаты, возвратясь въ казармы, всегда должны были отчищаться. Не только простыя женщины, но и благородныя дамы называли русскихъ офицеровъ самыми гадкими словами, позволяли себѣ такія выраженія объ ихъ женахъ и дочеряхъ, какихъ не позволила бы себѣ самая развратная женщина. Секретное правительство запрещало лавочникамъ продавать что либо русскимъ. Дамы шпіонили повсюду, слѣдя за исполненіемъ приказа, — и часто продавцы принуждены были просить русскихъ покупателей не компрометировать ихъ больше посѣщеніемъ ихъ лавокъ. Нѣкоторые жиды, не желавшіе жертвовать выгодами торговыхъ сношеній съ русскими, потеряли въ нѣсколько дней всѣхъ польскихъ покупателей и должны были еще претерпѣвать и другія непріятности, въ родѣ битья стеколъ, или оскорбленій на улицѣ. Мущины были нѣсколько тише. Русскіе, всегда очень внимательные къ женщинамъ, заговорили-бъ съ ними иначе. Теперь каждый былъ занятъ приготовленіями къ возмущенію. Иные брали потихоньку уроки ѣзды верхомъ, другіе отправлялись дважды въ недѣлю упражняться въ воинскихъ эволюціяхъ, вооруженные только палками; но извѣстно было, что хорошее оружіе привезено украдкой и скрыто. Дамы ходили повсюду, упрашивая, ободряя и пуская въ ходъ все свое кокетство для возбужденія возстанія. Г-жа М., у которой я иногда пилъ чай, показала мнѣ великолѣпное знамя краснаго атласа, съ вышитымъ на немъ серебрянымъ польскимъ орломъ; она нѣсколько недѣль занималась этимъ знаменемъ и увѣряла меня, что всѣ ея друзья работали такія же, и что эти зна-

мена должны быть готовы къ январю мѣсяцу слѣдующаго года. Я получилъ также нѣсколько нумеровъ журнала, написаннаго и напечатаннаго женщинами. Газета полна была брани на русскихъ и выразительно ободряла бунтъ. Что до меня, я могу похвалить польскихъ офиціальныхъ лицъ; онѣ были очень вѣжливы, даже слишкомъ вѣжливы, обѣщали все и не исполняли ничего. Я предпочитаю русскихъ чиновниковъ; они не особенно вѣжливы, но если вы заслужите ихъ довѣренность, дѣла ваши могутъ быть улажены удовлетворительно и съ должной скоростью. Не понималъ я, какъ русскіе, видя всѣ эти враждебныя приготовленія, не употребляли никакихъ енергическихъ мѣръ къ ихъ прекращенію. Дамы нисколько не скрывали возмущенія, готоваго разразиться при первомъ случаѣ. Изъ слѣдующаго обстоятельства увидѣлъ я, какую существенную роль играли польскія женщины въ этомъ возстаніи. Первый возбудительный толчокъ данъ былъ возмущенію ультрамонтанизмомъ. Такъ какъ русское правительство отвергаетъ свѣтскую власть папы, то іезуиты возбуждаютъ оппозицію противъ императора; они хотятъ оторвать отъ него Польшу, для того, чтобы создать новый центръ своей пропаганды. Изъ 7300 членовъ ордена св. Игнатія около 140 постоянно пребываетъ въ польскихъ провинціяхъ. Во время настоящаго движенія много сотень французскихъ и итальянскихъ іезуитовъ присоединилось къ своимъ собратьямъ въ Галиціи, Помераніи и Польшѣ. Орденъ этотъ, какъ извѣстно всякому, очень враждебенъ Россіи, за то, что былъ изгнанъ оттуда, въ 1817 г., вслѣдствіе многихъ золъ, причиненныхъ имъ Россіи. Іезуиты завели сношенія, съ рим.-католическимъ духовенствомъ въ Польшѣ. Рим.-католическая церковь была объявлена въ опасности и сдѣланы первыя попытки противустать правительству, хотя это правительство сбиралось дать Польшѣ истинно либеральныя учрежденія. Нѣтъ страны, въ которой духовенство имѣло бы такое чрезвычайное вліяніе на женщинъ, какъ въ Польшѣ. Полька, пылкая женщина, подвластная своимъ страстямъ, всегда имѣетъ грѣшки на душѣ; и вотъ, когда придетъ часъ раскаянья, она бѣжитъ къ духовнику, который, успокоивая совѣсть своихъ прекрасныхъ грѣшницъ, даетъ имъ постепенно какое ему угодно направленіе. Очень хорошо зная вліяніе полекъ на мужчинъ, ксендзъ овладѣваетъ послѣдними посредствомъ ихъ женъ, сестръ и возлюбленныхъ.

III

Когда я прощался съ польскими дамами въ началѣ декабря 1862, онѣ обѣщали, что я найду Польшу свободною при моемъ возвращеніи въ Варшаву на слѣдующую осень. Не скажу, чтобъ я боялся дѣйствительнаго освобожденія Польши, потому что зналъ совершенную неспособность. Едва пріѣхалъ я въ Лондонъ, какъ тотчасъ же услыхалъ новость о повсемѣстномъ возстаніи въ Польшѣ. Всѣ журналы наполнены были похвалами возмущенію, торжественно перечисляя военные подвиги мятежниковъ и описывая деморализацію русской арміи. Если я осмѣливался выражать сомнѣнія, мнѣ разумѣется отвѣчали, что я долженъ говорить въ пользу русскаго правительства потому только, что дѣла часто призываютъ меня въ Варшаву. Письма друзей моихъ, англичанъ и нѣмцевъ, изъ Польши и Литвы, сообщали мнѣ совсѣмъ иное. Я показалъ эти письма издателямъ нѣкоторыхъ журналовъ, но въ отвѣтъ получилъ, что народъ нашъ не имѣетъ симпатіи къ русскимъ, и что за извѣстія, касавшіяся Польши и помѣщенныя въ журналахъ, было хорошо заплачено. Въ то же время я ежедневно видѣлъ разныхъ лицъ, въ національномъ траурномъ костюмѣ, прогуливавшихся по лондонскимъ улицамъ, и работавшихъ въ пользу, такъ называемаго, національнаго бунта. Въ одинъ прекрасный день я встрѣтилъ въ Хрустальномъ дворцѣ въ Сиденгамѣ г-жу Е., жену одного варшавскаго банкира, восточнаго происхожденія. Эта хорошенькая женщина, принадлежавшая къ старинной, но обѣднѣвшей дворянской фамиліи, отдала руку купцу очень непривлекательной наружности, имѣя въ виду воспользоваться богатствомъ мужа на пользу движенія. Я не знаю какое дѣло Е. могла имѣть въ Лондонѣ, гдѣ она до того не была ни разу. Позже меня увѣряли, что она нашла способъ возбудить энтузіазмъ многихъ дамъ, принадлежащихъ къ нашей коммерческой аристократіи, а посредствомъ ихъ и мужей, сбиравшихъ митинги въ честь Польши въ Лондонѣ и въ большихъ торговыхъ городахъ. Цѣль этихъ митинговъ была возбудить чернь къ демонстраціи, чтобъ подвигнуть правительство на войну съ Россіей. И дѣйствительно, г-жа С. имѣла значительный успѣхъ, потому что даже графъ Россель, ничего не зная объ истинныхъ зачинщикахъ возмущенія и принимая за чистую монету выдумки, распространенныя лондонскими газетами, имѣлъ непростительное без-

разсудство (принимая во вниманіе его положеніе, какъ перваго министра) сказать, что Россія преступила свои права въ Польшѣ. Какое чудесное воззрѣніе, какой примѣръ нашимъ врагамъ, которые при первомъ случаѣ, ухватясь за это „преступленіе правъ", найденное лордомъ Джономъ у Россіи, могутъ вдругъ объявить насъ лишенными ихъ въ Ирландіи, Гибралтарѣ, Малтѣ, и т. д. Но я позабываю, что не хотѣлъ говорить о политикѣ. Такимъ образомъ, успѣхъ г-жи Е. былъ полонъ. Ей помогала другая особа,—полька по мужѣ, г-жа Ч., жертвовавшая огромными суммами для распространенія въ англійской печати бюллетеней о такъ называемыхъ польскихъ арміяхъ, сфабрикованныхъ въ Пале-Роялѣ. По письмамъ моихъ друзей, извѣщавшихъ, что все было спокойно въ большихъ городахъ, я отправился въ концѣ іюня въ Ковну и Вильну. Едва пріѣхалъ я въ этотъ послѣдній городъ, какъ встрѣтилъ на улицѣ богатаго помѣщика Н., съ которымъ часто имѣлъ дѣла. Н. былъ чрезвычайно богатъ. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи, но съ 1840 г. вышелъ въ отставку, чтобы заняться хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ въ Литвѣ и Польшѣ. Женившись на графинѣ П., онъ имѣлъ несчастіе въ нѣсколько лѣтъ потерять жену и старшихъ дѣтей, у него оставался только одинъ сынъ, молодой человѣкъ 16 л., образованный, добраго характера,—радость и надежда отца. Н. былъ приверженъ къ русскому правительству. Онъ часто признавался мнѣ, что нечего было возлагать надеждъ на мнимую національную партію, въ которой не было ни одного значительнаго дворянина, а состоявшей исключительно изъ духовенства и пролетаріата, которымъ было нечего терять, а все можно было выиграть. Онъ, на сколько могъ, старался воспитать сына въ тѣхъ же правилахъ, намѣреваясь отправиться съ нимъ въ С. Петербургъ и тамъ опредѣлить его въ гусарскій полкъ. Я нашелъ Н. олицетвореннымъ горемъ; онъ былъ въ слезахъ.

— Что случилось, дорогой М. Н.? спросилъ я.

— Я несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ.

— Сынъ вашъ гдѣ? что съ нимъ?

— У меня нѣтъ больше сына.

— Что же съ нимъ? Вы его не оставляли?

— Да, я оставилъ его третьяго дня, и его уже больше нѣтъ.

Вотъ что случилось. Для того, чтобы сына не соблазнили, Н. жилъ съ нимъ въ загородномъ домѣ недалеко отъ Ковны. Они

жили совершенно уединенно и видали только отъ времени до времени графа П., сосѣда и двоюроднаго брата покойной г-жи Н. Графъ никогда не говорилъ о политикѣ. Онъ занимался науками и своими дѣлами. Двѣ его дочери, казалось, подражали примѣру отца. Н. былъ совершенно покоенъ. Сынъ его, подъ надзоромъ почтеннаго наставника, казалось, совершенно погруженъ былъ въ занятія, и семейство П. не пріѣзжало уже цѣлую недѣлю.

Въ одно прекрасное утро, за три дня до моего пріѣзда въ Вильну, Н. получилъ письмо отъ управляющаго имѣньемъ, въ 16 верстахъ отъ города. Его просили пріѣхать осмотрѣть ново-выстроенный тамъ домъ. Такъ какъ это было дѣло, требовавшее отсутствія только на одинъ день, Н. предложилъ Леону отправиться вмѣстѣ въ это короткое путешествіе, но тотъ, подъ предлогомъ головной боли просилъ оставить его дома. Уѣзжая, Н. призываетъ наставника и проситъ его не оставлять сына ни подъ какимъ видомъ, и не позволять ему ни съ кѣмъ видѣться. Только что онъ уѣхалъ, молодой человѣкъ говоритъ учителю, что ему хочется спать. Учитель все таки остается въ комнатѣ ученика, но видя, что тотъ крѣпко уснулъ, уходитъ въ свою комнату, а комнату Леона запираетъ на ключъ. На слѣдующее утро, желая узнать о здоровьи ученика, онъ входитъ въ комнату и находитъ ее пустою, а на столѣ письмо, адресованное на имя отца. Давно уже, безъ вѣдома отца, молодыя графини П. убѣждали Леона сражаться за отечество, но бдительно наблюдаемый отцемъ, Леонъ не могъ осуществить своего плана. Лишь только старикъ отправился, Леонъ, сказавшись больнымъ, обманулъ учителя. Онъ выпрыгнулъ изъ окна и явился къ графинямъ П., которыя дали ему револьверъ, саблю и лошадь. Ксендзъ, жившій у графа, свелъ Леона въ банду Мацкевича, блуждавшую въ лѣсахъ, въ окрестностяхъ Ковны. Леона уже нѣсколько времени ожидали. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ его прибытія, банда была атакована, и Леонъ, пораженый пулей въ грудь, взятъ въ плѣнъ. Письмо, адресованное сыномъ къ отцу, тотчасъ же было къ нему отправлено. Въ тотъ же вечеръ Н. поѣхалъ въ Вильну и явился къ генералу Муравьеву, прося прощенія молодому человѣку, котораго, какъ онъ полагаетъ, взяли въ плѣнъ. Генералъ только что получилъ извѣстіе о схваткѣ, въ которой было взято нѣсколько плѣнниковъ. Онъ просилъ Н. дождаться слѣдующаго дня и отдалъ приказъ, что если между плѣнными окажется молодой Н.,

то прислать его немедленно въ Вильну. Я пріѣхалъ въ понедѣльникъ. Н. опять пригласили къ генералу, только что получившему свѣдѣніе, что онъ, Леонъ, былъ въ числѣ плѣнныхъ, но умеръ на рукахъ русскаго хирурга, вынувшаго ему изъ груди пулю. Я увидалъ Н., только что узнавшаго о смерти сына, и напрасно старался утѣшить несчастнаго милліонера. Что же произошло съ графинями П.? Ничего не произошло; онѣ помирились съ совѣстью, но ксендзъ, истинный виновникъ драмы, былъ арестованъ.

Я оставилъ Вильну въ тотъ же вечеръ и отправился въ Петербургъ. Я очутился въ компаніи съ флигель-адъютантомъ Императора и другимъ офицеромъ русской арміи, которые, послѣ участія въ нѣсколькихъ стычкахъ, возвращались въ С. Петербургъ. Слѣдующее я узналъ отъ флигель-адъютанта. „За недѣлю до Троицы, я разбилъ инсургентовъ, оставившихъ въ моихъ рукахъ до двадцати плѣнныхъ. Спустя нѣсколько дней является дама среднихъ лѣтъ и проситъ меня за сына, юношу 15 лѣтъ, бывшаго въ числѣ плѣнныхъ. Она говорила, что сынъ ея былъ увлеченъ противъ воли бандой и просила возвратить его ей. Я послалъ за плѣнникомъ, и такъ какъ онъ дѣйствительно оказался ребенкомъ, я объяснилъ ему важность его преступленія и посовѣтовалъ матери держать его дома. За день до праздника, гуляя, я встрѣтился съ нею. Она подошла ко мнѣ и сказала: благодарю васъ, что позволили сыну моему провести праздникъ со мною. Сударыня, я позволилъ ему навсегда остаться съ вами. Я честная женщина, отвѣчала она, и потому скажу вамъ все. У меня только одинъ сынъ, я люблю его всѣмъ сердцемъ, но онъ принадлежитъ отечеству. Я не хочу васъ обманывать, мой Петя останется со мной недѣлю, но потомъ онъ опять будетъ сражаться. Послушайте, сударыня, просьба ваша о сынѣ могла быть уважена, такъ какъ ему только 15 лѣтъ; но если онъ попадется во второй разъ, съ нимъ поступятъ, какъ съ тридцати-лѣтнимъ; не забывайте и того, что онъ поклялся никогда больше не присоединяться къ бунтующей партіи. Дама поблѣднѣла, но не сказала ни слова. Пятнадцать дней спустя, этотъ юноша опять былъ въ числѣ нашихъ плѣнниковъ. Ихъ отослали въ Динабургъ, и я не знаю дальше, что выпало на долю моего „protégé.“ Эта мать — фанатичска, подстрекаемая ксендзами, пожертвовала единственнымъ сыномъ.

Другой офицеръ, Е—., былъ въ Польшѣ во время крымской войны. Онъ очень хорошо принятъ былъ въ семействѣ г-жи Г., мужъ которой былъ богатый собственникъ въ Ковенской губерніи. У нихъ было два сына и двѣ дочери,—прекрасныя дѣти, старавшіяся сдѣлать пріятными для русскаго офицера тѣ мѣсяцы, которые онъ провелъ въ домѣ ихъ отца. Даже послѣ заключенія мира, когда полкъ молодаго поручика возвратился въ Россію, онъ оставался довольно долго въ дружеской переопискѣ съ Г. и его семействомъ. Переписка происходила на русскомъ языкѣ; живя же въ домѣ Г., офицеръ пользовался у него прекрасною библіотекою, въ которой были сотни русскихъ сочиненій.

Въ 1862 г., Е—., теперь уже капитанъ, посланъ былъ съ полкомъ въ Литву, и тамъ попросилъ позволенія посѣтить Г., о которомъ всегда говорилъ, какъ о человѣкѣ мирномъ, преданномъ законному правительству. Думая сдѣлать пріятный сюрпризъ своимъ прежнимъ друзьямъ, Е— явился прямо, безъ всякаго предварительнаго доклада. Его тотчасъ узнали, но приняли холодно. Прежнія дѣвочки стали прекрасными дѣвушками лѣтъ 19 и 20. Онѣ говорили только о несчастіяхъ своей страны, и когда Е—, отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ, въ чемъ заключались ихъ несчастія, старшая, болѣе граціозная, пустила въ дѣло все свое кокетство, доказывая Е—., что онъ, какъ нѣмецъ родомъ и симпатизирующій полякамъ, долженъ оставить свой полкъ и присоединиться къ польской партіи, говоря, что она будетъ ему покровительствовать и что онъ сдѣлаетъ блестящую карьеру. Е—. признавался, что ему трудно было устоять противъ соблазнительной пѣсни прекрасной сирены, и что сердце его было почти потеряно. Но внутренняя борьба его продолжалась недолго. На слѣдующее утро, пока все семейство еще спало, онъ потребовалъ экипажъ и уѣхалъ—съ тѣмъ, чтобъ никогда не возвращаться.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, бунтъ вспыхнулъ, и Е—. увѣдомили, что два сына Г. были въ числѣ мятежниковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Е—. былъ въ отрядѣ, посланномъ противъ банды Мацкевича. Стычка началась на опушкѣ лѣса, въ нѣскольких верстахъ отъ Трокъ; мятежники, какъ всегда, были разбиты и только 20 или 30 человѣкъ сопротивлялись. Е—. узналъ въ ихъ числѣ своего прежняго друга, Юліана Г., покрытаго кровью и съ однимъ глазомъ, вывернутымъ изъ орбиты. Онъ подходитъ къ нему

и, взявъ за руку, говоритъ: Слѣдуй за мною, я тебя спасу. Юліанъ кричитъ ему: оставь меня, измѣнникъ, и цѣлитъ въ ближайшаго козака, но другой козакъ прокалываетъ его пикой. Продолжая преслѣдовать банду, Е—. находитъ въ разоренномъ домѣ втораго сына Г., Евгенія, сидящаго на стулѣ, съ пулей въ груди. Онъ кричитъ, воды, дайте мнѣ воды. Е—. подходитъ къ нему, говоря, вы не узнаете меня, Евгеній? и подноситъ ему свою собственную кружку, но молодой фанатикъ отталкиваетъ ее и умираетъ. Я слышалъ потомъ, сказалъ Е—, что въ семействѣ этомъ, такомъ счастливомъ до того времени, виновницами вступленія братьевъ въ банды были ихъ сестры; онѣ же были причиной ихъ смерти и отчаянія отца, который теперь въ динабургской крѣпости. Я не знаю, что сталось съ этими дѣвицами, которыя, особенно старшая, удивительно хороши.

IV.

Мое пребываніе въ Петербургѣ было не продолжительно. Въ этомъ городѣ все было спокойно и не существовало никакихъ опасеній войны съ кѣмъ либо изъ за-Польши. Около половины августа я поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Здѣсь всѣ предосторожности были взяты для подавленія мятежа, въ особенности по отъѣздѣ великаго князя Константина. Намѣстникъ Императора, графъ Бергъ, далъ образецъ удивительнаго искуства и умѣнья выслѣживать истинныхъ авторовъ этого ужаснаго заговора. У насъ постоянно толкуютъ о польской революціи. Это большая ошибка; простой народъ не возмущался вовсе. Три милліона крестьянъ, многочисленные горожане, нѣмецкіе колонисты, и даже крупные собственники, всѣ они противъ бунта. У этого послѣдняго два дѣятеля, первый, вся вообще партія красныхъ, та самая, которая насылаетъ убійцъ на Наполеона III, и которая строитъ ковы точно также во Франціи, Германіи, Италіи, Ирландіи, и даже Англіи. Эта партія нигдѣ не находитъ столькихъ адептовъ, какъ въ Польшѣ, гдѣ мелкое дворянство — бѣдняки, невѣжи и лентяи, не можетъ забыть эпохи своего владычества. Невозможно сравнить шляхту съ нашей *джентри*, умной, трудолюбивой, и поддерживаемой богатыми и могущественными представителями нашихъ знатныхъ фамилій. Шляхта образуетъ ксендзовъ, чиновниковъ низшаго разряда, и слугъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, изъ кого состояли бан-

ды. Еще двигатели возстанія, это пани, эмигровавшія въ настоящее время въ Парижъ; онѣ желали воспользоваться случаемъ для возвращенія власти, но всякій знаетъ, какъ это было неуспѣшно.

Женщины изъ мелкаго дворянства любятъ роскошь и удовольствія. Онѣ надѣются, что если власть дворянъ возстановится, на счетъ горожанъ и chłopow, онѣ станутъ богаты и найдутъ возможность удовлетворить своимъ прихотямъ, какія надежды и поощряли ксендзы и тайное правительство, платившее женщинамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ движеніи, значительныя субсидіи. Эти женщины выказали дѣятельность и ловкость, достойныя лучшей цѣли. Русская любезность защищала ихъ сначала отъ строгаго порицанія. Русскіе никогда не оскорбляли женщинъ, ни полекъ, ни литвинокъ, и все, что наши журналы говорили по этому поводу, чистѣйшая выдумка. Даже съ тѣми женщинами, которыхъ виновность была доказана, всегда обращались съ уваженіемъ, какого требовалъ ихъ полъ. И не смотря на малую застѣнчивость паней, личные обыски всегда производились женщинами, при отсутствіи мущинъ. Я приведу здѣсь только нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ виновность полекъ. Г-жа Мацѣевская, вдова русскаго чиновника, получавшая пенсіонъ отъ Россіи, устроила у себя въ домѣ депо оружія для инсургентовъ. Съ помощью двухъ дочерей, она получала это оружіе и распредѣляла его согласно приказаніямъ *жонда*. Этой женщиной вооружены были жандармы-вѣшатели и кинжальщики, надѣлавшіе такъ много зла въ Варшавской губерніи. Это депо выдано было персіяниномъ Артеміемъ Бандурольфомъ, однимъ изъ агентовъ тайнаго правительства. Мелочная торговка, Маріанна Невинская, была разносчицею революціонныхъ публикацій не только секретнаго „журнала жонда", но также и „Czas", „Chwila", нашего „Morning post" и нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, прославившихся смѣшными баснями по поводу польскаго возстанія. Эта женщина занялась очень выгоднымъ ремесломъ, за газеты ей хорошо платили, и она нажила много денегъ, прежде чѣмъ открыли ея занятіе. Циркуляры жонда печатались дамами, Торхановской, Квятковской, Кастержской и другими. Сборъ податей, наложенныхъ жондомъ, производился женщинами, сбиравшими ихъ съ помощью учениковъ гимназій. Убѣжище убійцъ, извѣстныхъ подъ именемъ „жандармовъ-вѣшателей" былъ трактиръ мадамъ Б., пользовавшійся дурной славой, гдѣ женщины самаго послѣдняго разбора обольщали посѣтителей. Жен-

щины эти, искусно дирижируемыя мадамъ В. и ея дочерьми, были не только шпіонами тайнаго правительства, но и наборщиками его. Много молодыхъ художниковъ, развращенныхъ этими тварями, покинули свои обычныя занятія и поступали во власть жонда, платившаго имъ деньги чрезъ посредство мадамъ Б.; едвали нужно и прибавлять, что эта хорошая женщина особенно заботилась, чтобы побольше жандармскихъ денегъ оставалось у ней въ рукахъ, въ ея пользу. Въ Варшавѣ много кофейныхъ домовъ, гдѣ прислуживаютъ дѣвушки, всегда хорошенькія и кокетливыя. Всѣ эти весталки также были на откупу у жонда и получали приказанія отъ почетныхъ дамъ города. Обыскъ былъ произведенъ въ одномъ домѣ улицы Е., искали молодаго человѣка, командовавшаго бандой. Старательное и строгое розысканіе не привело ни къ чему; каждая комната была старательно осмотрѣна по нѣскольку разъ и сыщики хотѣли уже удалиться, какъ вдругъ полицейскій агентъ сдѣлалъ замѣчаніе, что молодая дѣвушка (дочь офицера въ отставкѣ), жившая съ родителями въ bel-étage, все стояла на одномъ мѣстѣ въ своей комнатѣ, въ которой они были два раза. Онъ сообщилъ русскому маіору тутъ же при обыскѣ свое замѣчаніе, и тотъ, прощаясь съ барышней, потянулъ ей руку, проговоривъ какую-то вѣжливость. Дѣвушка, обрадовавшись, что наконецъ освобождается отъ этихъ гостей, неблагоразумно подала руку маіору, тотъ потянулъ тихонько за руку прекрасную польку съ мѣста,—и вдругъ изъ-подъ огромнаго кринолина показалась мужская нога. Тотчасъ схватили егомосця, вытащили изъ этого потаеннаго мѣста, и вытащенный оказался, предметомъ ихъ долгихъ поисковъ. Инсургентъ самъ признался, что въ ту минуту, какъ домъ былъ окруженъ, онъ попросилъ убѣжища только подъ кроватью дѣвушки, но что сама мать ея, женщина весьма извѣстной фамиліи, спрятала его подъ кринолинъ дочери. Я разскажу вамъ еще анекдотъ, слышанный мною отъ молодаго пруссака, съ которымъ я видѣлся нѣсколько недѣль тому назадъ въ Берлинѣ. Вотъ почти его собственныя слова. Я пріѣхалъ въ Варшаву въ началѣ сентября, торопясь поскорѣе окончить свои дѣла, чтобъ проѣхать черезъ Вильну въ Петербургъ. На другой день пріѣзда, я увидалъ около своего отеля молодую даму, изящно, но просто одѣтую, и самаго приличнаго вида. Черезъ три дня, возвращаясь къ обѣду, я встрѣтилъ ту же даму; она посмотрѣла на меня и спросила что-то по польски. Я отвѣчалъ ей по французски, что я ино-

странецъ и не понимаю ея языка, она тотчасъ же продолжала весело и живо по французски. Мы такимъ образомъ прогуливались около получаса, наконецъ она замѣтила: „кажется, не совсѣмъ прилично намъ здѣсь разговаривать, желаю вамъ добраго утра“.

Удивленный такимъ неожиданнымъ прощаньемъ, я спросилъ, не могу ли я имѣть удовольствія видѣть ее еще гдѣ нибудь.

— Но вы вѣдь нѣмецъ, вы не любите поляковъ.

— Напротивъ, отвѣчалъ я, я очень уважаю поляковъ, особенно польскихъ дамъ такихъ, какъ вы.

— О, вы славный обманщикъ!

— Нѣтъ, клянусь вамъ, отвѣчалъ я, совершенно очарованный ею, я могу васъ обожать.

— Докажите же это.

— Я готовъ, приказывайте.

— Приходите сегодня вечеромъ въ улицу П. № 21, ровно въ семь часовъ.

Она исчезла, а я спросилъ самъ себя: съ кѣмъ это я познакомился? Несомнѣнно съ женщиной прекрасной, изящной, образованной и умной. Однако же способъ, съ которымъ она со мной познакомилась и безцеремонное приглашеніе къ себѣ заставили меня заключить, что я встрѣтилъ не обыкновенную камелію. Но такъ какъ я окончилъ всѣ дѣла и совершенно готовъ былъ уѣхать на слѣдующій день съ первымъ поѣздомъ, то я рѣшился продолжить свое приключеніе и отправился на свиданіе въ улицу П. Домъ подъ № 21 имѣлъ хорошій видъ; тѣмъ хуже, я не зналъ кого спросить. Однако я позвонилъ, и лакей въ ливреѣ отворивъ мнѣ дверь, спросилъ: не изъ отеля ли Р.? Оказалось, что меня ждали. Меня провели въ bél-étage въ прекрасную гостиную, гдѣ я увидѣлъ незнакомку-очаровательницу и почтенную пожилую даму. Мнѣ стало совѣстно, что я прелестную панну принялъ за героиню Дюма-сына, но все приключеніе было такъ таинственно, что я припомнилъ слова безумнаго короля Лира: „я желалъ бы, чтобъ теперь было время сна, и все было бы ужъ пройдено и кончено“. Обѣ дамы приняли меня съ самымъ любезнымъ видомъ. Леонора, молодая, представила меня, назвавъ по имени, своей матери. Чай былъ превосходенъ, и мы весело разговаривали о Франціи и Германіи, гдѣ эти дамы жили. Ни одного слова о политикѣ. Леонора была въ бѣлой мантильѣ; наружность ея была прекрасна. Потомъ мы заговорили объ искус-

ствахъ; она показала мнѣ альбомъ, наполненный ея рисунками, доказывавшими рѣдкій талантъ. Я восхищался ими. Это не самые лучшіе, сказала она; пойдемте въ мой будуаръ, я покажу вамъ еще. Я послѣдовалъ за ней въ маленькую комнату, обитую розовыми обоями и украшенную рисунками подъ стекломъ и въ золоченыхъ рамахъ. Такъ какъ это не романъ, а дѣйствительные факты, я не вдамся въ живописное разсматриваніе этой комнаты. Я какъ разъ очутился рядомъ съ польской красавицей, держалъ ея руки въ своихъ и объяснялся въ пламенной любви.

— Нѣтъ, отвѣчала она, вы не любите меня, вы не можете, потому что не знаете меня.

— Напротивъ. Простите мое увлеченіе, я васъ обожаю! Приказывайте, что угодно, я радъ доказать мою любовь.

— Но, вы вѣдь уѣзжаете завтра съ первымъ поѣздомъ.

Какъ могла она знать о моемъ намѣреніи? Только выходя изъ отеля, я сказалъ объ этомъ хозяину, прося приготовить счетъ.

— Я уѣду съ тѣмъ, чтобъ возвратиться, какъ можно скорѣе, отвѣчалъ я.

— Поклянитесь доказать мнѣ вашу любовь; я потребую легкой услуги. Русскіе подстерегаютъ насъ. Я попрошу васъ только отвезти этотъ небольшой пакетъ въ Вильну, онъ очень важенъ, и я могу ввѣрить его только вполнѣ честному человѣку. Вотъ онъ; она отдала мнѣ маленькій запечатанный пакетъ, обвязанный зеленой лентой. Поклянитесь еще разъ, что свезете этотъ пакетъ въ Вильну, остановитесь въ отелѣ М. и отдадите пакетъ тому, кто придетъ за нимъ; я приму это за доказательство вашей любви ко мнѣ. Я предполагалъ, что Леонора потребуетъ чего нибудь совсѣмъ другаго, что она заставитъ меня, вслѣдствіе клятвы, вступить въ банду инсургентовъ, куда молодыя польки увлекли тысячи поляковъ и сотни иностранцевъ. Поэтому требованіе прекрасной Леоноры показалось мнѣ очень умѣреннымъ, и я обѣщалъ исполнить требуемое. Она заставила повторить клятву надъ распятіемъ и потомъ осыпала меня самыми нѣжными ласками. Я былъ въ такомъ восхищеніи, что не понималъ больше, гдѣ я, и только въ половинѣ десятаго Леонора посовѣтовала мнѣ возвратиться домой, потому что запрещено было показываться на варшавскихъ улицахъ послѣ десяти часовъ. Влюбленный и счастливый, я ушелъ, рѣшившись какъ можно скорѣе возвратиться въ Варшаву для продолженія этого восхитительнаго знакомства. Я не видалъ больше

матери Леоноры; лакей проводилъ меня до дверей. Я скоро дошелъ до своей комнаты, и на слѣдующій вечеръ пріѣхалъ въ Вильну, въ назначенный отель. На утро послѣ пріѣзда въ мою дверь постучались. Вошелъ хорошо одѣтый господинъ и таинственно спросилъ, не привезъ ли я чего нибудь изъ Варшавы? Нисколько не сомнѣваясь, что это былъ человѣкъ, которому слѣдовало отдать пакетъ Леоноры, я спросилъ, что онъ ожидалъ у меня найдти. Маленькій пакетъ съ крестомъ, былъ отвѣтъ. Дѣйствительно, на оберткѣ моего пакета былъ крестъ и двѣ буквы; я отдалъ его незнакомцу, прося дать росписку. На ней тоже былъ крестъ и буквы, какъ на пакетѣ. Я былъ доволенъ, что добросовѣстно выполнилъ порученіе неизвѣстной красавицы и занялся своими дѣлами. Возвратясь въ отель обѣдать, я узналъ что какой-то господинъ нѣсколько разъ уже спрашивалъ меня. Вотъ онъ опять идетъ, сказаль швейцаръ. Красивый пожилой человѣкъ, высокій и съ усами, подходитъ ко мнѣ и проситъ поговорить безъ свидѣтелей. Я привелъ его въ свою комнату и тамъ онъ спросилъ пакета съ зеленой лентой. Я отвѣчалъ, что отдалъ пакетъ человѣку, приходившему за нимъ утромъ, и показалъ ему росписку.

— Несчастный, что ты надѣлалъ! вскричалъ старикъ, это былъ мой пакетъ. Теперь онъ въ рукахъ русскаго полицейскаго офицера. Я погибъ. Господинъ вышелъ и скрылся на улицѣ. Моя ошибка была невольная. Я попался опытному русскому полицейскому офицеру. Леонора должна была предупредить меня не отдавать пакета никому, кромѣ человѣка, который спроситъ письма съ зеленой лентой. Зная мстительный характеръ поляковъ, я съ первымъ же поѣздомъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда вернулся въ Берлинъ, ни минуты не останавливаясь въ Вильнѣ. Никогда больше не буду ухаживать за польками, какъ ни будь онѣ хороши. Разсказавъ это, молодой человѣкъ увѣрялъ меня, что не поѣдетъ больше путешествовать по Польшѣ.

Я также могу привести много другихъ примѣровъ, доказывающихъ, что внутреннее правленіе секретной полиціи жонда было почти исключительно ввѣрено женщинамъ. Въ Польшѣ мы находимъ много семействъ, носящихъ нѣмецкія и многія другія фамиліи, но сдѣлавшихся совершенно поляками. Это также доказываетъ вліяніе полекъ, которыя, выйдя за мужъ за иностранцевъ, всегда воспитывали дѣтей въ польскомъ духѣ. Напр. Лелевели, къ которымъ принадлежалъ знаменитый ученый, умершій въ Брюселѣ

въ 1861 г., и начальникъ банды, часто упоминаемый въ журналахъ — прусскаго происхожденія, ихъ истинное имя Дельгофель фонъ Ловенштрунгъ. Чапскія происходятъ отъ знаменитаго Ульриха фонъ-Гуттенъ. Фамилія Чапскихъ есть только переводъ нѣмецкой фамиліи. Между извѣстными польскими фамиліями мы находимъ Бейеровъ, Денгольфовъ, Фалькерсамовъ, Гейденштейновъ, Платеровъ, Физгаусеновъ и много другихъ нѣмецкихъ именъ. Бутлеры происходятъ изъ Ирландіи; Флемминги, Гильденштерны изъ Швеціи; Материлано, Саллороми, Понятовскіе (Торелли) изъ Италіи. Дѣвица Пустовойтова, мнимый адъютантъ Лангевича, дочь русскаго маіора, женатаго на полькѣ.

Я уже говорилъ, что полька управляется своимъ духовникомъ. Это ясно доказываетъ, что несчастіе Польши происходитъ отъ испорченности духовенства, попирающаго ногами принципы христіанской религіи. Можно и должно дать другое направленіе польскимъ женщинамъ. Должно доказать имъ, что истинный патріотъ долженъ стараться обезпечить счастіе народа, просвѣщать его и распространять цивилизацію, соотвѣтствующую времени. Пусть онѣ поймутъ, что правленіе императора Александра II идетъ по пути, ведущему къ счастію націй. Но прежде всего польскихъ женщинъ должно освободить отъ пагубнаго вліянія духовенства, о которомъ справедливо можно сказать, что оно ничему не выучилось и ничего не забыло. Начать. слѣдовательно, надо съ преобразованія р.-католическаго духовенства въ Польшѣ, если оно не хочетъ понимать словъ Спасителя, „Date Caesari, quod est Caesaris et Deo quod est Dei“. Владычество его въ Польшѣ продлится не долго. Въ городахъ и въ нѣмецкихъ колоніяхъ, — уже тысячи реформатовъ и лютеранъ и число ихъ возрастаетъ ежедневно. Всѣ они ревностные приверженцы русскаго правительства. Въ деревняхъ же русское духовенство, даже не стараясь объ этомъ, образуетъ тысячи прозелитовъ. Крестьянинъ видитъ превосходство предъ своимъ гордымъ ксендзомъ, жестокимъ, несправедливымъ, и часто безнравственнымъ, русскаго священника, истиннаго пастыря прихожанъ, подающаго въ своей частной жизни, съ женою и дѣтьми, примѣръ нравственности своей паствѣ. Поселянинъ принимаетъ р.-католическаго священника съ нѣкоторымъ страхомъ, а русскаго съ довѣріемъ, любовію и радушіемъ. Посредствомъ интригъ р.-католическое духовенство удержится еще на нѣсколько времени въ деревняхъ; но черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, даже

безъ всякаго вмѣшательства правительства, господствующая религія польскихъ крестьянъ, будетъ греко-россійская *).

ЗАБЫТАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ НА ВОЛЫНИ.

СВЯТЫЕ УГОДНИКИ ВОЛЫНСКІЕ.

Великими и высокознаменательными чертами напечатлѣлась исторія православной церкви на Волыни. Столько вѣковъ и такъ ярко цвѣла и развивалась здѣсь святая православная вѣра наша,—столько крови пролили и столько жизней положили наши предки за древнее благочестіе. Неужели же—думали мы много разъ—Господу Богу неугодно было прославить хоть кого нибудь изъ поборниковъ и подвижниковъ православной церкви волынской? Неужели всѣ они покоятся подъ спудомъ забытые, незнаемые, безъ прославленія? И обратили мы свои взоры на родныя почаевскія горы наши.... Тамъ, подъ кровомъ природной скалы Карпата, у самаго мѣста своихъ дивныхъ подвиговъ, нетлѣнно почиваетъ преп. угодникъ волынскій, св. Іовъ, игуменъ почаевскій. И не одна только Волынь знаетъ и чтитъ святую память его: его святыя мощи, подъ благодатнымъ осѣненіемъ чудотворной иконы почаевской Божіей Матери, зовутъ и привлекаютъ къ нему цѣлые сонмы земляковъ и единовѣрцевъ нашихъ отъ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Галиціи, Кавказа и Сибири. Но неужели препод. Іовъ почаевскій и есть только одинъ святой угодникъ, котораго Господу благоугодно было прославить въ церкви волынской?

Вопросъ этотъ вызванъ былъ распоряженіемъ нашего гражданскаго губернатора М. И. Черткова, которымъ онъ приглашалъ всѣ присутственныя мѣста Волынской губерніи избрать себѣ особенныхъ священныхъ покровителей изъ св. угодниковъ православной церкви и потомъ навсегда чтить память этихъ угодниковъ устройствомъ ихъ иконъ, возженіемъ предъ ними лампадъ, совершеніемъ молебновъ

*) Да, будетъ!... Есть много признаковъ того, что предсказаніе г. Вилькинсона исполнится. Ред.

въ день ихъ памяти, и т. п. Прекрасная мысль среди нашего ополяченнаго края! Но еще лучше было бы, думали мы, если бы эти присутственныя мѣста избрали своими покровителями и молитвенниками православныхъ угодниковъ волынскихъ. Но есть ли они, но кто они? Займемся посильнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ.

Въ „Словарѣ историческомъ о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ“, подъ 7-мъ числомъ сентября, значится память роднаго намъ угодника преподобнаго священномученика Макарія, архимандрита овручевскаго, родомъ изъ нашего же Овруча, изъ тамошней фамиліи Токаревскихъ (XVI в.) (*). Поблагословившись его именемъ, мы пошли далѣе, и по доброму началу открыли, что кромѣ священномученика Макарія, Волынь имѣла еще и имѣетъ святителя Стефана епископа Владиміра-волынскаго, котораго память чтится церковію 27 апрѣля (**), и преподобнаго Θеодора, князя острожскаго, котораго память, вмѣстѣ съ другими угодниками, почивающими въ дальнихъ пещерахъ Кіево-печерской лавры, гдѣ нетлѣнно покоятся и мощи св. Θеодора,—совершается 28-го августа (***). Такимъ образомъ, кромѣ св. Іова почаевскаго, вотъ еще три новыхъ родственныхъ волынской церкви святыхъ угодниковъ, носящихъ даже наименованія, заимствованныя отъ городовъ ея: Овруча, Владиміра, Острога.... Весьма было бы прилично, если бы эти святые угодники были избраны въ покровители присутственныхъ мѣстъ, состоящихъ въ упомянутыхъ городахъ.... Далѣе, мы вспомнили, что въ пещерахъ кіевскихъ есть мощи св. Іуліаніи дѣвы, княжны Ольшанской; церковь празднуетъ ея память 6 іюля, въ день обрѣтенія нетлѣнныхъ мощей ея (1624 г.). Фамилія Ольшанскихъ извѣстна на Волыни. Не родная ли намъ св. дѣва Іуліанія?... На серебряной дощечкѣ, найденной на ея гробѣ, значится, что святая Іуліанія была „дщерь князя Георгія Ольшанскаго, представившаяся дѣвою отъ рожденія своего въ шестое-надесять лѣто“. По древнему синодику, сохранившемуся у Кальнофойскаго, князь Юрій Дубровицкій-Ольшанскій былъ однимъ изъ благотворителей Печерской лавры и въ 1503 году сражался съ татарами. Это отецъ св. Іуліаніи. Кромѣ этого, извѣстно

(*) Словарь историческій о святыхъ стр. 153. Ополяченные потомки его нынѣ называются уже *Токаржевскими*.

(**) Тамъ же, стр. 222.

(***) Тамъ же, стр. 7, подъ именемъ Агафонъ, чудотв. печерскій.

евангеліе, писанное 1557 года „иждивеніемъ благовѣрной и христолюбивой княгини, супруги Козмы Ивановича Заславскаго, Настасьи Юрьевны, урожденной княжны Ольшанской." Это сестра св. Іуліаніи (*). Такимъ образомъ, св. праведная Іуліанія находится въ самомъ ближайшемъ родственномъ отношеніи къ уѣздному нашему городу Заславлю, — родинѣ и бывшей нѣкогда столицѣ князей Заславскихъ, и по справедливости можетъ и должна быть избрана въ покровители этого города.

Изъ житія преподобнаго Іова почаевскаго оказывается, что онъ только конецъ жизни своей провелъ въ монастырѣ почаевскомъ, а до того времени болѣе 20 лѣтъ былъ игуменомъ въ дубенскомъ, что на островѣ рѣки Иквы, Крестовоздвиженскомъ монастырѣ (**). Въ память такого единенія двухъ обителей доселѣ церковь этого монастыря причислена къ Почаевскій лаврѣ, и сюда ежегодно постановлено совершать крестный ходъ съ чудотворною иконою почаевской Божіей Матери изъ Почаевской лавры. Отсюда уже видно, что св. Іовъ Почаевскій долженъ быть избранъ въ покровители города Дубна?... Далѣе, въ числѣ первостоятелей русской церкви свѣтлѣется приснопамятное имя Петра, митрополита кіевскаго и московскаго и всея Россіи чудотворца, памятнаго всему русскому народу пророчественнымъ благословеніемъ нашей первопрестольной столицы и возвышеніемъ рода князей московскихъ и значеніемъ Москвы чрезъ перенесеніе митрополичей каѳедры изъ Владиміра въ только что возникавшую тогда столицу великаго князя Іоанна Даніиловича. Вся русская церковь празднуетъ память его 21 декабря, вмѣстѣ съ святыми Алексіемъ и Іоною 5 октября, а перенесеніе мощей его (1479 г.) 24 августа. А между тѣмъ, этотъ великій святитель былъ, какъ говорится наприм. въ нашихъ часословахъ „отъ волынскія земли, благочестиву родителю сынъ, отца именемъ Ѳеодора", и по преданію происходилъ изъ окрестностей г. Ковля, именно изъ мѣстечка Ратнаго, гдѣ на рѣкѣ Ратѣ построилъ обитель во имя Спаса Нерукотвореннаго образа, изъ игуменовъ каковой обители (по лѣтописямъ ряжской или ратской) и поставленъ потомъ во всерос-

(*) См. Русскіе святые, преосвящ. Филарета черниговск. Іюль, св. Іуліанія Ольшанская, стр. 319. Словарь историческ. о святыхъ, стр. 126.

(**) См. Житіе блаженнаго Іова, игумена Почаевскаго, изданное въ Почаевск. лаврѣ.

сійскіе митрополиты константинопольскимъ патріархомъ Аѳанасіемъ 1308 года (*). Какой же другой святой угодникъ можетъ быть избранъ въ покровители г. Ковля, какъ не святитель Петръ московскій? Наконецъ, Почаевская обитель, въ которой сіяетъ чудесами чудотворная икона почаевской Божіей Матери, состоитъ въ уѣздѣ Кременецкомъ, Волынской губерніи. Само собою понятно, что покрову Божіей Матери всего ближе и естественнѣе ввѣрить присутственныя мѣста города Кременца.

Послѣ этого, только для Житоміра, да четырехъ уѣздныхъ городовъ волынскихъ: Ровна, Луцка, Новоградъ-Волынска и Старо-Константинова не достаетъ особенныхъ, родныхъ имъ святыхъ угодниковъ, чтобы избрать ихъ въ покровители присутственныхъ мѣстъ, въ нихъ находящихся. Но самое наименованіе Старо-Константинова показываетъ, что ему всего приличнѣе встать подъ особенное священное покровительство *стараго Константина*, т. е. св. равноапостольнаго Константина Великаго, или какого нибудь изъ русскихъ царственныхъ угодниковъ этого имени, каковы наприм. св. Константинъ, сынъ Ѳеодора князя смоленскаго, 19 сентября, св. Константинъ князь муромскій, 21 мая, Константинъ Всеволодовичъ Ярославльскій, 3 Іюня, и др. Нечего и говорить, что по значенію Житоміра, какъ губернскаго города Волынской губерніи, ему всего приличнѣе посвятить себя покровительству всѣхъ угодниковъ волынскихъ, подъ именемъ собора св. волынскихъ чудотворцевъ, какъ есть, наприм., соборы угодниковъ и чудотворцевъ кіевскихъ, московскихъ, вологодскихъ и т. п. Что касается, наконецъ, Ровна, Луцка и Новоградъ-Волынска, то и для нихъ можно найдти много угодниковъ въ русскихъ православныхъ святцахъ. Надобно только принять въ соображеніе мѣстныя и другія обстоятельства, чтобы сдѣлать надлежащій выборъ, хотя Ровна и можетъ избрать своею покровительницею св. Ольгу, такъ какъ она посѣщала землю Древлянскую, т. е. наше волынское Полѣсье, а Ровно одинъ изъ городовъ этого Полѣсья. Извѣстно также, что нѣсколько времени игуменствовалъ на Волыни извѣстный святитель новгородскій св. Нифонтъ, почивающій нынѣ въ кіевскихъ пещерахъ (**); его и можно бы избрать въ покровители Луцка или

(*) Слѣды этого монастыря и теперь еще показываютъ возлѣ м. Ратнаго. Словарь историч. о свят., стр. 197.

(**) См. Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни. С.-Петербургъ, 1855 г., стр. 30.

Новоградъ-Волынска и т. п. Память его совершается въ Кіево-печерской лаврѣ 8 апрѣля (*).

Но мы и на половину не кончили бы своего дѣла, если бы все значеніе православныхъ нашихъ волынскихъ угодниковъ захотѣли ограничивать одними только присутственными мѣстами Волынской губерніи. Въ присутственныхъ мѣстахъ иному не придется побывать въ теченіе всей жизни; между тѣмъ, для того, дабы память о святыхъ нашей губерніи могла принести питающіе плоды ее надобно провести въ кругъ народа. Такое вразумленіе прежде всего и болѣе всего возвыситъ народное сознаніе обитателей Волынской губерніи и укрѣпитъ его религіозное чувство. Чѣмъ славна Москва, что возвышаетъ ее въ собственныхъ глазахъ и такъ обаятельно влечетъ къ ней сердца цѣлаго народа русскаго, какъ не обиліемъ святыни, въ ней находящейся? Что привлекаетъ въ Кіевъ столько тысячъ народа и дѣлаетъ его столь дорогимъ и священнымъ для православнаго русскаго люда, какъ не религіозное его значеніе, какъ не нетлѣнныя тѣла угодниковъ, въ немъ почивающихъ? Скажите и волынскому народу, что онъ вовсе не такъ бѣденъ духовнымъ достояніемъ, какъ это ему досель представляли, что и среди его выходили, подвизались и спасались родные ему святые мужи, цѣлою церковію россійскою почитаемые и признаваемые, — и онъ поднимется въ своемъ собственномъ сознаніи, съ большимъ чувствомъ осѣнитъ себя православнымъ крестнымъ знаменіемъ, съ большимъ дерзновеніемъ помолится Богу, вѣря, что его молитва будетъ окрылена святыми и дѣйственными молитвами болѣе близкихъ ему молитвенниковъ. Но самое главное, чего надобно ожидать отъ распространенія свѣдѣній о святыхъ угодникахъ волынскихъ въ средѣ православнаго волынскаго народа —это возвышеніе православія, укрѣпленіе въ немъ сознанія его святости, древности и пораженіе латино-польскихъ притязаній, въ ихъ коренныхъ основаніяхъ и началахъ. Тогда всякій православный волынянинъ можетъ сказать поляку-папистү: „ты превозносишь свою вѣру, стараешься поражать насъ шумомъ и казистостію своихъ церемоній.... А давно она здѣсь появилась, отчего появилась; много ли твоя хваленая вѣра содѣлала святыхъ угодниковъ на Волыни (**)? Когда еще здѣсь не было и духу поль-

(*) Словарь истор. о свят., стр. 189.

(**) Чтобы помочь бѣдѣ, латиняне не разъ пускались на хитрости, на сочиненіе святыхъ. По преданію, въ м. Лабунѣ, З........

скаго и латинскаго, вся эта страна была православной, въ ней уже ярче солнца сіяли представители и поборники св. православія волынской церкви: святитель Петръ, изъ Ратнаго, первостоятель московскій, преподобный Макарій изъ Овруча, постриженникъ овручскаго монастыря, архимандритъ овручскій, св. Өеодоръ изъ Острога, князь острожскій, и проч. и проч.". Противъ такихъ аргументовъ древности въ странѣ и святости православія не устоитъ никакая казуистика, ни польская, ни латинская, и превосходство православія предъ латинствомъ лучезарно будетъ сіять всѣмъ православнымъ и неправославнымъ обитателямъ Волыни.

Понятно само собою, какое особенное стараніе, послѣ этого, должно оказывать православное волынское духовенство въ дѣлѣ ознакомленія своихъ пасомыхъ съ памятью св. угодниковъ волынскихъ. Но, къ сожалѣнію, нужно сознаться, что духовенство волынское въ этомъ благомъ дѣлѣ не обнаруживаетъ должнаго старанія. Впрочемъ и духовенство наше очень мало виновато въ этомъ упущеніи. Въ волынской семинаріи хоть и говорятъ наставники о св. угодникахъ волынскихъ, но говорятъ вскользь, въ общемъ развитіи церковно-русской исторіи, а такія лѣтучія фразы почти

уѣзда, во время татарскихъ набѣговъ, былъ убитъ въ день св. Пасхи, во время священнослуженія, священникъ Золотаревичъ. Прихожане погребли его въ церкви, въ томъ самомъ облаченіи, въ которомъ онъ служилъ. Когда, подъ покровительствомъ князя Любомірскаго, утвердились въ Городищахъ кармелиты, тогда, по сосѣдству, они рѣшились овладѣть и Лабунемъ. Не успѣвъ упросить Любомірскаго отдать имъ лабунскую каменную церковь, они перенесли сюда изъ Городища свою деревянную городищенскую каплицу, оказавшуюся ненужною за постройкою тамъ новаго каменнаго кляштора, и, поставивъ ее прямо противъ церкви, когда Любомірскій былъ на сеймѣ, напали на эту церковь и насильно перенесли въ нее новопостроенную каплицу. Спустя нѣсколько времени въ отнятой церкви произошелъ пожаръ, вслѣдствіе котораго обрушился фронтонъ съ колонадою. Понадобилась перестройка; и тутъ то, при разломкѣ въ одномъ мѣстѣ стѣны, найдены были нетлѣнныя останки помянутаго священника Золотаревича. Ксендзы-кармелиты долго не задумывались, — они сняли съ Золотаревича ризы, которыя тоже оказались нетлѣнными, обрили ему бороду, подстригли въ кружокъ волоса, по уставу кармелитскому, и закупоривъ его мощи въ ящикъ, переслали къ своему провинціалу въ Вильну. Гдѣ теперь эти мощи—неизвѣстно; но мы смѣемъ догадываться: не они ли это ходятъ нынѣ по міру подъ именемъ какого то импровизированнаго латинскаго святаго Андрея Боболи?

всегда ускользают изъ памяти воспитанниковъ. Они твердо помнятъ только память преподобнаго Іова, и его преставленіе, по распоряженію архіепископа волынскаго, нынѣ митрополита кіевскаго Арсенія, празднуется (28-го октября) въ семинаріи. Объ остальныхъ угодникахъ волынскихъ знаютъ немногіе и немногое. При такомъ положеніи дѣла, и въ особенности по старой привычкѣ нашей дѣлать все только по указанію свыше, и въ настоящемъ случаѣ инициатива должна быть отъ начальства. И надобно признаться, никогда еще въ его рукахъ не было такъ много средствъ къ достиженію этой вожделенной цѣли, какъ въ настоящее время.

И во-первыхъ,—благодаря пособію правительства, на Волыни строится теперь много новыхъ храмовъ. Намъ кажется, что настоящій архипастырь нашъ оставилъ бы по себѣ незабвенную память на Волыни, если бы указалъ освящать нѣкоторые изъ нихъ во имя св. угодниковъ волынскихъ. А то, сколько намъ извѣстно, кромѣ почаевскаго храма, устроеннаго высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, у насъ даже нѣтъ другаго храма во имя преп. Іова почаевскаго. Кстати, и въ самомъ Житомірѣ строится новый каѳедральный соборъ; какъ было бы умѣстно посвятить его памяти св. угодниковъ волынскихъ! Само собою, о построеніи храмовъ на мѣстахъ жизни, прославленія или происхожденія нашихъ святыхъ угодниковъ и говорить нечего: это долгъ, свято исполняемый во всѣхъ мѣстахъ, во всей церкви православной, — къ сожалѣнію, только совершенно забытый у насъ на Волыни.

Послѣ этого, святое дѣло сдѣлало бы наше епархіальное начальство, если бы, по примѣру митрополита Арсенія, приказало, кромѣ преп. Іова, нарочито праздновать память и другихъ угодниковъ волынскихъ, особенно въ семинаріи, и какихъ нибудь 4—5 дней, посвященныхъ молитвѣ, не повредили бы дѣлу семинарской науки и образованія; а между тѣмъ, воспитанники, пріучившись въ семинаріи праздновать память родныхъ угодниковъ, продолжали бы это святое дѣло и на приходахъ, и такимъ образомъ становились бы проповѣдниками родной святыни въ своей губерніи. Не страдаетъ же въ Кіевѣ ни наука, ни воспитаніе отъ того, что тамъ кромѣ урочныхъ праздниковъ воспитанники всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній празднуютъ еще память св. великомученицы Варвары, священномученика Макарія. Слышали мы также, что въ волынской семинаріи думаютъ перестроивать теплую

церковь. Какъ и соборъ житомірскій, ее бы тоже, по нашему, слѣдовало посвятить памяти какого нибудь изъ угодниковъ волынскихъ, или еще лучше цѣлому собору этихъ угодниковъ. Прилично было бы также воспоминать всѣхъ угодниковъ волынскихъ на литійныхъ эктеніяхъ и въ другихъ молитвахъ, какъ это дѣлается наприм. въ кіевской и другихъ губерніяхъ. Не мѣшало бы распорядиться праздновать всѣмъ волынскимъ угодникамъ, какъ на мѣстѣ ихъ жизни, происхожденія или прославленія, такъ и во всей Волынской губерніи. При нынѣшней свободѣ народа, это весьма возможно и доступно, а о нравственной пользѣ такихъ празднествъ и говорить нечего. Еще лучше было бы, еслибъ избранъ былъ какой нибудь особенный день для празднованія всѣмъ св. угодникамъ волынскимъ, и этотъ день, съ благословенія и утвержденія святѣйшаго синода былъ посвящаемъ общему волынскому празднику. Всего приличнѣе, конечно, назначить бы этотъ день осенью, когда народъ нашъ освобождается отъ работъ и когда вообще онъ какъ то болѣе бываетъ расположенъ праздновать, чѣмъ въ какое другое время года. Само собою разумѣется, что при этомъ весьма кстати было бы составить, или если гдѣ есть готовыя, напечатать службы всѣмъ угодникамъ волынскимъ, и разослать ихъ по всей Волынской губерніи, для всеобщаго употребленія. А то мы наприм. знаемъ положительно, что въ Почаевской лаврѣ есть акаѳистъ препод. Іову почаевскому; его и теперь читаютъ тамъ предъ мощами св. угодника; есть также тропарь и кондакъ этому угоднику, также употребляемые въ Почаевской лаврѣ. А между тѣмъ неизвѣстно, по какимъ причинамъ они и доселѣ не напечатаны. Этого мало, возмите вы какіе угодно святцы, московскіе или кіевскіе, тамъ непремѣнно вы найдете указаніе всѣхъ угодниковъ, чтимыхъ въ предѣлахъ кіевскихъ или московскихъ. Переберите же всѣ мѣсячныя минеи, напечатанныя въ Почаевской лаврѣ, пересмотрите всѣ ея святцы—и вы ни въ одномъ мѣстѣ не найдете даже намека хоть на одного изъ угодниковъ волынскихъ, если не включить сюда общаго всей русской церкви святителя Петра московскаго (*). Даже святому Іову Почаевскому не удѣ-

(*) Не можемъ не замѣтить, что на этотъ разъ немалую ошибку сдѣлалъ также и Народный кіевскій календарь 1866 г. Въ своихъ святцахъ онъ помѣстилъ имена почти всѣхъ св. угодниковъ кіевскихъ и кіево-печерскихъ, но не удѣлилъ ни одного мѣста ни одному угоднику волынскому. А между тѣмъ онъ назначаетъ себя

лено нигдѣ ни строчки. Это грустное умолчаніе не есть ли уловка почаевскаго уніатства, которое ни въ одной изъ богослужебныхъ книгъ, изданныхъ уніатами въ Почаевской обители, нигдѣ не помѣстили ни одного угодника волынскаго, не исключая и самаго Іова почаевскаго (*). Но для уніатовъ въ этомъ случаѣ были свои собственные разсчеты и интересы; а чѣмъ оправдываемъ себя мы, православные? Когда латиняне захотѣли прославить своего импровизированнаго святаго Андрея Боболи, они долго не думали: послали въ Римъ и тамъ напечатали сотни службъ этому святому, нашли средства переслать эти службы на Волынь, по которымъ вѣроятно теперь служитъ не одинъ изъ ксендзовъ волынскихъ.

Хорошо было бы напечатать жизнеописанія всѣхъ прославленныхъ на Волыни святыхъ и, въ даръ, или за умѣренную плату, разослать ихъ по церквамъ и въ особенности по сельскимъ училищамъ Волынской епархіи. Для этого нѣтъ надобности составлять новыя жизнеописанія; онѣ уже напечатаны въ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ г. Муравьева, въ Историческомъ словарѣ о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви у преосвященнаго Филарета, архіепископа черниговскаго въ его помѣсячномъ изданіи: „Русскіе святые" и т. п. Намъ удавалось даже встрѣчаться нѣсколько разъ съ отдѣльными жизнеописаніями Макарія овручскаго, изданными въ С.-Петербургѣ и т. п. Можно развѣ не желать, чтобы всѣмъ этимъ жизнеописаніямъ дано было какое нибудь особенное единство. Для этого ихъ всѣхъ можно издать въ отдѣльной книжкѣ, съ приличнымъ предисловіемъ, въ которомъ было бы выяснено значеніе нашихъ угодниковъ, ихъ отношеніе къ Волыни и т. п. Само собою разумѣется, что при этомъ должно быть вмѣнено въ особую обязанность наставникамъ церковной исторіи въ волынской семинаріи, вмѣстѣ съ исторіею волынской церкви знакомить воспитанниковъ въ частности съ жизнію волынскихъ угодниковъ, прославившихъ своими подвигами и дѣятельностію эту исторію.

исключительно, можно сказать, для нашего югозападнаго края Россіи. Смѣемъ надѣяться, что при новомъ изданіи на будущій годъ редакторы кіевскаго народнаго календаря поспѣшатъ поправить эту ошибку.

(*) Впрочемъ мы слышали, что почаевскіе базиліане хотѣли канонизовать препод. Іова, только, говорятъ, папа нашелъ, что гдѣ то препод. Іовъ неблагосклонно отзывался о римской вѣрѣ, и отказалъ въ канонизаціи.

Отъ епархіальнаго начальства обращаемся къ братствамъ волынской епархіи. Сколько намъ извѣстно, изъ нихъ оффиціально заявили себя — братство луцкое-покровское и острожское свято-Кирилло-Мееодіевское. Послѣднее, какъ извѣстно даже путемъ оффиціальнымъ,— собирается строить церковь въ Острогѣ во имя Свв. Кирилла и Мееодія. Надѣемся, что оно устроитъ у себя хоть придѣлъ во имя роднаго городу Острогу святаго угодника печерскаго Өеодора, князя острожскаго. Но на братствахъ волынскихъ, кромѣ этого, могутъ и должны лежать и другія обязанности въ отношеніи св. угодниковъ волынскихъ. Всѣмъ извѣстно, что главною причиною забвенія волынскимъ народомъ воспоминаній о свят. угодникахъ волынскихъ были латино-польская пропаганда на Волыни. Ея вліянію обязаны мы тѣмъ, что православный волынскій народъ въ настоящее время гораздо болѣе знаетъ какого нибудь Яна-непомуцена, статуи котораго, къ стыду православія, и доселѣ еще красуются на всѣхъ перекресткахъ большихъ и малыхъ дорогъ волынскихъ,— или Антонія падуанскаго, о которомъ между волынцами ходитъ іезуитское убѣжденіе, что это тотъ же святой, что и преподобный Антоній печерскій и т. п., чѣмъ самаго даже Іова Почаевскаго. Было бы весьма законно, на мѣстѣ статуи Яна-непомуцена, какъ символа латинскаго преобладанія, поставить святыя иконы угодниковъ волынскихъ, ближайшихъ по мѣсту жительства, происхожденія, или прославленія къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ стоятъ подобныя статуи; построить побольше русскихъ православныхъ часовень въ городахъ и селахъ съ этими иконами и т. п. А для того, чтобъ отбить въ народѣ охоту молиться *do świętego Antoniego*, налагать въ пользу церкви небольшіе штрафы на тѣхъ, которые бы ходили въ костелы на *отпусты* въ дни празднованія памяти этого латинскаго святаго, какъ это, знаемъ мы, сдѣлали прихожане одного села Заславскаго уѣзда, православные жители котораго ежегодно прежде собирались на одпустъ *do świętego Antoniego* у бернардиновъ заславскихъ; теперь уже не оказывается охотниковъ ходить на помянутый одпустъ (*).

(*) Впрочемъ мы не знаемъ, что и сказать объ этомъ отпустѣ. Довольно одного бѣглаго взляда на Заславскій бернардинскій костелъ, чтобы замѣтить его православный характеръ;— и стоитъ онъ на востокъ и архитектура его — не латинская.... А народъ нашъ собственно и ходитъ въ заславскій костелъ на поклоненіе, потому,— что увѣренъ, что онъ тамъ чествуетъ св. Антонія печерскаго. И преданіе говоритъ, что это именно и былъ нѣкогда православный

Далѣе, почему бы нашимъ волынскимъ братствамъ не освѣщаться хоть по мѣстамъ именами нашихъ св. угодниковъ волынскихъ? — Главное же, отъ нихъ болѣе всего можно ожидать распространенія жизнеописанія этихъ угодниковъ, ихъ иконъ, торжественнаго совершенія ихъ памяти и многаго другаго, что изложили мы отчасти при изложеніи своихъ чаяній отъ волынскаго начальства епархіальнаго. Безсомнѣнія съ теченіемъ времени у насъ будетъ побольше братствъ, подобныхъ луцкому и острожскому, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и шире распространится такъ дорогая для Волыни память нашихъ святыхъ угодниковъ волынскихъ.

Наконецъ, считаемъ долгомъ обратиться, отъ лица всѣхъ чтителей волынскихъ чудотворцевъ, съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ извѣстнымъ живописцамъ нашихъ столицъ, и въ особенности къ извѣстному уже своими прекрасными произведеніями по части церковной живописи, г. Солнцеву, — не благоугодно ли будетъ кому нибудь изъ нихъ взяться составить общую икону для угодниковъ волынскихъ. По нашему крайнему разумѣнію, она могла бы быть составлена слѣдующимъ образомъ: замѣтимъ между прочимъ, что у насъ на Волыни, кромѣ святыхъ угодниковъ есть много православныхъ чудотворныхъ иконъ. По нашему мнѣнію, можно бы икону для волынскихъ святыхъ составить слѣдующимъ образомъ: Въ центрѣ иконы — чудотворная икона почаевской Божіей Матери съ ликами по сторонамъ, факсимиле которой можно получить въ Почаевской лаврѣ. Въ верху надъ нею почаевская гора, съ чудотворною стопою, а по сторонамъ — крестьянинъ, пасущій стадо, котораго Господь сподобилъ быть зрителемъ явленія Божіей Матери на горѣ почаевской, видѣвшій это чудо, а надъ нимъ въ облакахъ гербъ Волынской губерніи — красный крестъ въ голубомъ щитѣ. За тѣмъ, ниже въ горѣ, съ одной стороны естественная пещера и въ ней преподобный Іовъ почаевскій, молящійся предъ иконою почаевской Божіей Матери, какъ изображается онъ часто въ Почаевской лаврѣ, — съ другой стороны — другая пещера искуственная, и въ ней преподобный Ѳеодоръ, князь острожскій съ княжескимъ вѣнцомъ у ногъ. Но образъ можно видѣть въ кіевскихъ пещерахъ надъ его мощами, также на общей иконѣ чудотворцевъ печерскихъ, изданной въ

монастырь во имя пр. Антонія. Такимъ образомъ народъ волынскій является здѣсь болѣе преемникомъ древняго преданія, нежели чтителемъ римско-католической святыни.

Кіевской лаврѣ, подъ именемъ: „Соборъ преподобныхъ печерскихъ.“ За симъ ниже, съ той и другой стороны, виды селеній или городовъ и надъ однимъ изъ нихъ въ облакахъ чудотворная икона св. Николая Западинецкаго; ея факсимиле можно получить изъ села Западинецъ Староконстантиновскаго уѣзда, — а подъ нею святитель Стефанъ Владимірскій, возвышающійся надъ городомъ;— его изображеніе такъ рѣдко, что мы не можемъ даже порекомендовать, гдѣ искать его; съ другой — въ облакахъ чудотворная икона Спасителя Боримельскаго; ея факсимиле въ м. Боремлѣ, Кременецкаго уѣзда, а подъ нею надъ городомъ преподобномученикъ Макарій, архимандритъ овруческій; его изображеніе можно видѣть въ Переяславлѣ, Полтавской губерніи, гдѣ нетлѣнно почиваютъ его мощи. За тѣмъ, еще ниже, подъ иконою почаевской Божіей Матери лики: митрополита Петра, общій типъ его изображенія извѣстенъ; и св. Іуліаніи, княжны Ольшанской, ея изобр. въ пещерахъ кіевскихъ надъ ея мощами, — равно какъ и на иконѣ: „Соборъ преподобныхъ печерскихъ.“ Въ основаніе иконы можно бы положить видъ Почаевской лавры, какъ представляется онъ съ великорусской стороны, т. е. съ востока, каковый можно получить изъ Почаевской лавры (*). Общая поднись можетъ быть слѣдующая: „Соборъ святыхъ угодниковъ волынскихъ.“ Не мѣшало бы также при этомъ, подъ ликомъ каждаго изъ святыхъ — хоть бы въ полусвѣтѣ на самой иконѣ—означить день памяти ихъ, мѣсто происхожденія и прославленія и т. п.....

Неизлишнимъ было бы наконецъ, если бы Почаевская лавра постаралась обзавестись небольшими дешевыми бумажными отдѣльными изображеніями волынскихъ угодниковъ, какъ есть, напр., тамъ изображенія почаевской Божіей Матери и пр. Іова почаевского. Только еще было бы лучше, если бы на нихъ были приложены краткія жизнеописанія этихъ святыхъ съ означеніемъ дня памяти ихъ, мѣста прославленія и т. п. Народъ, безъсомнѣнія, съ удовольствіемъ пріобрѣталъ бы эти изображенія и разнося ихъ по домамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и знакомился со св. угодниками, на нихъ изображенными.

(*) Хорошо было бы гдѣ нибудь помѣстить также на этой иконѣ видъ церквей, построенныхъ у насъ св. великимъ княземъ Владиміромъ, каковы напр. Васильевская церковь въ Овручѣ, также Васильевская въ Владимірѣ Волынскомъ,— въ Олевскѣ и т. п. Видъ ихъ можно получать съ мѣста.

Льстимъ себя надеждою, что нашъ голосъ не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и въ этомъ чаяніи оканчиваемъ свою статью, призывая Божіе благословеніе на это дѣло молитвами святыхъ славныхъ чудотворцевъ волынскихъ и всѣхъ святыхъ.

Русскій православный изъ Волыни.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ВОСПИТАНІЯ ВЪ УЧИЛИЩАХЪ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ И ПРИНЕСЕННЫЯ ИМЪ ПЛОДЫ. (1)

Отъ Редакціи.

Въ примѣчаніи къ статьѣ: „Объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія", заимствованной изъ „Сѣверной Почты" и перепечатанной въ предыдущей книжкѣ Вѣстника, мы обѣщались воспроизвести на страницахъ нашего изданія ту часть изъ извѣстнаго сочиненія, съ вышепрописаннымъ названіемъ, которая озаглавлена такъ: „Нѣкоторыя черты воспитанія въ училищахъ духовнаго званія и принесенные имъ плоды". Теперь мы исполняемъ это обѣщаніе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что этотъ отрывокъ изъ вышеназваннаго прекраснаго сочиненія, составленнаго по распоряженію г. оберъ-прокурора (нынѣ и министра народнаго просвѣщенія), графа Д. А. Толстаго, есть новое доказательство благотворности училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, такъ равно и обличеніе невѣрности взгляда на эти училища нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ и подтвержденіе раціональности и основательности тѣхъ убѣжденій, которыя высказаны нами въ III отдѣлѣ предыдущей книжки Вѣстника (стран. 13—28.)

При учрежденіи *особыхъ* училищъ для дѣвицъ духовнаго званія лежала въ основаніи та мысль, что не говоря уже о недоступности воспитанія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но его до-

(1) Изъ сочиненія: „Объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія."

роговизнѣ, или по его исключительной сословности, въ институтахъ для дѣвицъ дворянскаго происхожденія самое направленіе этого воспитанія, его духъ, сущность, обстановка, совершенно не соотвѣтствовали будущей участи и назначенію дочерей духовенства.

Изъ этихъ послѣднихъ требовалось непремѣнно воспитать твердо православныхъ христіанокъ, привыкшихъ къ строгому исполненію всѣхъ обычаевъ православной церкви и основательно наставленныхъ въ ученіи вѣры; опытныхъ, трудолюбивыхъ и самоработящихъ домохозяекъ; жёнъ и матерей, не мечтающихъ объ удовольствіяхъ свѣтской жизни, но способныхъ всецѣло предаться исполненію своихъ многосторонних семейныхъ обязанностей, готовыхъ довольствоваться самымъ скромнымъ существованіемъ и, съ покорностью предъ волею Провидѣнія, посвятить всю свою жизнь на честный трудъ и на пользу ближнихъ.

Эти требованія истинно велики, и для ихъ удовлетворенія необходимы многія условія, установленіе и соблюденіе которыхъ немыслимо въ нашихъ свѣтскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ для дѣвицъ, по крайней мѣрѣ, еще на долгое время. Вотъ почему утвердилось сознательное убѣжденіе въ необходимости учредить для дочерей духовенства *особыя* училища, которыя находились бы подъ непосредственнымъ руководительствомъ и надзоромъ духовнаго вѣдомства. Это мнѣніе, какъ мы видѣли, было высказано при самомъ приступѣ къ дѣлу, въ запискѣ, составленной по указаніямъ его основательницы, Великой Княжны Ольги Николаевны; оно было повторено во всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода и подтверждаемо многими преосвященными въ ихъ представленіяхъ объ открытіи епархіальныхъ училищъ дѣвицъ духовнаго званія; это убѣжденіе раздѣляется всѣми людьми, которые вдумались въ этотъ вопросъ внимательно и разсмотрѣли его безпристрастно со всѣхъ сторонъ.

Остается взглянуть, какія были приняты особенныя мѣры къ достиженію особенныхъ цѣлей, указанныхъ при учрежденіи училищъ духовнаго званія; остается провѣрить дѣйствительно ли установленный въ нихъ порядокъ воспитанія рѣзко отличаетъ ихъ въ этомъ отношеніи отъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Вотъ, что читается въ годовыхъ отчетахъ, представляемыхъ Августѣйшей Покровительницѣ училищъ дѣвицъ духовнаго званія, относительно пріученія воспитанницъ къ рукодѣліямъ и къ занятіямъ по хозяйственной части:

«Каждый день постоянно двѣ воспитанницы, по очереди, дежурили по хозяйству подъ руководствомъ смотрительницы; онѣ сбивали масло, приготовляли творогъ, накрывали и убирали столы, мыли серебро и посуду; на кухнѣ чистили зелень и исполняли другія хозяйственныя работы, по своимъ силамъ. Въ теченіи лѣта онѣ работали въ огородѣ.»

«Каждый день занимаясь рукодѣліемъ, воспитанницы старшаго и средняго классовъ прочно и чисто шьютъ и кроятъ бѣлье и платья, мѣтятъ бѣлье, вышиваютъ по канвѣ, вяжутъ чулки и перчатки, и вообще дѣлаютъ все для нихъ нужное; онѣ сами изготовили бѣлье для выпускныхъ воспитанницъ; сверхъ того занимались шитьемъ священническихъ одеждъ и приготовленіемъ различныхъ церковныхъ украшеній. Ученицы младшаго класса шьютъ и вяжутъ доволно чисто и прочно.»

«Каждый день шесть воспитанницъ, по двѣ изъ каждаго класса, по очереди вступаютъ въ дежурство по хозяйству, подъ надзоромъ наставницы. Воспитанницы двухъ старшихъ классовъ оказали такіе успѣхи въ хозяйствѣ, что научились приготовлять всѣ употребляемыя въ училищѣ кушанья и печь хлѣбы, заготовлять въ прокъ провизію и приготовлять разные припасы изъ молока. По окончаніи дежурства, воспитанницы обыкновенно отдаютъ начальницѣ отчетъ въ употребленной ими провизіи, съ означеніемъ цѣны каждому предмету. Младшія воспитанницы исполняютъ работы, соотвѣтственныя ихъ возрасту. Всѣ же вмѣстѣ, подъ руководствомъ бѣлевой, учились мыть бѣлье и почти ежедневно катаютъ, гладятъ и складываютъ его. Въ теченіи лѣта воспитанницы ходили многократно на училищный огородъ, гдѣ, подъ руководствомъ огородника, садили, пололи, поливали зелень, собирали сѣмена, убирали овощи съ грядъ, теребили ленъ и жали.»

«Дежурныя воспитанницы..... чистили ножи, вилки, подсвѣчники, мыли посуду, накрывали столы, служили во время кушанья.»

«Дежурныя воспитанницы участвуютъ въ выдачѣ провизіи и постепенно вводятся во всѣ подробности домашняго хозяйства. Вечеромъ даютъ подробный отчетъ, представляя записку о количествѣ всѣхъ употребленныхъ припасовъ, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Лѣтомъ участвуютъ во всѣхъ огородныхъ работахъ.»

«Воспитанницы занимались ежедневно рукодѣліемъ; все бѣлье для своего употребленія онѣ приготовили сами и весьма порядоч-

но; болѣе искусныя даже шили платья, стегали теплыя одежды, вязали себѣ теплыя чулки и перчатки.»

Эти донесенія вполнѣ доказываютъ, что воспитанницы училищъ духовнаго вѣдомства не выходятъ изъ нихъ бѣлоручками и ни къ чему не умѣющими приложить собственныхъ рукъ; но дѣйствительно обучаются и пріучаются тамъ къ исполненію всѣхъ обязанностей исправной и трудолюбивой домохозяйки.

Весьма естественно, что нельзя представить доказательствъ столь же положительныхъ и наглядныхъ относительно религіозно-нравственной стороны воспитанія въ этихъ училищахъ, такъ какъ судить объ этомъ предметѣ возможно только по разсмотрѣнію его внутреннихъ, духовныхъ свойствъ, а не по внѣшнимъ признакамъ. Однако и въ этомъ отношеніи можно указать на принятіе такихъ мѣръ, которыя неминуемо должны дѣйствовать къ развитію въ разумномъ существѣ, особенно въ юныхъ и чистыхъ созданіяхъ, чувства любви къ Богу, церкви, ближнему, съ укорененіемъ правилъ христіанской нравственности и сознанія долга къ самому себѣ и къ людямъ.

Воспитанницы пріучаются къ соблюденію всѣхъ обычаевъ и постовъ, установленныхъ православною церковью, съ чувствомъ священнаго уваженія къ ея постановленіямъ; онѣ присутствуютъ на всѣхъ праздничныхъ богослуженіяхъ, принимая сами участіе въ чтеніи и пѣніи; обученіе ихъ Закону Божію не ставится на послѣдній планъ преподаванія и не ограничивается краткимъ обзоромъ библейской исторіи и поверхностнымъ знаніемъ катихизиса, но производится основательно, тщательно и въ качествѣ главнаго предмета преподаванія; кромѣ св. исторіи и катихизиса имъ преподаютъ ученіе о священныхъ храмахъ и ихъ принадлежностяхъ, о дѣйствіяхъ и временахъ богослуженій, исторію церкви вселенской и русской; по субботамъ, внѣ классовъ, ихъ заставляютъ выучивать и объясняютъ имъ псалмы, каноны и разныя церковныя пѣсни; законоучители бесѣдуютъ съ ними о святыхъ истинахъ православія, объясняютъ имъ Евангеліе, читаютъ назидательныя духовныя произведенія. Всѣ эти занятія, при разумномъ и толковомъ объясненіи ихъ смысла, значенія и цѣли, знакомятъ и сближаютъ человѣка съ Богомъ; но узнать Бога — не значитъ ли полюбить Его и вступить на путь добра?

Еще въ стѣнахъ училища питомицы его пріучаются къ труду на пользу ближняго и къ дѣламъ благотворительности: воспитанницы

старшаго класса одного изъ училищъ занимались въ воскресные дни обученіемъ приходящихъ ученицъ, въ учрежденной при училищѣ воскресной домашней школѣ. Воспитанницы другаго училища посвящали праздничное время на заготовленіе разной одежды для бѣдныхъ. Въ прекрасномъ наставленіи, данномъ однимъ изъ преосвященныхъ учрежденному его заботливостью училищу, было между прочимъ сказано: «Въ случаѣ нужной помощи безвозмездною работою для бѣдныхъ и нищихъ надобно располагать дѣтей, чтобы онѣ дѣлали то охотно и съ любовію; кромѣ того, если у которыхъ будутъ заработаны деньги и онѣ захотятъ сдѣлать по какой нибудь вещи для бѣдныхъ, напримѣръ, рубашку, чулки, перчатки, и т. п., не только дозволять то, но и поощрять дѣтей въ томъ, и раздачу такихъ работъ ихъ для бѣдныхъ дѣлать однажды въ годъ, 12 ноября, какъ въ день Іоанна Милостиваго, патріарха александрійскаго; можно раздавать вещи бѣднымъ въ училищѣ, или отослать куда нужно.»

Изъ приведенныхъ указаній можно сдѣлать выводъ, что со стороны духовнаго вѣдомства приняты всѣ мѣры и приложено внимательное стараніе къ осуществленію цѣлей, предначертанныхъ училищамъ дѣвицъ духовнаго званія,— возникаетъ вопросъ: принесло ли это воспитаніе дѣйствительные добрые плоды и желанную пользу?

Нѣсколько изъ этихъ заведеній, учрежденныя уже давно и давшія отъ 4-хъ до 9-ти выпусковъ воспитанницъ (бывающіе черезъ 2 года), могли бы представить многочисленныя данныя къ разрѣшенію предложеннаго вопроса; но, къ сожалѣнію, только тѣ училища, которыя имѣютъ счастіе состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, представляютъ въ всеподданнѣйшихъ отчетахъ Ея Величеству свѣдѣнія о бывшихъ своихъ воспитанницахъ. Такимъ образомъ источники, изъ которыхъ можно бы почерпнуть требуемыя указанія—весьма ограничены; однако они существуютъ, и этого достаточно.

Пусть же на сдѣланный вопросъ отвѣчаютъ слѣдующія свидѣтельства:

Почтенная начальница ярославскаго училища, Е. П. Шипова, подъ истинно материнскимъ попеченіемъ которой воспитываются дѣвицы трехъ епархій, сообщала постоянно самыя утѣшительныя свѣдѣнія о бывшихъ ея воспитанницахъ, за жизнію и дѣйствіями

коихъ по выходѣ изъ заведенія, она всегда слѣдитъ съ сердечнымъ участіемъ. Вотъ цѣлый рядъ ея отзывовъ:

«Польза этого воспитанія выражается въ вышедшихъ изъ училища воспитанницахъ, изъ коихъ большая часть уже въ замужествѣ. Священники, вступившіе съ ними въ супружество, благословляютъ за судьбу свою Бога и Августѣйшихъ благодѣтелей училища, раздѣляя чувства признательности своихъ женъ къ мѣсту ихъ воспитанія. Сами же воспитанницы, увѣренныя, что Всеблагій и Премудрый промыслъ располагаетъ ихъ жребіемъ, совершенно довольны своею участью, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, въ началѣ новой своей жизни, по недостатку средствъ къ содержанію, должны были сами исполнять всѣ труды домашняго хозяйства, не имѣя себѣ въ помощь никакой прислуги. Однако, занимаясь обязанностями по домохозяйству, онѣ не теряютъ изъ вида своихъ прихожанъ и стараются быть имъ полезными. Нѣкоторые отзывы поселянъ, имѣющихъ въ своихъ селахъ священниковъ, женившихся на воспитанницахъ училища, подкрѣпляютъ надежду, что воспитаніе въ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія принесетъ со временемъ обильный плодъ.»

«Училищное начальство имѣло случай удостовѣриться въ томъ, что получаемое дѣвицами воспитаніе дѣйствительно соотвѣтствуетъ тѣмъ обязанностямъ, которыя предстоятъ имъ впослѣдствіи въ скромномъ семейномъ кругу сельскихъ священниковъ. Прекрасные примѣры супружества ихъ съ молодыми священниками служатъ и для духовенства лучшимъ убѣжденіемъ, что училище выполняетъ усердно свое предназначеніе, столь важное для улучшенія домашняго быта духовнаго сословія. Въ текущій годъ поступило огромное число просьбъ о принятіи въ число воспитанницъ будущаго пріема не только на казенное содержаніе, но и пансіонерками, даже отъ бѣдныхъ родителей, жертвующихъ послѣдними средствами для помѣщенія своихъ дочерей въ училище.»

«Нѣкоторыя воспитанницы послѣдняго выпуска уже замужемъ и, большею частью, за священниками, поступившими въ приходы скудно удовлетворяющіе потребностямъ житейскимъ. Недостатокъ средствъ не имѣетъ вліянія на бодрость духа бывшихъ воспитанницъ. Онѣ съ основательными свѣдѣніями въ хозяйствѣ и привыкнувъ во всемъ наблюдать порядокъ и чистоту, водворили въ скромныхъ жилищахъ своихъ всю зависящую отъ нихъ благовидность; умѣя довольствоваться тѣмъ, чѣмъ Богъ ихъ надѣляетъ,

онѣ и при недостаткѣ средствъ въ сельскихъ приходахъ, сохраняютъ всю бодрость духа и благонравіемъ своимъ, равно какъ пріобрѣтенными умственными познаніями, доставляютъ много отрады своимъ мужьямъ.»

«Воспитанницы прежнихъ выпусковъ вполнѣ оправдываютъ цѣль полученнаго ими воспитанія. Многія изъ нихъ завели школы и примѣромъ своей жизни такъ привлекли къ себѣ своихъ прихожанъ, что нѣкоторые крестьяне сосѣднихъ селъ обращались къ начальницѣ училища, съ просьбою объ исходатайствованіи у преосвященнаго назначенія къ нимъ священника, женатаго на воспитанницѣ. Помѣщики отзываются съ похвалою о священническихъ женахъ, получившихъ воспитаніе въ учичищѣ. Самъ преосвященный Нилъ, архіепископъ ярославскій, при своемъ объѣздѣ епархіи, имѣлъ случай убѣдиться въ томъ и въ лестныхъ выраженіяхъ отозвался о воспитанницахъ, которыхъ ему привелось видѣть въ ихъ домашнемъ быту, поставляя ихъ въ примѣръ другимъ священническимъ женамъ.»

«Его преосвященство по своемъ возвращеніи изъ объѣзда епархіи, сказывалъ мнѣ, что, обозрѣвая церкви, онъ входилъ въ дома многихъ священниковъ, и что жилища тѣхъ изъ нихъ, которые женаты на воспитанницахъ училища, имѣютъ отпечатокъ желаннаго у всѣхъ благоустройства, такъ въ нихъ все чисто, опрятно, въ порядкѣ и пріятно.»

«Костромскій преосвященный Платонъ, всегда обращающій отеческое вниманіе на воспитанницъ, выпущенныхъ изъ ярославскаго училища, благословляетъ Бога и Августѣйшихъ Благодѣтелей за учрежденіе училищъ дѣвицъ духовнаго званія, находя, что доставляемое въ нихъ образованіе вполнѣ соотвѣтствуетъ состоянію священническихъ дочерей и имѣетъ благотворное вліяніе на окрестныхъ жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся бывшія воспитанницы училища. О всѣхъ изъ нихъ, принадлежащихъ къ костромской епархіи, его преосвященство отзывается съ большою похвалою и всегда заботится, чтобы онѣ имѣли средства къ безбѣдной жизни и возможность употреблять на пользу пріобрѣтенныя ими познанія.»

Архіепископъ ярославскій, преосвященный Нилъ, лично засвидѣтельствовалъ въ 1864 г. слѣдующими словами свое мнѣніе объ ярославскомъ училищѣ, въ представленіи святѣйшему синоду: «Ярославское училище дѣвицъ духовнаго званія, за послѣдова-

ніями въ ономъ, въ послѣдніе годы улучшеніями, сугубо удовлетворяетъ благой цѣли воспитанія. Родители дѣтей сознаютъ это и, сознавая, употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ опредѣленію дочерей въ училище. Съ другой стороны, и мнѣ не разъ приходилось радоваться за тѣхъ изъ воспитанницъ, которымъ судилъ Богъ сдѣлаться хозяйками и матерями. При благовоспитаніи своемъ онѣ, можно сказать, возвышаютъ домашній бытъ священника умѣніемъ всегда и во всемъ соблюсти приличіе и хозяйственный порядокъ, какой бы ни выпалъ жребій на долю семьи. И чѣмъ больше въ кругѣ духовенства будетъ являться такихъ лицъ, которыя, возросши въ мирномъ вертоградѣ, приносятъ оттолѣ миръ и счастіе семейное, тѣмъ болѣе изъ рода въ родъ станетъ благословляться имя того, кто былъ виновникомъ добраго насажденія и чья рука хранитъ и поддерживаетъ оное.»

Это свидѣтельство преосвященнаго ярославскаго подтверждается слѣдующими фактами, изложенными въ донесеніяхъ начальницы училища: «Видимая польза, доставляемая воспитаніемъ въ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія, возбуждаетъ болѣе и болѣе сочувствіе въ духовенствѣ къ этимъ благодѣтельнымъ учрежденіямъ, такъ, что по случаю предстоящаго въ текущемъ 1860 г. пріема новыхъ воспитанницъ въ ярославское училище, отцы—священники спѣшатъ изъ разныхъ мѣстъ привозить въ училище своихъ дочерей, чтобы показать ихъ и подать прошеніе о принятіи ихъ на своекоштное содержаніе. Такихъ прошеній поступило уже до 50-ти и между ними отъ четырехъ священниковъ г. Костромы. На мой вопросъ имъ,— почему они не предпочитаютъ оставлять при себѣ своихъ дочерей, отправляя ихъ учиться въ женскую гимназію?—отвѣчали, что они находятъ гимназическое образованіе не достаточно соотвѣтствующимъ потребностямъ духовнаго званія, между тѣмъ, какъ въ духовныхъ женскихъ училищахъ, учрежденныхъ подъ милостивымъ покровительствомъ Государыни Императрицы, пріобрѣтаются всѣ качества и свѣдѣнія, необходимыя для жены священника, хорошей матери и хозяйки дома. Многіе очень скорбятъ, что штатъ каждаго пріема ограничивается только 30-ю дѣвицами, чрезъ что такъ много священниковъ лишены счастья видѣть своихъ дочерей образованныхъ соотвѣтственно ихъ назначенію; при этомъ выражаютъ желаніе о дозволеніи увеличить пріемъ хотя 5-ю воспитанницами. Нѣкоторые готовы жертвовать послѣднимъ и подвергать себя разнымъ лишеніямъ, лишь бы увидѣть дочерей своихъ осчастливленныхъ пріемомъ въ училище. Такъ,

въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ, одна жена священника Вологодской епархіи сдѣлала пѣшкомъ 350 верстъ, единственно чтобы посмотрѣть на ярославское училище и узнать можно ли подать прошеніе о принятіи ея дочери пансіонеркою отца; а на дняхъ она привозила представить свою дочь.»

«Жены сельскихъ священниковъ, изъ бывшихъ воспитанницъ, имѣютъ бесѣды съ прихожанами о духовныхъ предметахъ, читаютъ имъ священныя книги и сообщаютъ истинныя понятія о вѣрѣ и христіанскихъ добродѣтеляхъ. Мнѣ случилось видѣть и дѣтей бывшихъ моихъ воспитанницъ; нѣкоторые изъ нихъ, даже моложе 7-ми лѣтъ, читаютъ довольно бѣгло и съ разумѣніемъ произносятъ молитвы, понимая ихъ значеніе, и разсказываютъ очень мило различныя событія изъ библейской исторіи, а также басни и другіе стихи нравственнаго содержанія; иныя изъ нихъ, находясь съ матерями въ школахъ, передаютъ другимъ, что сами знаютъ.— Отъ нѣкоторыхъ изъ священниковъ, мужей воспитанницъ училища, я получала письма, исполненныя благодарности къ мѣсту воспитанія ихъ женъ, за то супружеское счастіе, которое имъ досталось въ удѣлъ.»

Вотъ также свидѣтельства о плодахъ, принесенныхъ смоленскимъ училищемъ дѣвицъ духовнаго званія. Покойный епископъ Тимоѳей доносилъ святѣйшему синоду: «Многія изъ воспитанницъ нынѣ супругами священнослужителей и, по наблюденію моему и отзывамъ заслуживающихъ довѣріе лицъ, онѣ подаютъ христіанскою жизнію благотворный примѣръ прихожанамъ; въ обращеніи и бесѣдахъ назидательны, особенно для крестьянскихъ дѣтей.»

Настоящій архипастырь смоленскій, преосвященный Антоній, доносилъ съ своей стороны: «Существованіе этого училища чрезвычайно полезно для епархіи, такъ какъ въ послѣднее время получены изъ многихъ мѣстъ требованія, касательно назначенія кончившихъ курсъ воспитанницъ наставницами въ открываемыя въ разныхъ мѣстахъ сельскія училища для дѣвочекъ.»

Исполненіе обязанности наставницъ въ сельскихъ школахъ, не только для однихъ дѣвочекъ, но и для мальчиковъ, представляетъ воспитанницамъ женскихъ духовныхъ училищъ достойное поприще дѣятельности на пользу народа; при томъ твердомъ и основательномъ религіозномъ воспитаніи, которое онѣ получаютъ, никто не можетъ быть полезнѣе ихъ въ этомъ дѣлѣ и онѣ съ готовностью принимаютъ на себя исполненіе сопряженнаго съ ними труда, тогда какъ воспитанницы дворянскихъ институтовъ и городскихъ

пансіоновъ никогда не согласятся и не способны поселиться въ деревнѣ, чтобы быть наставницами крестьянскихъ дѣтей, къ тому же за самое ничтожное вознагражденіе. Вотъ новая сторона, несомнѣнно открывающая на дѣлѣ ту важную пользу, тѣ благотворные плоды, которые слѣдуетъ ожидать отъ учрежденія и распространенія, подъ направленіемъ духовнаго вѣдомства, особыхъ училищъ для воспитанія дочерей духовенства.

Теперь ясно обнаруживается, что по установленному порядку воспитанія въ этихъ заведеніяхъ, по его духу и направленію, по приносимымъ имъ плодамъ, — училища дѣвицъ духовнаго званія дѣйствительно и рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ женскихъ институтовъ и пансіоновъ.

Приведенныя свидѣтельства положительны и убѣдительны. Но, по счастію, существуетъ еще свидѣтельство другаго рода, несравненно сильнѣйшее и краснорѣчивѣйшее, чѣмъ всѣ посторонніе отзывы самыхъ правдивыхъ и достовѣрныхъ людей, свидѣтельство само за себя говорящее живымъ языкомъ — письма бывшихъ воспитанницъ къ своимъ воспитательницамъ. Въ нихъ изливаются, во всей простотѣ истины и откровенности, отражаясь, какъ въ зеркалѣ, всѣ внутреннія побужденія, помыслы, задушевныя чувства, воззрѣнія на жизнь, ожиданія отъ нея, правственныя качества и дѣла, написавшихъ ихъ.

Эти письма, написанныя не для огласки и безъ всякаго преднамѣреннаго разсчета, но подъ живымъ, часто мгновеннымъ впечатлѣніемъ окружающихъ событій и неожиданныхъ обстоятельствъ, составляютъ какъ бы фотографическіе снимки съ внутренней и внѣшней жизни ихъ сочинительницъ. Такихъ писемъ сотни и съ глубокимъ утѣшеніемъ можно сказать, что всѣ они сходны между собою по мыслямъ и чувствамъ, всѣ проникнуты однимъ общимъ имъ духомъ, который, слѣдовательно, проистекаетъ изъ одного общаго начала; это начало, очевидно, есть то воспитаніе и образованіе, которыя положены въ основу училищъ дѣвицъ духовнаго званія. Было бы невозможно выписывать изъ груды этихъ писемъ все, заслуживающее въ нихъ вниманія; достаточно привести нѣсколько отрывковъ, ничего въ нихъ не измѣняя, но съ пропускомъ всего, что могло бы навести къ обнаруженію именъ достойныхъ сочувственнаго уваженія ихъ сочинительницъ, чтобы не оскорбить въ нихъ чувство скромности.

Вотъ эти отрывки изъ разныхъ писемъ:

1. «Теперь скажу и о своей жизни. Съ самаго поступленія

нашего на мѣсто, мужъ мой и я желали непремѣнно открыть училище, но желаніе наше ограничивалось только 5-ю и 6-ю мальчиками, которыхъ мы и учили каждую зиму; только освобожденіе крестьянъ дало возможность мужу моему завести училище; объ этомъ онъ говорилъ не только въ церкви и домахъ, но даже неоднократно ходилъ на мірскіе сходы, чтобы вразумить и убѣдить родителей въ необходимости учить дѣтей своихъ грамотѣ. Наконецъ милостію Божіею желаніе наше исполнилось — училище для крестьянскихъ мальчиковъ открыто и притомъ въ нашемъ домѣ, гдѣ обучаются 60 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ. Наставникъ ихъ мой мужъ; но когда ему недосугъ, тогда занимаюсь я. Лучшіе изъ учениковъ, имѣющіе хорошіе голоса, выбраны для пѣнія и я съ ними уже пою въ храмѣ, чѣмъ и утѣшаю себя. Своихъ дѣтей у меня 6 человѣкъ; въ настоящее время мнѣ препятствуетъ приходская школа заниматься какъ бы хотѣлось съ своими дѣтьми.»

2. «У насъ нѣтъ собственнаго дома, а на квартирѣ тѣсной, да еще безъ хозяйственныхъ службъ, жить очень безпокойно даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ. При всемъ томъ однакоже хозяйство наше идетъ своимъ чередомъ. О мелкихъ занятіяхъ умолчу, но не скрою, что въ прошлую зиму я дома выткала 50 аршинъ холста, 6 салфетокъ, скатерть и 6 полотенецъ; шитье, какое бы ни было, въ чужія руки не отдаю. Съ наступленіемъ весны открылось новое поприще для моей дѣятельности — это огородничество. Скажу вамъ еще объ одномъ болѣе интересномъ предметѣ: съ прошлаго мая мы открыли домашнюю школу, на первый разъ состоящую изъ 3-хъ учениковъ и 2-хъ ученицъ; тѣснота квартиры не позволяетъ имѣть ихъ большее число. Съ ними занимается мужъ мой, а въ отсутствіе его — я. Занятіе не веселое, но искреннее желаніе доставить пользу мальчикамъ и порадовать ихъ успѣхами родителей, услаждаетъ этотъ трудъ.... Въ такихъ занятіяхъ и заботахъ идетъ чередомъ первоначальная практическая моя жизнь. Я чувствую, что еще многому нужно учиться, чтобы быть полезною въ семействѣ и обществѣ, потому ко всему присматриваюсь и, по своимъ понятіямъ, достойное вношу въ свой бытъ, по мѣрѣ силъ моихъ, исполняя все своими руками.»

3. «Наконецъ желаніе мое исполнилось: 11-го декабря у насъ открыта школа и я вотъ уже другую недѣлю занимаюсь съ дѣтьми. Но какъ трудно было убѣдить крестьянъ, чтобы отдавали своихъ дѣтей для обученія; немногіе изъ нихъ согласились добровольно отдать дѣтей, а потому и число учениковъ не велико, все-

го только 12 человѣкъ. Въ первые дни было очень трудно выломать ихъ языкъ, но теперь, благодаря Бога, они уже читаютъ по складамъ и выучили предначинательныя молитвы. Третьяго дня я выучила ихъ тропарю на Рождество Христово и заставляла пѣть. Мнѣ очень хочется, чтобы дѣти въ Рождество славили Христа въ домахъ своихъ родителей.»

4. Отъ только что выпущенной воспитанницы:—«Бывши въ Петербургѣ мы были у дяди, онъ меня оставлялъ у себя; но я не осталась, потому что не хотѣла безъ пользы у него жить; я непремѣнно хочу быть полезною не только для себя, но и для другихъ, потому что мнѣ грѣшно было бы, если тѣ деньги, которыя издержаны были моей доброй благодѣтельницей N N и попеченіе Августѣйшей Покровительницы нашего училища, а равно заботы моей доброй наставницы, остались бы безъ всякихъ послѣдствій: одной молитвы за ихъ попеченія недостаточно, я хочу доказать свою благодарность на дѣлѣ. По прибытіи моемъ домой, я не замедлила исполнить свое желаніе: собрала нѣсколько сельскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые помѣстились въ нашемъ домѣ; сначала ихъ было не много, но потомъ число учениковъ дошло до 30-ти. Но мнѣ пришлось не долго съ ними заниматься; мое мѣсто заняли батюшка и сестры, а я опредѣлена въ......ій духовный пріютъ наставницею. Благодаря Бога, мною всѣ здѣсь довольны..... Милая N. N. благодарю васъ покорно за ваши заботы обо мнѣ: нужды я почти никакой не имѣю, но прошу васъ, пришлите мнѣ свой портретъ; какъ бы я желала имѣть его, а также батюшка мой, который васъ никогда не забываетъ въ своихъ молитвахъ, желалъ бы увидѣть васъ, если не лично, то по крайней мѣрѣ на портретѣ.»

5. Изъ перваго письма одной изъ воспитанницъ, послѣ вступленія ея въ замужество:—«Теперь поблагодарю васъ неоцѣненная N. N. за ваше ко мнѣ всегдашнее расположеніе и любовь, за вашу попечительность и заботу обо мнѣ во время моего пребыванія въ благодѣтельномъ и дорогомъ для меня училищѣ, за которое всегда буду благодарить Бога, въ особенности за милостивыхъ Высочайшихъ Покровителей училища и за всѣхъ благодѣтелей и наставниковъ моихъ, научившихъ меня всему доброму и полезному.» — Въ концѣ этого письма мужъ этой воспитанницы, сельскій священникъ, прибавилъ:

«Не знавши васъ иначе какъ изъ почти ежедневныхъ разсказовъ жены моей и теперь изъ письма, которое она получила отъ

васъ,— уважаю васъ и то благодѣтельное училище, въ которомъ находилась жена моя, почерпнувшая въ полученномъ ею воспитаніи такъ много полезнаго и добраго.»

Въ письмѣ другой воспитанницы есть слѣдующая приписка священника ея мужа: «Жена моя добрая и благоразумная, мать для дѣтей хорошая, только немного слаба изъ любви къ нимъ. За чѣмъ для васъ лучшаго удовольствія, какъ знать это о вашей воспитанницѣ? Вѣнецъ вамъ за то отъ Бога, а моя сердечная благодарность. Хотя я не имѣю счастія знать васъ лично, но вѣрьте, что съ того времени, какъ я милосердіемъ Божіимъ допущенъ къ престолу благодати, всегда молюсь за васъ съ усердіемъ и любовію, какъ за родную.»

6. «Содержаніе вашего письма доставило мнѣ такое утѣшеніе, что я не могла начитаться вдоволь, особенно потому, что въ немъ находится ободреніе и поддержка въ моихъ занятіяхъ, кругъ которыхъ мнѣ хочется распространить, если это угодно будетъ Богу. Все, все, каждая строка, каждое слово, написанное вами, доставило мнѣ истинное удовольствіе. Всей душей переносилась я въ мирный уголокъ моего воспитанія, живо сохраняя въ сердцѣ воспоминаніе о всѣхъ благодѣяніяхъ нашей ангелоподобной матери Государыни Императрицы, которыми я пользовалась, находясь подъ вашимъ надзоромъ; за особенную милость Божію почитаю то, что имѣю случай быть не совсѣмъ безполезною въ томъ обществѣ, въ которомъ Господь поставилъ меня. Это единственная лепта, которую я могу принесть и приношу, по силамъ, въ благодарность за оказанныя мнѣ благодѣянія. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я вамъ говорила, что имѣю у себя 10 учениць...... Въ отношеніи къ себѣ я держу ихъ очень свободно, вслѣдствіе чего онѣ обращаются со мною, какъ съ старшею сестрою и любятъ меня, какъ родную мать. Пользуясь ихъ искренностью, я своими совѣтами, а иногда и выговорами, стараюсь искоренить дурныя наклонности, какія замѣчаю. Совѣстно сказать, родители моихъ учениць только желаютъ, чтобы дѣти ихъ умѣли читать и писать, а прочее имъ кажется лишнимъ! Впрочемъ я всѣми силами стараюсь убѣдить ихъ въ томъ, что всякому истинному христіанину необходимо знать Законъ Божій, убѣждаю ихъ также въ пользѣ знанія ариѳметики, которая въ ихъ быту чаще всего прилагается къ практикѣ..... Я была нездорова въ продолженіи цѣлаго мѣсяца; только благодаря Анютѣ (младшая сестра ея, также воспитанница училища), которая въ то время пріѣхала къ намъ, классы мои не прекращались;

она часто бываетъ у насъ, но на короткое время, потому, что необходима дома: маменька все прихварываетъ и все хозяйство лежитъ на сестрѣ.»

7. «Не могу выразить вамъ, какъ обрадовало всѣхъ насъ извѣстіе о принятіи Саши (младшей сестры) въ наше милое заведеніе. Всѣ благодарили Бога и благословляли Царицу и Великаго Князя Михаила Николаевича (принятая воспитанница поступила пансіонеркою Его Высочества) за Ихъ великія милости. Саша не вѣрила своему счастью и упросила папеньку дать ей самой прочитать это вожделѣнное для нея извѣстіе. Неоцѣненная моя воспитательница, тысячу разъ благодарю васъ за подробное описаніе послѣдняго посѣщенія, которымъ удостоила училище Государыня Императрица; съ какимъ умиленіемъ перечитывала я каждую вашу строчку: все это такъ близко моему сердцу, такъ священно для меня, что я вполнѣ раздѣляю съ вашими милыми воспитанницами тѣ чувства благоговѣнія, которыя онѣ ощущали въ эти незабвенныя для нихъ минуты. Я вполнѣ увѣрена, что удостоившись слышать прощальныя слова и высокія наставленія Ея Величества, онѣ будутъ вѣчно помнить ихъ и свято исполнять. Скажу вамъ, незабвенная руководительница, что чѣмъ болѣе я отдаляюсь временемъ (она выпущена за 6 лѣтъ передъ этимъ) отъ нашего мирнаго убѣжища, тѣмъ дороже становятся для меня правила, тамъ внученныя и будьте увѣрены, что они глубоко вкоренились въ каждой изъ насъ и что каждая изъ насъ руководствуется ими въ жизни.»

8. «Живу я съ маменькою, которая по старости лѣтъ уже очень слаба; по причинѣ ея немощи, я большею частью исполняю ея обязанности просфирни. Имѣемъ коровушку, за которою я сама ухаживаю, дою ее и теперь встаю въ 3 часа, чтобы проводить ее въ поле; есть у насъ также огородъ, гдѣ я работаю; изъ рукодѣлья занимаюсь не столько для себя, какъ по заказамъ, а также работаю для церкви. Въ праздничные дни я большею частью занята чтеніемъ книгъ или тетрадей своихъ, а когда соберутся ко мнѣ старушки, то я читаю имъ житіе святыхъ или разсказываю имъ значеніе каждаго праздника».

9. «Теперь, добрая моя NN, я могу похвастать вамъ своими маленькими успѣхами, будучи увѣрена, что и вы порадуетесь тому, что доставляетъ мнѣ утѣшеніе: мои ученики теперь уже читаютъ въ церкви и поютъ на клиросѣ; не я одна, но и многіе съ удовольствіемъ слушаютъ, какъ хорошо дѣвятилѣтній мальчикъ чита-

етъ молитвы послѣ причащенія. Родители этихъ дѣтей очень благодарны. Я никогда имъ не говорила о платѣ, но они сами приносили мнѣ деньги и просили не оставлять на будущее время ихъ дѣтей; мнѣ нужно было привести нѣсколько возовъ дровъ и я не думала, что они такъ скоро мнѣ ихъ доставятъ; когда узнали, что мнѣ нужно нѣсколько лошадей подъ дрова, то немедленно сами съ ними отправились. Такая деликатность у нашихъ простыхъ мужичковъ рѣдкость».

10 «Этою весною мнѣ пришлось поработать болѣе, чѣмъ въ прошлый годъ: бывшая у насъ въ прислугѣ дѣвушка, которую я во всему пріучила и которая мнѣ много помогала — отошла, и я всю весну была безъ прислуги, все дѣлала сама въ домѣ и огородѣ, такъ что не удалось отдохнуть и позаботиться о своемъ здоровьѣ, послѣ не легкихъ зимнихъ трудовъ. Лѣтомъ дѣла довольно, надобно будетъ съ такимъ усердіемъ заняться своимъ хозяйствомъ, чтобы осенью можно было, безъ ущерба для него, посвятить значительную долю времени опять школѣ. Слава Богу, благополучно окончился третій учебный годъ и окончили курсъ 30 дѣтей, которыя посѣщали школу во все время, а всѣхъ перебывало до 80-ти.... Часто бывали чтенія изъ разныхъ полезныхъ для дѣтей книгъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ развивались въ дѣтяхъ чувства религіозно-нравственныя и патріотическія. Радуетъ то, что дѣти, учившіяся въ школѣ, замѣтно развились и видимо превосходятъ своихъ сверстниковъ, для которыхъ они могутъ служить добрымъ примѣромъ во многомъ. Впрочемъ полныхъ плодовъ отъ ихъ образованія въ школѣ теперь не можетъ еще быть, потому что старшимъ изъ нихъ не болѣе 13 лѣтъ. Дай Богъ, чтобы они не забыли, не растеряли пріобрѣтеннаго въ ученіи, а развили и укрѣпили; мы же, съ своей стороны, хотя теперь они внѣ школы, постараемся содѣйствовать этому.... Было бы необходимо имѣть два класса, но чтобы устроить это, пришлось бы совершенно стѣснить себя и жить, какъ въ клѣткѣ, да хорошо бы еще если клѣтка-то была крѣпкая, а то знаете, нашъ домъ не имѣетъ себѣ ровѣстниковъ, поправлять же его невозможно. Это обстоятельство насъ много безпокоитъ; тяжело жить вотъ уже 8 лѣтъ не устроившись и приходится много переносить лишеній; но въ этихъ обстоятельствахъ помогаютъ мнѣ мысли, которыя вдохнули въ насъ въ незабвенномъ училищѣ—всегда и во всемъ покорятся волѣ Божіей и уповать на его милосердіе».

11. «Въ прошломъ письмѣ я вамъ говорила о своихъ домаш-

нихъ ученикахъ, число коихъ теперь увеличилось до 8-ми. Занятія мои идутъ съ успѣхомъ; ученики знаютъ уже нѣсколько молитвъ, которыя не умѣющіе читать выучились по слуху. Утромъ и вечеромъ всѣ вмѣстѣ становятся на молитву и одинъ изъ нихъ, поочередно, читаетъ вслухъ. Въ первый разъ я не могла удержаться отъ слезъ и не могу дать себѣ отчета — были ли то слезы умиленія или же онѣ произошли отъ воспоминанія о незабвенномъ училищѣ. Въ субботу я отпускаю ихъ по домамъ до понедѣльника, но два брата и сынъ нашей работницы постоянно остаются дома. Къ Рождеству хочу выучить учениковъ пѣть тропари и кондаки, и въ этомъ мнѣ поможетъ мужъ мой. Очень хочется въ первый день Рождества устроить для своихъ учениковъ и для тѣхъ, которые ходятъ по воскреснымъ днямъ, маленькую елку и подарю имъ по картиночкѣ, жаль что нѣтъ у меня маленькихъ книжекъ.— Я ничего еще не говорила вамъ о нашихъ воскресныхъ бесѣдахъ. Каждое воскресеніе приходятъ извѣстные мнѣ ученики, къ сожалѣнію число ихъ не превышаетъ 15-ти. Въ воскресеніе, 13-го ноября, было у меня 14-ть человѣкъ; объясняла имъ молитву Господню, т. е. почему она такъ называется, ея раздѣленіе, каждое прошеніе отдѣльно; потомъ учили всѣ въ голосъ 20-го числа учили: «Милосердія двери отверзи намъ» и первые два члена Символа вѣры. 27-го числа конецъ символа вѣры. Такъ какъ приближается Рождество Христово, то въ послѣднее воскресеніе разсказывала я своимъ слушателямъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, начиная съ введенія во храмъ Пресвятой Богородицы до крещенія Господня. Все это они поняли и тутъ же я показывала имъ картинки, которыя помогали имъ запомнить мною говоренное. Въ слѣдующее воскресеніе буду раскасывать дальше о земной жизни Христа Спасителя».—Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ той же воспитанницы: «Можетъ быть вамъ интересно знать, какъ вообще смотрятъ на мои занятія съ учениками? Большая часть прихожанъ нашихъ и особенно родители тѣхъ дѣтей, которыя у насъ учатся, въ простотѣ души отзываются такъ: «что у насъ за батюшка и за матушка, такихъ еще у насъ не бывало». Особенно же я въ большой чести у нихъ; подобный отзывъ въ устахъ народа утѣшительно слышать. Большинство же посторонннихъ удивляются моему терпѣнію и говорятъ: «охота ей заниматься крестьянскими мальчишками, да съ ними и кровь-то всю перепортишь; сохрани Господи навязать на свою шею столько ребятъ».

12. «Часто сижу у его постели (умирающаго юнаго брата) и читаю молитвы, а Ваня слушаетъ, иногда и самъ повторяетъ за мною, и отъ этого ему становится не много легче. Его уже исповѣдали и причастили св. таинъ; предъ исповѣдью я старалась приготовить его къ сему таинству, а также и къ причащенію, представляла какого онъ удостоится блага, говорила какую награду получаютъ на небѣ праведники, что и языкъ не можетъ выразить. Вы можете себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я разговаривала съ моимъ ученикомъ, и наконецъ я не выдержала и зарыдала въ то время, когда Ванюша сказалъ: «Маруша! если я буду на небѣ; то буду молиться за тебя Богу»; а я сказала—молись, молись Ваня не за меня одну, но и за папеньку и маменьку, за родныхъ, за Царя и Царицу, и за моихъ благодѣтелей».—Изъ продолженія того же письма, дописаннаго черезъ двѣ недѣли: «Утромъ я помогаю матушкѣ по хозяйству: затопляю печь, стряпаю, парю и мою посуду; вечеромъ хожу за коровами и овцами (у насъ нѣтъ пастуха), помогаю поить и доить. Вы можетъ быть удивитесь, что я иногда ношу и воду изъ колодца ушатомъ; но я теперь выросла и поздоровѣла, а потому и силы прибавились. Я еще не говорила вамъ, что читаю часы въ церкви. Крестьянскія дѣти любятъ меня, а я по немногу останавливаю ихъ; напримѣръ, у нихъ было въ большомъ употребленіи страшное слово — діаволъ; я старалась внушить дѣтямъ, которыя по-старше, что это грѣшно, а маленькимъ, которыя не умѣютъ отличать худаго отъ хорошаго, говорила, что какъ скоро они произнесутъ это слово, то лукавый тутъ и есть; съ тѣхъ поръ дѣти изъ страха не говорятъ этого слова».— Объ этой самой воспитанницѣ начальница училища сказала въ всеподданнѣйшемъ полугодичномъ отчетѣ Ея Величеству: «Утѣшительно видѣть, какъ нѣкоторыя изъ воспитанницъ, немедленно по своемъ выпускѣ изъ училища, спѣшатъ обратить въ дѣйствительность внушенныя имъ добрыя правила и свое пламенное желаніе употребить на общую пользу полученное ими воспитаніе. Въ примѣръ могу привести воспитанницу послѣдняго выпуска NN. Въ четырехъ-мѣсячное пребываніе ея въ домѣ у отца, она успѣла пріобрѣсти общую привязанность прихожанъ, особенно прихожанокъ, которыя не могли надивиться, что ихъ «ученая поповна» такъ съ ними привѣтлива, ласкова и такъ любитъ съ ними разговаривать. Увидя бѣдность своихъ родителей, она замѣнила имъ самую усердную работницу и не рѣдко проводила цѣлые дни, съ ранняго утра, въ полѣ

на работахъ. По выходѣ ея въ замужество (за священника), прихожанки съ плачемъ разставались съ нею и просили ея мужа, чтобы онъ берегъ и любилъ ее».

По поводу приведеннаго разсказа о томъ глубокомъ чувствѣ святой вѣры и христіанской любви, съ которыми юная бывшая воспитанница приготовляла и напутствовала своего умирающаго брата, весьма кстати припомнить, сказанное въ донесеніи начальницы ярославскаго училища о кончинѣ двухъ ея воспитанницъ въ 1861 г. Одна изъ нихъ, младшаго класса, Екатерина Попова, очень страдала и на выраженное ей начальницею сожалѣніе о томъ, умирающая сказала: «ничего, Господь больше за насъ пострадалъ». Другая, бывшая по своимъ нравственнымъ и христіанскимъ качествамъ лучшею воспитанницею средняго класса, Александра Соболева, скончалась въ четвергъ на Святой недѣли; передъ самою кончиною она имѣла какое-то видѣніе ангела, запѣла радостную пѣснь: Христосъ Воскресе — и съ окончаніемъ ея переселилась въ вѣчность.

13. «Какъ я рада, что мы теперь уже на своемъ мѣстѣ, вблизи своихъ прихожанъ и своей церкви. Хотя мы живемъ не въ своемъ домѣ, но очень спокойно; матушка сидитъ съ нами только по вечерамъ, слушая чтеніе, которымъ мы занимаемся каждый день; я работаю, а мужъ мой читаетъ, когда же онъ устанетъ, то я замѣняю его; въ числѣ слушателей бываютъ еще двѣ работницы, сынъ одной изъ нихъ и братъ моего мужа; двухъ послѣднихъ я учу читать и писать.—Вчера, только что начала писать къ вамъ, должна была оставить это пріятное занятіе. Пришли исповѣдницы— 5 дѣвицъ нашего прихода, которыя остались у насъ ночевать, потому что далеко идти домой. Я читала имъ покаянныя молитвы послѣ исповѣди и предъ принятіемъ св. Таинъ; много разговаривала съ ними о покаяніи, о томъ, съ какими чувствами должно исповѣдываться и приступать къ причащенію, говорила, что не должно скрывать грѣховъ, что это тяжкій грѣхъ, что хотя священникъ и разрѣшаетъ отъ грѣховъ здѣсь на земли, но Господь не прощаетъ, потому что Ему извѣстны и тѣ грѣхи, которые, ради стыда, не были открыты духовному отцу. Послѣ этого разговора одна изъ дѣвицъ чистосердечно призналась, что ей стыдно было сказать одинъ грѣхъ; я совѣтовала ей усердно помолиться Господу и сознаться въ немъ духовнику. Теперь говѣльщицы ушли уже къ утрени. Какъ я рада, что матушка позволила этимъ дѣвицамъ переночевать въ ея домѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, что-

бы по-больше и на каждой недѣлѣ матушка пускала говѣльщиковъ, но это въ ея волѣ. Ахъ, если бы у насъ былъ свой домикъ и мы могли бы распоряжаться по своему желанію! Благодаря Господа, я уже успѣла пріобрѣсти любовь тѣхъ прихожанъ, съ которыми познакомилась; они очень обходительны и ласковы со мною; не однократно я даже сама слышала, какъ они говорили: «слава тебѣ, Господи, что у насъ такая хорошая, ласковая и умная матушка». На-силу я привыкла къ этому названію, всегда краснѣла, когда меня называли матушкою,—но теперь ничего».

14. «Наши ученики и ученицы замѣтно идутъ впередъ. Какъ пріятно видѣть, что многіе изъ моихъ учениковъ стараются своимъ домашнимъ передать то, что узнаютъ въ школѣ, особенно же учатъ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ молитвамъ и заповѣдямъ, которыхъ тѣ прежде и не знали, а если и знали, то неправильно. Старшіе ученики съ первой недѣли великаго поста читаютъ въ церкви, по-очередно. Можете представить себѣ, какъ рады бываютъ родители тѣхъ мальчиковъ, которыхъ я заставляю читать въ церкви, и съ какимъ удовольствіемъ слушаютъ они чтеніе своихъ дѣтей.... Дѣло образованія въ нашей школѣ идетъ не такъ быстро, какъ могло бы быть при постоянныхъ занятіяхъ; но ускорить его, при всемъ нашемъ стараніи, мы не можемъ, потому что какъ мужъ мой, такъ и я постоянно должны отрываться отъ занятій съ учениками, по своимъ обязанностямъ.... Сельскій священникъ по необходимости долженъ, такъ сказать, привязаться къ землѣ, чтобы имѣть безбѣдное существованіе, а занимаясь землею, онъ теряетъ изъ вида главнѣйшее — истинное образованіе своихъ прихожанъ. Если бы сельскіе священники не были вынуждены добывать главныя средства ихъ существованія отъ земледѣлія, то дѣло народнаго образованія быстро бы стало подвигаться».

15. «Трудно мнѣ было сначала привыкать къ деревенской жизни; но мало по малу эта жизнь сдѣлалась для меня пріятною: свѣжій воздухъ, прекрасное мѣстоположеніе, простота деревенскаго народа, все это чрезвычайно мнѣ понравилось. Дѣлаю я всякое дѣло: лѣтомъ ходила рожь молотить, убирала ленъ, большую часть котораго сама и отпряла, стираю бѣлье, мою полы, ношу воду съ рѣки. Кромѣ того занимаюсь шитьемъ разнаго рода для дома и на заказъ; также занимаюсь чтеніемъ св. Евангелія, а въ субботу и въ воскресенье обыкновенно собираются ко мнѣ нѣкоторые изъ прихожанъ, я читаю имъ что-нибудь изъ Священнаго пи-

санія и объясняю то, чего они не понимаютъ, а также и молитвы».

16. «По прежнему тружусь надъ обученіемъ моихъ дѣвочекъ и трудъ мой много облегчается тѣмъ, что я начинаю видѣть успѣхъ. Каждый день, хотя по получасу, я посвящаю на разсказы изъ св. исторіи и катихизиса и всѣми силами стараюсь внушить имъ правила нравственности. Не знаю, какъ вслѣдствіе моихъ внушеній онѣ ведутъ себя дома, но когда встрѣчаю своихъ ученицъ въ церкви, то вижу, что онѣ держатъ себя тамъ прилично, не смотрятъ по сторонамъ, не разговариваютъ, тогда какъ прежде это считалось у нихъ за ничто. Притомъ онѣ уже считаютъ за обязанность каждый праздникъ быть и у всенощной и у литургіи, а прежде исполняли это только по приказанію родителей. Я надѣюсь, что къ чему онѣ привыкнутъ съ малолѣтства, то останется у нихъ навсегда. Нѣкоторыя дѣвочки учаться у меня уже по третьему году, съ этими даже очень пріятно заниматься, потому что онѣ учаться съ большею охотою, которая проявилась у нихъ отъ того, что понятія ихъ развиваются; онѣ стали уже многое понимать и читаютъ съ удовольствіемъ. Этого я болѣе всего желала и теперь уже онѣ такъ заинтересовались наукою, что просятъ меня научить ихъ всему, что только я знаю. Благодарю Господа Бога, что Онъ даровалъ мнѣ случай быть полезною хотя нѣсколькимъ членамъ общества. Вмѣстѣ съ благодарностью къ Богу, возсылаю къ Нему усердныя молитвы о благоденствіи всемилостивѣйшей нашей Государыни Императрицы Маріи Александровны, доставившей средства къ нашему образованію. Приношу и вамъ тысячу благодарностей за ваше попеченіе о моемъ воспитаніи; какъ за васъ, такъ и за добрѣйшую мою воспитательницу NN я всегда молюсь Богу, какъ за первѣйшихъ моихъ благодѣтельницъ».

17. «Безцѣнная NN будьте увѣрены, что труды какъ ваши, такъ и добрѣйшей нашей начальницы и всѣхъ нашихъ руководителей и наставниковъ были не напрасны. Они неоцѣненно благотворны. Скажу про себя: я далеко не была бы тѣмъ, что я теперь, если бы не имѣла счастія воспитываться въ нашемъ миломъ заведеніи. Ради Бога, не сочтите это за самохвальство. Я говорю это по отзывамъ тѣхъ, которые меня знаютъ. Всѣ, къ кому я имѣю болѣе или менѣе близкія отношенія, довольны мною и любятъ меня. Во мнѣ особенно нравится другимъ постоянно кроткое, уважительное и ласковое со всѣми обращеніе, къ которому я привыкла въ училище. Еще скажу, что польза отъ воспитанія нашего

въ училищѣ не ограничивается одними нами, но простирается и на другихъ. По выходѣ изъ училища я два года жила въ домѣ родителей своихъ и въ это время занималась обученіемъ сестеръ и брата, котораго, при помощи Божіей и содѣйствіи папеньки, успѣла подготовить такъ, что онъ, по принятію его въ училищѣ, оказался много лучше прочихъ. Теперь же, по мѣрѣ силъ и возможности, я занимаюсь обученіемъ купеческихъ дочерей; употребляю 6 часовъ въ день на занятіе съ моими ученицами, которыхъ у меня 16...., я занимаюсь ими не безъ успѣха, судя по отзыву ихъ матерей. Наши воспитанницы знаютъ св. исторію и катихизисъ лучше своихъ братьевъ, которые обучаются въ уѣздномъ училищѣ (подразумѣвается о духовномъ).

18. Изъ поздравительнаго письма къ начальницѣ царскосельскаго училища Н. П. Шульцъ, по случаю празднованія годовщины основанія этого заведенія:— «Добрѣйшая моя благодѣтельница,— честь имѣю поздравить васъ съ наступающимъ праздникомъ открытія незабвеннаго училища. Вотъ уже будетъ 18 лѣтъ, какъ существуетъ наше благодѣтельное училище и празднуетъ свое основаніе. Сколько горячихъ молитвъ вознесется къ Господу о благоденствіи Великой Княгини Ольги Николаевны и Вашемъ здоровьи въ этотъ достопамятный день! Всѣ, имѣвшія счастье получить воспитаніе подъ Вашимъ надзоромъ и руководствомъ, горячо помолятся 22 октября за своихъ благодѣтелей. Въ числѣ другихъ, быть можетъ, и моя молитва услышится Господомъ! О, какъ бы желала я, въ этотъ день, побывать у васъ въ училищѣ, посмотрѣть на всѣхъ, кому я обязана своимъ воспитаніемъ, и преимущественно на васъ; какъ горячо поцѣловала бы ваши ручки, поблагодарила бы васъ, добрѣйшая моя благодѣтельница, за вниманіе и ласки, которыми вы меня удостоивали въ бытность мою въ училищѣ, поблагодарила бы и за то, что и послѣ выпуска не оставляете меня своими милостями».

19. «Несравненная моя воспитательница,—не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за драгоцѣнный вашъ подарокъ! Принимая отъ почталіона письмо, я чувствовала въ рукахъ карточку и съ особеннымъ любопытствомъ распечатывала его, желая узнать— чей бы могъ быть этотъ портретъ. Представьте же мое удивленіе и радость, когда глазамъ моимъ представился образъ нашей Августѣйшей Государыни и Благодѣтельницы. Я съ восторгомъ припала къ драгоцѣннымъ ручкамъ Ея Величества и долго, долго обливала ихъ слезами благодарности. О! вы слишкомъ добры для ме-

ия, несравненная NN. Смотря на вашъ милый образъ, я какъ будто снова слышу изъ устъ вашихъ прежнія наставленія и во взорахъ вашихъ вижу ободреніе и подкрѣпленіе въ моей настоящей жизни. А драгоцѣнный портретъ всемилостивѣйшей Государыни Императрицы, подобно ангелу хранителю, постоянно будетъ напоминать мнѣ о моемъ долгѣ».

Высокій по своей простотѣ и возвышенности чувствъ, трогательный и умилительный языкъ этихъ памятниковъ истины— не требуетъ никакихъ пояснительныхъ выводовъ и заключеній.

Какъ ничтожны и жалки становятся передъ ихъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ, нападки нѣкоторыхъ на учрежденіе, какъ они иронически выражаются, этихъ училищъ для «*поповнъ*»! Съ справедливою гордостью и радостно можно отвѣчать имъ, что эти училища для «*поповнъ*» образовали разсадникъ самыхъ полезныхъ, ревностныхъ и безкористныхъ дѣятельницъ на почвѣ научнаго, нравственнаго и христіанскаго просвѣщенія нашего простаго народа, т. е. непосредственныхъ исполнительницъ того великаго дѣла, которое составляетъ основу и залогъ преуспѣянія, благоденствія и могущества государства. Пусть укажутъ эти порицатели: какія изъ числа всѣхъ прочихъ существующихъ у насъ воспитательныхъ женскихъ заведеній могутъ быть сравнены, по приносимымъ ими плодамъ, съ этими училищами «*поповнъ*»!

Достаточно обратить вниманіе на любовь и признательность, наполняющихъ сердца *поповнъ* къ воспитавшимъ ихъ наставницамъ и училищамъ; на попеченіе и заботы наставницъ о прежнихъ ихъ питомицахъ; на сердечную связь и дружескія отношенія, остающіяся между тѣми и другими—чтобы сказать съ убѣжденіемъ:

—„Счастливы училища, обладающія такими воспитательницами и возвращающія такихъ воспитанницъ; счастливы наставницы, умѣвшія воспитать такихъ питомицъ; счастливы воспитанницы, находившіяся подъ руководительствомъ такихъ наставницъ.“

И взирая на всѣхъ ихъ, радостно и утѣшительно должно быть на сердцѣ ихъ благодушныхъ Основательницы и Покровительницы!

Государынѣ Императрицѣ видно, что милостивыя попеченія и благодѣянія Ея Величества приносятъ прекрасные плоды и что облагодѣтельствованныя Ею умѣютъ чувствовать сдѣланное имъ добро, сливаются въ одной общей и горячей молитвѣ къ Богу о благоденствіи ихъ Августѣйшей Благотворительницы и единодушно съ

тою изъ нихъ, которая была такъ обрадована полученіемъ фотографическаго изображенія Ея Величества, всѣ вмѣстѣ:

«Съ восторгомъ припадаютъ къ драгоцѣннымъ ручкамъ Ея Величества и *доло, доло обливаютъ ихъ слезами благодарности*».

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Приглашеніе къ пожертвованію для западнаго края.

Въ апрѣлѣ минулъ годъ кончинѣ Благовѣрнаго Государя Цесаревича Николая Александровича. Эта невозвратная потеря была глубоко прочуствована изъ конца въ конецъ Россіи; но ни для одной мѣстности нашего отечества утрата этой свѣтлой личности не была такъ ощутительна, какъ для западнаго края, гдѣ Имя Почившаго съ умиленіемъ и благодарностью произносится понынѣ едва ли не въ каждой хижинѣ русскаго простолюдина. Независимо отъ денежныхъ и вещественныхъ пожертвованій на востановленіе въ западныхъ губерніяхъ православныхъ святынь и на пріобрѣтеніе какъ церковныхъ принадлежностей, такъ и богослужебныхъ книгъ, покойный Цесаревичъ принималъ самое живое участіе въ дѣлѣ образованія туземнаго русскаго простолюдина, находившагося подъ вѣковымъ гнетомъ польскихъ помѣщиковъ, тѣснившихъ его не въ одномъ матеріальномъ отношеніи, но и уничтожавшихъ въ корень всѣ его помыслы и законныя стремленія къ русской самобытности. Въ скольких церквахъ, въ скольких школахъ и братствахъ находятся видимые знаки сочувствія покойнаго Цесаревича къ русскому дѣлу, дары Его царственной щедрости, напоминающіе народу Его приснопамятное, хотя и скоротечное бытіе!

Немедленно, по полученіи извѣстія о кончинѣ Цесаревича, тайный совѣтникъ Батюшковъ, имѣя чрезъ наблюдающихъ за церковными постройками въ западныхъ губерніяхъ самыя точныя свѣдѣнія о неудобствахъ, съ какими помѣщено въ наемномъ деревянномъ домѣ вновь открытое въ г. Житомірѣ, для обширной волынской эпархіи, училище священнослужительскихъ дочерей, и принимая во вниманіе громадную пользу, которую подобнаго рода

заведенія могутъ принести дѣлу полнаго и серьезнаго обрусѣнія полуополяченнаго древле русскаго края, просилъ, въ апрѣлѣ 1865 года, г. министра внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи, изъ поступающихъ въ министерство отъ разныхъ лицъ пожертвованій на школы и церкви западныхъ губерній, денежныхъ средствъ на постройку для означеннаго училища каменнаго зданія и объ исходатайствованіи Высочайшаго Государя Императора соизволенія на присвоеніе этому русскому православному питомнику дорогаго имени покойнаго Цесаревича, съ тѣмъ, чтобы въ зданіи училища была устроена домовая двухъ-предѣльная церковь въ честь Рождества Богородицы и во имя св. Николая, чудотворца Мурликійскаго,— дней рожденія и тезоименитства Почившаго.

Съ воспослѣдованіемъ Высочайшаго на это ходатайство соизволенія, министерство внутреннихъ дѣлъ поручило наблюдающему за церковными постройками въ Волынской губерніи избрать удобное мѣсто для сооруженія подъ означенное училище каменнаго дома, составить ему чертежъ и смѣту и, по одобреніи оныхъ свѣтскою и духовную мѣстными властями, представить на разсмотрѣніе и утвержденіе министерства.

Согласно данному предложенію, наблюдающій за церковными постройками проектировалъ чертежи и разцѣнки зданію, указалъ для него на принадлежащую городу мѣстность, какъ отвѣчающую гигіеническимъ условіямъ и во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ для этой цѣли удобную. Кромѣ зданія проектированнаго по Высочайше утвержденному штату на 90 воспитанницъ, предполагалось выстроить приономъ всѣ хозяйственныя службы, какъ-то: сараи, конюшни, молочныя и т. п., съ тѣмъ, чтобы воспитанницы могли основательно ознакомиться съ хозяйствомъ и, по выходѣ изъ заведенія, имѣли бы достаточныя практическія по этому предмету свѣдѣнія; но расходъ (169,870 р.), потребный на всѣ эти строенія, былъ несоразмѣренъ съ наличными денежными средствами министерства, вслѣдствіе чего необходимо было сдѣлать измѣненія въ чертежѣ и проектировать одно главное съ церковью зданіе по болѣе скромному плану, безъ хозяйственныхъ принадлежностей, оставляя устройство оныхъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Передѣланный такимъ образомъ чертежъ, отвѣчая первымъ потребностямъ училища, разсчитанъ на 62,497 р.

Министерство, желая скорѣйшаго осуществленія столь полезнаго предпріятія, испросило, 6 числа сего мая, Высочайшее Государя Императора соизволеніе на отдѣленіе съ этою цѣлію изъ поступаю-

щихъ отъ разныхъ лицъ денежныхъ приношеній въ пользу школъ и церквей западнаго края 22,676 р., съ тѣмъ, чтобы къ работамъ было приступлено въ нынѣшнемъ же году и чтобы пополненіе недостающей на сооруженіе упомянутаго зданія суммы было отнесено на частныя пожертвованія, по открытой особо на этотъ предметъ съ Высочайшаго соизволенія тайнымъ совѣтникомъ Батюшковымъ подпискѣ.

Приношенія на постройку каменнаго дома для Житомірскаго Цесаревича Николая Александровича училища для дѣвицъ духовнаго званія принимаются ежедневно отъ 11 до 5 часовъ, въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ православныхъ церквей, на Гагаринской набережной, въ домѣ Опочининой, № 30. О пожертвованіяхъ будетъ публиковано въ *Сѣверной Почтѣ*.

(Русск. Инв.)

О пожертвованіяхъ на устройство православныхъ церквей и народныхъ училищъ въ западномъ краѣ.

Въ № 269 «Сѣверной Почты» (10-го декабря 1865 года) напечатанъ былъ отчетъ о поступившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, на устройство православнихъ церквей и народныхъ училищъ въ западномъ краѣ, денежныхъ пожертвованіяхъ и о произведенномъ изъ оныхъ расходѣ, а также о распредѣленіи и разсылкѣ, по назначенію, пожертвованныхъ съ тою же цѣлью богослужебныхъ предметовъ, книгъ, облаченій и церковной утвари.

Изъ вышеупомянутаго отчета видно, что по 23-е ноября минувшаго года поступило въ министерство: наличными деньгами 82,534 руб. 7 коп. и государственными билетами 4% непрерывнаго дохода 42,500 руб., всего же 125,034 руб. 7 коп.

Съ этого времени, т. е. съ 23-го ноября 1865 года по 1-е число сего мая, поступило вновь на имя тайнаго совѣтника Батюшкова отъ разныхъ лицъ 3,049 руб. 68¾ коп.

Съ 23-го ноября 1865 по 1-е мая сего года произведены изъ денежныхъ пожертвованій слѣдующіе расходы и выдачи:

1. На покупку для православной церкви м. Дукоры, минской губерніи, игуменскаго уѣзда, серебряно-вызолоченаго потира съ полнымъ приборомъ, таковаго же ручнаго креста, полныхъ священническихъ облаченій: свѣтлаго 1 и траурнаго 1, діаконскихъ:

свѣтлаго 1 и траурнаго 1; одеждъ на престолъ: свѣтлой 1 и траурной 1, на жертвенникъ: свѣтлой 1 и траурной 1, которые и отправлены къ священнику означенной церкви, при отношеніи отъ 26-го февраля, за № 131 . . . . 326 р.

2. На покупку для головчицкой православной церкви, мозырскаго уѣзда, минской губерніи, 2 серебряно-вызолоченныхъ потировъ съ полнымъ приборомъ, 1 таковаго же напрестольнаго креста, 1 Евангелія, 3 подсвѣчниковъ, 5 лампадъ, иконы св. Александра Невскаго; полныхъ священническихъ облаченій: свѣтлаго 1 и траурнаго 1, одеждъ: на престолъ: свѣтлой 1 и траурной 1 и 1 катапетасмы, которые и отправлены къ военному начальнику мозырскаго уѣзда, той же губерніи, при отношеніи отъ 26-го февраля, за № 132 . . . . 550 р.

3. Братчику щучинскаго церковнаго братства, лидскаго уѣзда, виленской губерніи, князю А. П. Мещерскому, выдано въ Петербургѣ (16-го декабря, № 760) въ пособіе, на пріобрѣтеніе для щучинской церкви различныхъ церковныхъ принадлежностей и для основанной при этомъ храмѣ школы книгъ и учебныхъ пособій . . . . 600 р.

4. На пріобрѣтеніе для игуменской городской церкви, минской губерніи, приличнаго колокола отправлено къ минскому губернатору, при отношеніи отъ 20-го февраля, за № 122 . . . 400 р.

5. На покупку для вновь устраиваемой Богдановской церкви, пинскаго уѣзда, Минской губерніи, серебряно-вызолоченыхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дарохранительницы, 1 дароносицы, 1 напрестольнаго креста, 1 Евангелія, 2 хоругвей; накладнаго серебра: 1 всенощнаго блюда, 1 кадила, 2 подсвѣчниковъ о 3 рожкахъ, 2 полумѣстныхъ, 4 лампадъ, 1 пары брачныхъ вѣнцовъ, 1 водосвятной чаши съ принадлежностью, 1 мирницы, 1 купели, 1 чаша для колива, 1 плащаницы; полныхъ священническихъ облаченій: свѣтлыхъ 2, траурныхъ 1, стихарей пречетническихъ свѣтлыхъ 2, траурнаго 1; одеждъ: на престолъ: свѣтлой 1 и траурной 1, на жертвенникъ: свѣтлой 1 и траурной 1, которые и отправлены къ главному начальнику сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, при отношеніи отъ 30-го марта, за № 221 . . . . 1,346 р.

6 На покупку, для православной церкви полоцкой духовной семинаріи 1 серебряно-вызолоченнаго потира съ полнымъ приборомъ, 1 запрестольнаго креста, 1 водосвятной чаши съ приборомъ, 1 всенощнаго блюда, 1 панихидницы, 1 кадила, 4 лампадъ къ

мѣстнымъ иконамъ, 1 лампады на воздухъ, 7 подсвѣчниковъ; полныхъ облаченій: архимандритскаго свѣтлаго 1, траурнаго 1, священническихъ: свѣтлыхъ 2, траурныхъ 2, стихарей: діаконскихъ свѣтлыхъ 2, траурныхъ 2, причетническихъ: свѣтлаго 1, траурнаго 1; одеждъ: на престолъ: свѣтлой 1 и траурной 1, и на жертвенникъ: свѣтлой 1 и траурной 1, которые и отправлены къ ректору означенной семинаріи, архимандриту Никанору, при отношеніи отъ 7-го марта, за № 133 . . . . 500 р.

7. Для поддержанія школы начальнаго образованія бѣдныхъ дѣвицъ въ г. Минскѣ, содержимой сестрами Межениными, отправлено къ директору училищъ Минской губерніи, при отношеніи отъ 11-го марта, за № 159 . . . . 1,500 р.

8. На покупку для церквей: *Булянской*, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи, 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 напрестольнаго креста, серебряно-вызолоченныхъ, и 1 креста запрестольнаго, 3 подсвѣчниковъ, 2 хоругвей, иконы Усѣкновенія-главы Іоанна Предтечи, 2 полныхъ священническихъ облаченій, 1 стихаря, 1 одежды на престолъ съ покровомъ и 1 одежды на жертвенникъ, и *Островской*— Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи, серебряно-вызолоченныхъ: 1 дарохранительницы, 1 дароносицы и 1 напрестольнаго креста, 2 хоругвей, 1 Евангелія, 4 лампадъ накладнаго серебра, 1 запрестольнало креста, 1 полнаго священническаго облаченія; одеждъ: 1 на престолъ и 1 на жертвенникъ, которые и отправлены къ священникамъ означенныхъ церквей, при отношеніяхъ отъ 30-го марта, за №№ 219 и 222 . . . 1,167 р. 50 к.

9. На поддержаніе училища для дѣвицъ, содержимаго г-жею Вушманъ, въ г. Шавляхъ, Ковенской губерніи, отправлено къ попечителю виленскаго учебнаго округа, при отношеніи отъ 10-го марта, за № 156 . . . . 1,000 р.

10. Въ возвратъ израсходованныхъ въ теченіе 1864 и 1865 гг. на укладку и отправку по назначенію богослужебныхъ принадлежностей, облаченій и книгъ, жертвуемыхъ частными лицами для православныхъ храмовъ и приходскихъ школъ западныхъ епархій, съ разрѣшенія г. министра . . . . 207 р.

11. Въ возвратъ израсходованныхъ завѣдывающимъ церковною постройкою въ Подольской губерніи, въ теченія 1864 и 1865 гг., на наемъ помѣщенія для храненія книгъ и другихъ учебныхъ принадлежностей, пожертвованныхъ въ пользу сельскихъ училищъ той губерніи и на разсылку оныхъ, выдано съ разрѣшенія г. министра подполковнику де-Ливрону, 26-го марта, № 216 . . . . 154 р.

12 На покупку для ержепольской церкви, Люцинскаго уѣзда, Витебской губерніи, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дарохранительницы, 1 дароносицы, 1 Евангеліе, и накладнаго серебра: 1 запрестольнаго креста, 1 водосвятной чаши, 1 блюда для благословенія хлѣбовъ, 4 подсвѣчниковъ, 2 лампадъ, одеждъ съ принадлежностями: на престолъ 1 свѣтлой, 1 траурной, на жертвенникъ 1 свѣтлой, 1 траурной, 2 литоновъ, 1 пары воздуховъ свѣтлыхъ и 1 пары траурныхъ, полныхъ священническихъ облаченій: свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, стихарей: свѣтлаго 1, траурнаго 1, хоругвей 2, плауаница 1 и пеленъ на аналои и столикъ 3. Всѣ эти вещи заказаны и, по изготовленіи, будутъ доставлены въ преосвященному Василію, архіепископу полоцкому и витебскому, ходатайствовавшему о снабженіи означенной церкви упомянутою утварью . . . . 993 р.

13 На пріобрѣтеніе для вновь выстроенной въ с. Завидовкѣ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи, православной церкви 3 колоколовъ отправлено къ могилевскому губернатору, при отношеніи отъ 15-го апрѣля за № 268 . . . . 285 р.

14. На покупку, по ходатайству попечительницы кіевскихъ богоугодныхъ заведеній, для вновь устраиваемой въ г. Кіевѣ, при домѣ Сулимы, православной церкви, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дарохранительницы, 1 дароносицы; крестовъ: 1 напрестольнаго и 1 для требъ, Евангелій: 1 напрестольнаго и 1 молебнаго, и накладнаго серебра: 1 всенощнаго блюда, антидорнаго блюда, 1 водосвятной чаши съ принадлежностью, 1 кадила, 3 подсвѣчниковъ о 3 рожкахъ, 2 лампадъ, 1 мирницы, 1 чаши для полива, 2 хоругвей, 1 плащаницы, полныхъ священническихъ облаченій свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, діаконскихъ: свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, причетническихъ стихарей: свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, одеждъ на престолъ съ покровомъ: свѣтлой 1, траурной 1, на жертвенникъ: свѣтлой 1, траурной 1, пеленъ на аналои и столики 3, воздуховъ 2 паръ и 1 катапетасмы. Вещи эти, по изготовленіи ихъ, будутъ отправлены по принадлежности . . . . 995 р.

15. На пріобрѣтеніе богослужебныхъ принадлежностей для вновь строющихся храмовъ въ мѣстечкахъ: Орли, Докудовѣ и Мыто, Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, выдано въ распоряженіе князя А. П. Мещерскаго (при отношеніи 15-го апрѣля, № 264) 400 р.

16. На покупку богослужебныхъ принадлежностей и священныхъ облаченій для церквей Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда: а) *Ивашкевичевой*, 1 серебряно-вызолоченнаго потира съ

полнымъ приборомъ, 1 напрестольнаго креста и 1 траурнаго священническаго облаченія; б) Слонимскаго уѣзда: *Кочинской* церкви, 1 серебряно-вызолоченаго напрестольнаго креста, 2 хоругвей, церковной завѣсы, всенощнаго и панихиднаго блюдъ, облаченій на престолъ, жертвенникъ, аналой и столикъ; в) *Дворецкой* церкви, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 напрестольнаго креста и 1 Евангелія; г) *Горецкой* церкви, 1 подсвѣчника на престолъ и свѣтлаго священническаго облаченія, съ принадлежностью, и д) *Милькановичской* церкви, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дароносицы, 1 напрестольнаго креста, 1 Евангелія и траурнаго священническаго облаченія. Всѣ эти предметы, по изготовлении ихъ, будутъ отправлены по принадлежности . . . . 916 р.

17. На покупку, для церкви Казанской Божіей Матери, въ г. Поневѣжѣ Ковенской губеріи, 1 напрестольнаго креста серебряно-вызолоченнаго, 1 водосвятной чаши, 1 всенощнаго блюда, 1 сборнаго блюда, 1 купели, 2 хоругвей, 4 подсвѣчниковъ, 6 лампадъ, 1 кадила, 3 полныхъ священническихъ облаченій, 3 стихарей и 1 одежды на престолъ и жертвенникъ. По изготовленіи сихъ вѣщей, онѣ будутъ отправлены по принадлежности . . . 832 р.

18. На покупку, для вновь устраиваемой въ селеніи Великій Боръ, Рѣчицкаго уѣзда, Минской губерніи, православной церкви, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дарохранительницы, 1 дароносицы, 1 напрестольнаго креста, 1 Евангія и накладнаго серебра: 1 всенощнаго блюда, 1 водосвятной чаши, 1 кропила, 1 креста съ подножіемъ для паннихидъ, 1 мирницы, 1 кадила, 5 лампадъ, 2 мѣстныхъ подсвѣчниковъ, 3 подсвѣчниковъ о 3 рожкахъ, 1 купели мѣдной, полныхъ священническихъ облаченій: свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, стихара 1, одеждъ свѣтлыхъ и траурныхъ по 1 на престолъ, жертвенникъ, аналой и столикъ, 1 катапетасмы и 1 коврика для устланія предпрестольнаго мѣста. Всѣ эти предметы, по изготовленіи ихъ, будутъ отправлены по принадлежности . . . . 1,242 р.

19. Отправлено, согласно назначенію жертвователей, къ минскому губернатору, для передачи православному духовному братству г. Минска, имѣющему содѣйствовать утвержденію и процвѣтанію православной вѣры . . . . 300 р.

20. На покупку для юревичской церкви, игуменскаго уѣзда, Минской губерніи, колокола и паникадила, которые, по изготовленіи ихъ, будутъ отправлены на мѣсто . . . . 500 р.

и 21. Пожертвованный чиновникомъ Цѣхановѣцкимъ 5% государственнаго банка въ 1,000 руб. билетъ втораго выпуска, за № 15,152, съ купонами, въ пользу устраиваемаго Витебской губерніи и уѣзда Бабинницкой волости, сельскаго училища, отправленъ къ попечителю виленскаго учебнаго округа, для передачи по назначенію, 1,000 р.

Итакъ, съ 23-го ноября 1865 г. по 1-е мая сего года, израсходовано деньгами 14,213 р. 50 к. и отправлено билетами на 1,000 руб., а всего 99,139 р. 65 к.

Затѣмъ къ 1-му мая состоитъ на лицо въ с.-петербургскихъ: главномъ и губернскомъ казначействахъ 28,944 р. $10^{3}/_{4}$ к.

Вѣдомость вещамъ, отправленнымъ тайнымъ совѣтникомъ Батюшковымъ, изъ числа прежде оставшихся и вновь поступившихъ отъ разныхъ лицъ:

Отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Сергія Александровича и Государыни Великой Княжны Маріи Александровны парчевыя съ изображеніями хоругви—къ архимандриту Никанору, ректору полоцкой духовной семинаріи, для семинарской церкви, при отношеніи отъ 17-го марта за № 133.

Къ парическому благочинному священному, Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи, отцу Антонію Смоличу, при отношеніи отъ 1-го декабря 1865 года, за № 717, пожертвованные для св. Михайловской церкви села Островчицы, того уѣзда: а) Варварою Александровною Даниловою, серебряно-вызолоченные потиръ съ полнымъ приборомъ и напрестольный крестъ, съ тѣмъ, чтобы въ этомъ краѣ совершаемо было, по уставу церкви, поминовеніе души усопшаго раба Божія «болярина Анастасія».

Къ настоятелю петропавловской церкви города Шавлей, Ковенской губерніи, при отношеніи отъ 15-го января, за № 44, пожертвованную въ пользу той церкви неизвѣстнымъ лицомъ чашу для благословенія хлѣбовъ (накладнаго серебра).

Къ учредительницѣ парическаго училища для дѣвицъ изъ духовнаго званія, М. Я. Пущиной, при отношеніи отъ 24-го февраля, за № 127, пожертвованные купцомъ Грачевымъ, двѣнадцать маленькихъ образовъ, для раздачи воспитанницамъ.

Къ ректору полоцкой духовной семинаріи, отцу архимандриту Никанору, при отношеніи отъ 7-го марта, за № 133, пожертвован-

ные для семинарской церкви: 1) супругою генералъ-адъютанта Юліею Николаевною Зиновьевою, плащаница хромолитографированная; 2) потомственнымъ гражданиномъ, с.-петербургскимъ 2-й гильдіи купцомъ Ѳ. А. Верховцевымъ, серебряно-вызолоченные: дарохранительница и большой напрестольной крестъ; 3) купцомъ Грачевымъ, серебряно-вызолоченные кресты, благословенный и водосвятный, Евангелія напрестольное и малое для требъ, митра фіолетовая, шитая серебромъ, для траурнаго облаченія, и св. икона дванадесяти праздниковъ, и 4) потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ В. Е. Сытовымъ, митра на бѣломъ атласѣ, шитая золотомъ, шелковая катапетасма и одежды на два аналоя и на два столика, съ пеленами.

Къ священнику Іоанно-Богословской церкви села Приборова, Брестскаго уѣзда, Гродненской губерніи, при отношеніи отъ 10-го марта, за № 157, пожертвованные для той церкви неизвѣстнымъ лицомъ напрестольный и молебный кресты, блюдо для святой воды (накладнаго серебра) и 59 экземпляровъ книгъ разнаго содержанія для школы.

Къ священнику св. Михайловской церкви, села Изабелина, Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи, при отношеніи отъ 10-го марта, за № 158, пожертвованные для этой церкви и школы генералъ-лейтенантомъ А. О. Россетомъ, двѣ св. иконы и 23 экземпляра разнаго содержанія книгъ.

Къ настоятелю Покровскаго монастыря въ городѣ Оршѣ, Могилевской губерніи, при отношеніи отъ 5-го апрѣля, за № 228, доставленные для этого монастыря Вѣрою Ивановною Набоковою риза, эпитрахиль, поясъ, поручи, подризникъ, одежды на престолъ и жертвенникъ, три пелены на аналои и 9 паръ воздуховъ.

Къ гродненскому губернатору, при отношеніи отъ 10-го апрѣля, за № 245, для православной церкви м. Друскеники, пріобрѣтенные на оставшіяся отъ пожертвованныхъ особо подполковникомъ Понамаревымъ деньги серебряно-вызолоченные: кресты напрестольный и для требъ, Евангеліе напрестольное, плащаница и св. икона Спасителя и Богоматери для крестныхъ ходовъ.

Къ священнику Іоанно-Богословской церкви, села Приборова, Брестскаго уѣзда, Гродненской губерніи, при отношеніи отъ 19-го апрѣля, за № 286, пожертвованные для той церкви неизвѣстнымъ лицомъ: образъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ золоченной рамкѣ, и фотографическій портретъ Государя Императора, въ рамкѣ, для приходской школы.

Къ священнику св. Екатерининской церкви въ г. Минскѣ, отцу Никанору Смоличу, при отношеніи отъ 24-го апрѣля, за № 294, пожертвованная для этой церкви Елисаветою Алексѣевною Нарышкиною (урожденною княжною Куракиною) собственнаго ея писанія, икона св. великомученицы Екатерины.

Кромѣ сего, московскими 1-й гильдіи купцами: Ляминымъ, Вишняковымъ, Сиротининымъ и Грачевымъ сдѣланы въ минувшемъ мартѣ пожертвованія, для снабженія 507 нуждающихся въ богослужебныхъ принадлежностяхъ, православныхъ храмовъ кіевской епархіи: 609 священническихъ, діаконскихъ и причетническихъ облаченій, съ подризниками; 386 престольныхъ съ жертвенниками и аналойныхъ облаченій; 180 св. иконъ большаго размѣра и 250 меньшаго размѣра; 140 серебряныхъ вызолоченныхъ чашъ съ приборомъ; 112 такихъ же напрестольныхъ крестовъ; 66 такихъ же дарохранительницъ; 23 такихъ же дароносицъ; 65 Евангелій; 18 водосвятныхъ чашъ; 17 всенощныхъ блюдъ; 18 ковшей для теплоты; 21 купелей, 13 кадилъ; 18 напрестольныхъ подсвѣчниковъ; 19 антидорныхъ блюдъ; 32 лампадъ большихъ; 12 мирницъ; 46 мѣстныхъ подсвѣчниковъ; 5 выносныхъ подсвѣчниковъ; 7 паръ хоругвей и 29 плащаницъ. Означенныя вещи заготовляются въ Москвѣ и будутъ доставлены въ Кіевъ на имя высокопреосвященнаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ текущаго года. *(Сѣверн. Почта).*

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ

во имя Св. Великомученика побѣдоносца Георгія, приписной къ скидельской церкви гродненскаго уѣзда.

Въ 2-хъ верстахъ отъ м. Скидля, по большой дорогѣ въ Гродну на крутомъ берегу рѣки Котры находится деревяная церковь св. Великомученика Георгія, и поэтому называется: *Котранская-Юрьевская.* Искони къ ней принадлежалъ приходъ, но неизвѣстно, когда закрытъ и приписанъ къ скидельской церкви.— Тамъ находится особенно чтимая народомъ чудотворная икона св. Георгія на доскѣ въ большомъ размѣрѣ;— на подписи значится— по-

жертвована въ сію церковь 1560 года Иваномъ Верещинскимъ; на иконѣ изображены различныя страданія съ славянскими надписями, что ясно доказываетъ существованіе въ сей странѣ древняго православія и русской народности. Но церковь Юрьевская отъ времени стала приходить въ ветхость, и наконецъ угрожало ей совершенное разрушеніе, подобно многимъ храмамъ, имѣвшимъ видъ гробовыхъ призраковъ. Пастыри сей церкви много думали и заботились объ изысканіи средствъ для поддержанія этой святыни, но аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи..... Бѣдность пастырей и пасомыхъ, стонавшихъ подъ тяжкимъ игомъ рабства, наложеннаго панами и ксендзовскою пропагандою, не допустили осуществиться общимъ желаніямъ и стремленіямъ пока не настало благотворное время возрожденія природнаго православія на русской почвѣ. Нашлись средства, явилось усердіе: пишущій сіи строки, мѣстный священникъ, пригласилъ своихъ прихожанъ и братчиковъ къ дѣлу богоугодному; пріобрѣлъ братчицу Надежду Борисовну княгиню Трубецкую, которой вкладъ составляетъ единственное и даже рѣдкое въ другихъ храмахъ украшеніе. Она для этой церкви прислала: всѣ образа къ иконостасу, писанные на деревѣ лучшимъ художникомъ, стоимостью на 500 р. с.,— священные сосуды— полновѣсные серебрянные вызолоченные, напрестольный крестъ, всѣ богослужебныя книги (полный кругъ) въ отличномъ переплетѣ, двѣ пары воздуховъ шолковой матеріи, двѣ плащаницы аплике, три кропила и полное священническое облаченіе красной шелкокой матеріи. Княгиня Трубецкая— родная племянница вотчинника имѣнія Скиделя князя Константина Святополка Четвертинскаго, въ концѣ мая прошедшаго 1865 года проѣздомъ изъ заграницы посѣтила нашу церковь. По случаю ея бытности отслужена Божественная Литургія и молебенъ о здравіи братчицы; во время службы она стояла съ горящею свѣчею въ ряду съ нашими братчиками— бѣдными крестьянами; послѣ выхода изъ церкви привѣтствовалась съ каждымъ братчикомъ, бесѣдовала съ ними очень ласково о нуждахъ церкви, объ улучшеніи ихъ быта и проч.; и тѣмъ сдѣлала на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что они съ особеннымъ расположеніемъ воспоминаютъ имя благочестивой братчицы. Таже братчица княгиня Трубецкая склонила дядю своего князя Четвертинскаго оказать содѣйствіе къ нуждамъ Юрьевскаго храма, въ которомъ подъ спудомъ погребены двое дѣтей его.— Имъ отпущено 60 корней строеваго лѣса. Г. главнымъ начальникомъ края, графомъ Муравьевымъ, отпущено на починку сей церкви 600

руб.; въ церкви имѣлось 100 руб.; собрано б. мировымъ посредникомъ Хотяницовымъ 28 руб.; недостающіе къ совершенному окончанію 197 руб. 36 коп. пожертвованы частію мѣстнымъ причтомъ, а частію прихожанами.

Такимъ образомъ Господу благодѣющу и споспѣшествующу во благихъ начинаніяхъ, возведенъ отъ разрушенія и поставленъ въ благовидное состояніе храмъ св. Георгія къ неописанной радости мѣстныхъ прихожанъ, которые теперь во время частныхъ службъ, собираясь во храмѣ, не могутъ налюбоваться красотою и благолѣпіемъ онаго въ противуположность прежнему запустѣнію; — при семъ наружномъ видѣ каждый, исполненный чувствомъ живѣйшей благодарности виновнику всѣхъ благъ Благодѣтелю - Монарху нашему, сердцемъ и устами восклицаетъ: *Коль возлюбленна селенія Твоя Господи силъ! желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни.* По благословенію высокопреосвященнѣйшаго архипастыря нашего, митрополита Іосифа, для освященія избранъ день 14 сего апрѣля — память св. Виленскихъ Мучениковъ. Наканунѣ сего торжества изволилъ къ намъ прибыть изъ Гродны, къ общей нашей радости, преосвященнѣйщій Игнатій епископъ брестскій, изъявившій желаніе священнодѣйствовать храмъ, къ тому времени собрались сосѣдніе священники и діаконы.— 14 апрѣля послѣ ранней Литургіи все духовенство съ народомъ, стекшимся изъ сосѣднихъ приходовъ въ огромной массѣ, отправилось крестнымъ ходомъ изъ скидельской церкви къ новоустроенной; образъ св. Георгія несенъ былъ руками священниковъ. Послѣ водосвятнаго молебна началось самое освященіе храма; народъ, невидавшій этого священнодѣйствія и находившіеся здѣсь католики тѣснились къ олтарю, чтобы посмотрѣть и послушать стройное пѣніе архіерейскаго хора. Давка была страшная по тѣснотѣ церкви— здѣсь едва могла помѣститься 10-я часть собравшагося народа. Во время Божественной Литургіи, совершенной преосвященнымъ Игнатіемъ въ сослуженіи духовенства, произнесено было священникомъ Езіорской церкви Адамомъ Михалевичемъ слово, приличное случаю и торжеству на текстъ: *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ!.....* Вся эта церемонія произвела въ народѣ глубокое благоговѣйное впечатлѣніе, отъ коего видны были на глазахъ слезы радости и умиленія. Таковое событіе есть единственное въ памяти здѣшняго прихода, и оно останется на всегда въ устномъ преданіи.

Скидельскій Благочинный Свящ. *А. Будзиловичъ.*

О КАШУБИНСКОМЪ КОСТЕЛѢ.

Въ настоящее время, когда православіе наше, въ здѣшнемъ краѣ, мощною силою стало выбиваться изъ подъ бывшаго гнета инославнаго исповѣданія, когда повсюду возстановляются и украшаются древнія святыни наши, въ которыхъ, по стараніямъ недоброжелателей православной вѣры, уже господствовало запустѣніе; когда умы лучшихъ дѣятелей въ нашемъ краѣ напряжены къ тому, чтобы возстановить здѣсь православіе въ прежнемъ его величіи:— равнялось-бы религіозному индеферентизму и даже небреженію къ дѣламъ вѣры оставлять безъ вниманія самые малѣйшіе предметы, могущіе служить къ возвеличенію праотеческой нашей вѣры и процвѣтанію въ прежнемъ ея блескѣ, тѣмъ болѣе, если дѣло касается предметовъ первой важности, каковы святые храмы Божіи. Принося посильную жертву на алтарь всеобщаго утвержденія православія, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе людей, сочувствующихъ сему дѣлу, на одинъ уголокъ въ нашемъ околодкѣ; гдѣ до сихъ поръ находится памятникъ бывшаго польскаго самовластія въ западно-русскомъ краѣ.

По почтовой дорогѣ изъ г. Гродны къ Вильну, на 26 верстѣ отъ Гродны, есть кладбищенская церковь во имя св. Великомученика Георгія. Она была нѣкогда приходскою и называлась котранскою, отъ рѣки Котры, какъ и вся эта мѣстность на протяженіи слишкомъ 4-хъ верстъ по одну и по другую сторону рѣки носитъ названіе Котры, а нынѣ эта церковь приписная къ скидельской приходской и состоитъ въ завѣдываніи ея причта (*). Но не объ этомъ здѣсь рѣчь. Въ одной верстѣ отъ Свято-Георгіевской церкви находится принадлежавшій нѣкогда къ ней, нынѣ р.-католическій кладбищенскій костелъ во имя Святителя Николая.

Въ древнихъ актахъ онъ названъ прямо церквію. Въ архивѣ скидельской приходской церкви сохранился документъ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «извлеченіе изъ протокола генеральнаго обзора церквей, произведеннаго въ 1681 году митрополитомъ всей Россіи»; имени его здѣсь не упомянуто, но судя по времени,

---

(*) Смотри выше.

это былъ кіевскій уніятскій митрополитъ Кипріанъ Жоховскій. Въ сказанномъ актѣ, послѣ описи котранской приходской церкви, ея имущества, строеній и фундуша священника, послѣ перечисленія деревень, принадлежащихъ къ ней приходомъ, сказано: «что въ завѣдываніи преп. отца Іоанна Германовича состоитъ церковь во имя св. Николая-Котранская», и замѣчено: «что фундуша при ней нѣтъ, только есть торги», и слѣдовательно доходы. Вѣроятно это была приписная церковь, построенная на кладбищѣ для удобства ближнихъ деревень. Самое посвященіе этой церкви во имя св. Николая, не употребительное въ западной церкви, показываетъ, что она назначалась, если не для православныхъ, то для уніятовъ, такъ какъ этого святителя издревле чтитъ особенно русскій народъ.

Въ другомъ позднѣйшемъ такомъ же экстрактѣ генеральнаго обзора есть еще яснѣйшее доказательство того, что эта церковь принадлежала обряду уніятскому, а никакъ не католическому. Въ этомъ экстрактѣ обзора, бывшаго въ 1737 году, послѣ подробной описи Свято-Георгіевской церкви, записано *Notandu n* (должно замѣтить), коего дословный переводъ съ польскаго языка слѣдующій: «въ четверти мили отъ церкви котранской, въ имѣніи гродненскихъ іезуитовъ, называемомъ Котра, находится часовня, или лучше церковь деревянная, старинная, какъ слѣдуетъ освященная блаженнымъ Іосафатомъ архіепископомъ полоцкимъ. Въ этой часовнѣ, или церкви, находится чудотворный образъ Пресвятой Дѣвы, при каковомъ образѣ есть не мало серебряныхъ табличекъ, драгоцѣнностей и другихъ украшеній». Извѣстно, что римско-католическіе костелы всегда освящались римско-католическими епископами, а епископы уніятскіе освящали церкви, принадлежавшіе уніятамъ. Другое обстоятельство. Уніятскій ревизоръ церквей осматриваетъ эту церковь и записываетъ принадлежащее ей имущество. Если бы она принадлежала р.-католическому обряду, то уніятскому ревизору не было бы надобности осматривать ее, а тѣмъ болѣе помѣщать результатъ сего обзора въ оффиціальномъ своемъ отчетѣ. Такъ она и оставалась въ завѣдываніи скидельскихъ уніятскихъ священниковъ до 1812 г. Въ этомъ году, во время всеобщихъ безпорядковъ по случаю войны Россіи съ Франціею, по разсказамъ старожиловъ случилось такого рода дѣло:

8-го мая, на канунѣ Николина дня, пришли со всѣми принадлежностями крестнаго хода братчики скидельской церкви и езіорскаго костела; между ними возникъ споръ о томъ, какому брат-

ству тут первенствовать — уніятскому или католическому? дошло до крупных разговоров, а наконец и до драки, так что в самой церкви хоругвями и крестами одни других избили до крови, чѣм, естественно, осквернилась святость храма, в котором, по каноническим правилам, нельзя уже было отправлять богослуженія. Об этом обстоятельствѣ упоминается в указѣ брестской греко-уніятской консисторіи викарію скидельской церкви Іерониму Налевайкѣ, от 27 мая 1814 г., за № 299. С тѣх пор служеніе в этой церкви прекратилось и начался процесс между скидельским уніятским священником Пукштою и помѣщиком имѣнія Кашубинцы судьею Данкевичем. Между тѣм 9-го мая 1814 г. настоятель езіорскаго римско-католическаго костела бернардин, с собранными такими же бернардинами и доминиканами, забравши с собой из езіорскаго костела органы, прибыл в кашубинскую церковь и в день св. Николая служил торжественную миссу, не смотря на то, что церковь вышеописанным дѣйствіем братства была профанирована. Бывшій в то время викарій скидельской церкви Іероним Налевайко донес о сем греко-унитской брестской консисторіи, которая сообщила об этом в виленскую римско-католическую консисторію; поднят был опять вопрос, к какому обряду должна принадлежать кашубинская церковь; назначено слѣдствіе на 20-е число апрѣля 1814 г. Производителями этого дѣла назначены были: со стороны латинскаго обряда: декан гродненскій Станислав Умотовскій и настоятель рожанецкій Іаков Янковскій, а со стороны уніятскаго: Ѳома Вощилович, протоіерей, декан гродненскій и Михаил Онацевич, экзаминатор гродненскій, а викарію Налевайкѣ предписано явиться к 8-му апрѣля в м. Жировицы в греко-унитскую консисторію с документами (*). Между тѣм как первоначальная переписка об этом предметѣ по случаю спора между Пукштою и Данкевичем находилась в Петербургѣ у настоятеля скидельской церкви, ассесора духовной коллегіи Лопушинскаго; то к нему 27 мая 1814 г. послан отзыв о присылкѣ таковой переписки, а виленскую римско-католическую консисторію греко-унитская консисторія просила отсрочить окончательное рѣшеніе дѣла до тѣх пор, пока не будет получена помянутая переписка (**).

По полученіи таковой, согласно резолюціи епархіальнаго архіерея Іосафата Булгака, назначен депутатом по сему дѣлу со сто-

(*) Указ Греко-Ун. конс. от 23 марта 1814 г. за № 161.
(**) Указ греко-унитской консисторіи от 12 іюня 1814 г. за № 327.

роны уніятскаго обряда протоіерей вице-президентъ консисторіи Іосафатъ Горбацевичъ съ тѣмъ, чтобы къ 29-му августа 1814 г. онъ отправился въ виленскую римско-католическую консисторію, а викарію скидельской церкви Налевайкѣ предписано явиться тудаже съ нужными документами (*).

Но 30-го августа каѳедральный протоіерей, ассесоръ консисторіи и слонимскій благочинный Іоаннъ Дылевскій рапортомъ донесъ консисторіи: что онъ, въ качествѣ засѣдателя по дѣлу кашубинской церкви, былъ въ Вильнѣ въ тамошней римско-католической консисторіи, но викарій скидельской церкви Налевайко, не получивши изъ виленской митрополитальной унитской консисторіи необходимыхъ для дѣла документовъ, подалъ въ виленскую римско-католическую консисторію прошеніе объ отсрочкѣ слѣдствія до 9-го ноября 1814 г. Вслѣдствіе этого викарію Налевайкѣ подъ личною его отвѣтственностію предписано озаботиться отысканіемъ таковыхъ документовъ (**).

Въ концѣ октября поручено было протоіерею Иліи Мокржицкому 9-го ноября присутствовать въ качествѣ засѣдателя при производствѣ дѣла въ виленской римско-католической консисторіи (***).

Наконецъ, какъ викарій скидельской церкви Іеронимъ Налевайко не могъ, неизвѣстно почему, получить изъ виленской митрополитальной консисторіи нужныхъ для дѣла документовъ, то римско-католическая консисторія, отъ 9-го іюля 1815 г., за № 418, прислала въ греко-унитскую брестскую консисторію отзывъ слѣдующаго содержанія: «въ виленской римско-католической консисторіи, по разсмотрѣніи дѣла о спорномъ котранскомъ костелѣ, постановлено: такъ какъ изъ буллы папы Венедикта XIV-го, данной 12 мая 1750 г., назначающей въ этомъ костелѣ храмовые праздники съ полнымъ отпущеніемъ грѣховъ, принятой съ благоговѣніемъ, и данной къ исполненію управляющимъ виленскою епархіею, епископомъ виленскимъ Михаиломъ Зенковичемъ въ 1752 году, не меньше изъ инвентаря и люстраціи, сдѣланныхъ ученою коммиссіею 11-го февраля 1774 г. и изъ многихъ другихъ дальнѣйшихъ документовъ оказалось: что костелъ котранскій (о которомъ было сомнѣніе) всегда принадлежалъ обряду латинскому и имѣетъ всѣ его принадлежности, а особенно такъ называемыя *portafelia* (т. е. камень вмѣсто антиминса), употребляемые единственно въ латин-

(*) Указъ тойже конс. отъ 15 іюля 1814 г. за № 410.
(**) Указъ тойже конс. отъ 7 сентября 1814 г. за № 557.
(***) Указъ греко-ун. конс. отъ 26 октября 1814 г. за № 764.

скихъ костелахъ, а находился онъ до 1812 г. только въ завѣдываніи скидельскихъ приходскихъ уніятскихъ священниковъ, наконецъ какъ со стороны обряда уніятскаго не дано достаточныхъ доводовъ тому, чтобы этотъ костелъ былъ посвященъ по уніятскому обряду Іосафатомъ (Кунцевичемъ); затѣмъ признать: что помянутый костелъ котранскій принадлежалъ обряду латинскому, состоялъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ виленскихъ епархіальныхъ, латинскихъ епископовъ, и потому всегда долженъ оставаться подъ ихъ управленіемъ и въ томъ же обрядѣ, а сверхъ того, по причинѣ происшедшей въ немъ въ 1812 г. драки, нужно новое освященіе его, обиженнымъ же при этомъ произшествіи предоставить вѣдаться формою суда. О чемъ рапортовать Стройновскому, епископу виленскому и кавалеру, а священнику Налевайкѣ возвратить представленные имъ документы чрезъ уніятскую брестскую консисторію».

Вотъ примѣръ самаго произвольнаго рѣшенія латинскаго присутственнаго мѣста, вотъ ясное доказательство, какъ самоуправно относилась церковь римско-католическая къ равноправной ей — уніятской! Самое первое доказательство тому, что костелъ кашубинскій долженъ принадлежать латинскому обряду представлена булла папы 1750 г., тогда какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ онъ состоялъ подъ вѣденіемъ уніятовъ, и отъ основанія его до этого года папа даже не зналъ объ его существованіи. Еще доказательство: что здѣсь находится *portafelia*, употребляемыя единственно въ латинскихъ костелахъ, — тогда какъ этотъ предметъ совмѣстно съ нашимъ антиминсомъ находился и въ каждой церкви для отправленія здѣсь миссы латинскими священниками. Въ настоящее время есть еще не мало живыхъ свидѣтелей, которые хорошо помнятъ, что такъ называемые *portafelia* имѣлись въ церквахъ уніятскихъ. Наконецъ сказано: что со стороны обряда уніятскаго не дано ясныхъ доводовъ того, чтобы онъ былъ освященъ уніятскимъ епископомъ Іосафатомъ (Кунцевичемъ), тогда какъ имѣлся подъ рукой документъ, именно экстрактъ генеральнаго обзора, бывшаго въ 1737 г., гдѣ ясно сказано: «что этотъ костелъ, или лучше церковь, освящена епископомъ полоцкимъ Іосафатомъ.» Еще здѣсь усматривается одно довольно важное обстоятельство. Въ томъ же экстрактѣ 1737 г. упоминается, что мелкая шляхта, донынѣ по берегамъ рѣки Котры, принадлежала приходомъ къ свято-георгіевской церкви. Въ настоящее время мнѣ извѣстно нѣсколько личностей, которые показываютъ могилы своихъ отцевъ на геор-

ріевскомъ нашемъ кладбищѣ, слѣдовательно, все это были уніяты, а не р. католики; р. католиками же стали они, вѣроятно, со времени присвоенія кашубинской церкви латинскимъ обрядомъ. Вотъ самыя прямыя соображенія: такъ какъ въ то время религія р. католическая была, такъ сказать, модною, исповѣданіе ея давало даже нѣкоторыя права, а къ тому нашлась возможность для здѣшней шляхты исправлять всѣ духовныя нужды по обряду р. католическому у себя дома; то неудивительно, что они измѣнили свой обрядъ, и сдѣлались р. католиками. Въ настоящее время большая половина крестьянъ деревни Кашубницевъ римскіе католики; отъ чего же они не всѣ православные, тогда какъ въ другихъ деревняхъ скидельскаго прихода почти вовсе нѣтъ католиковъ: очевидное дѣло: Промыслъ Божій однимъ далъ твердость духа оставаться въ прежней вѣрѣ, а другихъ допустилъ къ измѣнѣ ей.

Священникъ *I. Хомичевскій.*

Освященіе костела на православную церковь въ м. Рудоминѣ—Виленскаго уѣзда.

Русская православная Вильна непрестанно украшается православными окрестностями. Въ 11 верстахъ отъ дороги въ Лиду есть мѣстечко Рудомино. Здѣсь былъ костелъ съ немалочисленнымъ приходомъ. Въ районѣ этого же прихода, лѣтъ 30 назадъ, бывшимъ помѣщикомъ поселено было нѣсколько православныхъ семействъ изъ Пинскаго уѣзда, Минской губерніи. Эта-то горсть православныхъ, устоявшая въ св. вѣрѣ противъ всѣхъ козней, разрослась нынѣ въ немалочисленный приходъ православный, присоединеніемъ большаго числа латинянъ къ православію, такъ что понадобилось самый костелъ обратилъ на православную церковь, что и разрѣшено— по просьбѣ присоединившихся изъ латинства, бывшихъ прихожанъ этого костела. Освященіе костела на православную церковь, во имя Святителя и Чудотворца Николая, совершено нынѣ— 9 мая, въ самый праздникъ Святителя Христова. Освященіе совершилъ его преосвященство, Александръ, епископъ ковенскій, съ высшимъ виленскимъ духовенствомъ; на Божественной Литургіи произнесено было священникомъ виленскаго каѳедральнаго собора Андреемъ Кургановичемъ, печатаемое въ слѣдъ за симъ слово. Торжество

это было украшено присутствіемъ г. начальника губерніи С. Ѳ. Панютина, виленскаго военнаго начальника Кн. Н. Н. Хованскаго и многихъ чиновныхъ особъ, ревнителей православія и русской народности въ странѣ.

СЛОВО,

по освященіи храма въ м. Рудоминѣ, 9 мая 1866 года.

Христіане! пришла пора, Богъ и на васъ призрѣлъ своею милостію, — уже и вы имѣете желанный храмъ. Чрезъ настоящее архипастырское священнодѣйствіе Самъ Богъ освятилъ это мѣсто въ жилище Себѣ. Онъ милосердный постоянно будетъ пребывать на семъ мѣстѣ своею спасительною благодатію и будетъ обильно изливать ее въ души всѣхъ приходящихъ сюда съ вѣрою. Здѣсь Онъ, Спаситель нашъ, будетъ невидимо находиться среди васъ и своимъ присутствіемъ будетъ подкрѣплять ваши молитвы. Отсюда въ священныхъ таинствахъ вы будете почерпать себѣ божественную помощь для борьбы со грѣхомъ, для укрѣпленія въ вѣрѣ и благочестивой жизни, ведущей къ вѣчному спасенію. Здѣсь и въ вашемъ счастіи и радости Богъ милостиво приметъ ваши благодаренія, и въ бѣдѣ и горести ниспошлетъ утѣшеніе и болѣзнямъ дастъ исцѣленіе, и слабымъ силамъ подкрѣпленіе. Здѣсь, въ словѣ евангельскомъ, Онъ будетъ къ вамъ бесѣдовать какъ отецъ къ дѣтямъ, наставляя васъ на всякое дѣло доброе и Ему угодное. Здѣсь въ таинствѣ причащенія своимъ пречистымъ тѣломъ и кровію Онъ будетъ входить въ ближайшее и тѣснѣйшее общеніе съ вами. Словомъ, храмъ сей будетъ для васъ неисчерпаемымъ источникомъ постоянныхъ и многоразличныхъ благъ. Да, велико благодѣяніе, дарованное вамъ въ освященіи храма, — вы это понимаете, ваша непритворная радость видимо въ томъ удостовѣряетъ. Мы вполнѣ сочувствуемъ вашему счастію и не сомнѣваемся, что вы отъ души изольете свои благодарныя чувства въ предстоящемъ молебномъ пѣніи. Не только теперь, но и во всю жизнь свою вы непрестанно будете прославлять Бога за настоящее счастіе,—вы и дѣтямъ и потомкамъ своимъ заповѣдаете хвалить Бога вѣчно. Посмотрите, сколько среди васъ именитыхъ русскихъ людей: всѣ они по братскому сочувствію нарочно прибыли сюда раздѣлить вашу радость и слить свои сердца съ ваши-

ли въ одной хвалебной молитвѣ къ милосердному Богу, общему благодателю нашему.

Но позвольте на нѣсколько минутъ сдержать порывы общей радости, чтобы обратиться мыслію назадъ и посмотрѣть — что и какъ было во времена прошедшія.

Христіане! Вы, безъ сомнѣнія, живо себѣ представляете то безуміе, съ какимъ небольшое число поляковъ подняли въ здѣшнемъ краѣ мятежъ, три года тому назадъ; вамъ памятны тѣ хитрости и жестокости, какими они хотѣли и васъ втянуть въ свои злодѣйскіе замыслы. Излишне для васъ, а для настоящаго торжества и не умѣстно было бы въ подробностяхъ раскрывать эту мрачную картину, въ которой все поражаетъ ужасомъ: довольно сказать, что и ксендзы, вопреки совѣсти и званію, принимали живѣйшее участіе въ злокозненныхъ панскихъ затѣяхъ. Вмѣсто того, чтобы возвѣщать истину и поддерживать законный порядокъ, они сдѣлались пособниками лжи, обмана и безпорядковъ. Они святотатственно стали сѣять вражду и ненависть съ того священнаго мѣста, которое предназначено для одной проповѣди о мирѣ и любви; а другіе до того омрачились въ помышленіяхъ своего сердца, что съ крестомъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой пошли предводительствовать разбойничьими шайками мятежниковъ.

Но откуда въ панахъ произошло это дерзское стремленіе, изъ за чего ксендзы взялись имъ содѣйствовать? Откуда у тѣхъ и другихъ это слѣпое убѣжденіе, что здѣсь въ русской землѣ—Польша?

Страна эта въ старину Литвой называлась, она была лѣсомъ покрыта и населена дикимъ и бѣднымъ литовскимъ племенемъ. Занимала она пространство не большое,—часть Виленской и Ковенскую губернію. Эта страна лежала въ сосѣдствѣ съ землею русскою и ее завоевалъ было вел. князь русскій, Ярославъ Мудрый, и наложилъ дань на литовцевъ. По прошествіи нѣкотораго времени Литва опять стала жить сама собой и своихъ князей имѣть. Литовцы были тогда нехристи. Зная это, нѣмцы поселились недалеко отъ Литвы, гдѣ теперь Рига, и по приказу папы пошли воевать Литву и мечемъ принуждать ее къ принятію римской вѣры. Литовцы стали обороняться, стали по чаще изъ лѣсовъ показываться на свѣтъ Божій и мало по малу изъ дикихъ стали дѣлаться похожими на другихъ: у нихъ явилась отвага, нашлись смѣлые вожди, которые удачно побивали нѣмцевъ. Нѣмцы снеслись съ поляками и давай съ двухъ сторонъ одолѣвать Литву. Трудно пришлось Литвѣ; но нашла она себѣ подмогу въ до-

брыхъ сосѣдахъ. Возлѣ Литвы много было русскихъ княжествъ—полоцкое, витебское, мстиславское, минское, городненское и др.; стали сближаться литовскіе князья съ русскими князьями, роднились съ ними, входили въ дружбу и общими силами стали отражать враговъ. Родство и дружба князей сблизили и народъ русскій съ литовскимъ; русскіе стали селиться межъ литовцевъ, заводя у нихъ торговлю и ремесла. Полюбили литовцы русскихъ, присмотрѣлись къ ихъ жизни и благочестію, увидѣли, что ихъ вѣра хорошая и стали добровольно креститься въ вѣру православную. Князья литовскіе тому не мѣшали; будучи большею частію женаты на православныхъ русскихъ княжнахъ, они не запрещали своихъ дѣтей крестить по православному и, исключая двухъ или трехъ, сами принимали св. православную вѣру; они на своихъ семействахъ видѣли, что вѣра православная учитъ правдѣ, честности и добрымъ дѣламъ. Между тѣмъ одинъ изъ литовскихъ князей, отличавшійся особеннымъ умомъ и отвагою, сталъ соединять русскія княжества подъ своей властію, которую расширилъ даже до Кіева. Но не тѣснилъ онъ вѣры христіанской, не нарушалъ обычаевъ и нравовъ русскихъ, а потому не тяготились русскіе властію литовскаго князя Гедимина, управлявшаго ими чрезъ русскихъ же воеводъ. Такимъ образомъ составилось Великое Княжество Литовское, но собственно литовскаго народу въ немъ было куда меньше въ сравненіи съ русскими. Потому и на Литвѣ принятъ былъ языкъ русскій, сами литовскіе князья говорили по-русски, по-русски судъ рядили и бумаги писали. Тогда Литовское княжество, сильное русскими, стало страшно и нѣмцамъ и Польшѣ и другимъ сосѣдямъ. Дѣло пошло бы какъ нельзя лучше. Но нужно было внуку Гедимина, Ягеллѣ, поддаться коварному предложенію Польши. Случись на бѣду, тогда у поляковъ родъ королей вымеръ, осталась одна королевна. Сообразили поляки, что сильный литовскій князь весьма выгодный женихъ для ихъ королевны,— и вотъ зовутъ его быть ея мужемъ и ихъ королемъ. Ягелло согласился; но его при этомъ такъ опутали поляки, что и самаго заставили перемѣнить вѣру православную на римскую и взяли съ него клятвенное обѣщаніе, что онъ не только Литву,— гдѣ тогда еще много было нехристей,— окреститъ по римски, но и русскихъ своихъ подданныхъ переведетъ съ православія на римскій законъ. И вотъ прибылъ Ягелло въ Литву съ своей супругой и множествомъ польскихъ пановъ и ксендзовъ. И сталъ онъ литовцевъ приманками приводить къ римской вѣрѣ, а русскимъ людямъ приказывалъ, чтобъ изъ пра-

вославныхъ дѣлались римлянами. Простые литвяки, нехристи пошли на приманку—и то не всѣ, но православные о римской вѣрѣ и слышать не хотѣли. Тогда противъ русскихъ пошли гоненія. Литовскіе князья, наущаемые польскими панами и ксендзами, стали измышлять разныя стѣснительныя для православныхъ постановленія; не стали ихъ допускать ни къ какимъ должностямъ, во всѣхъ дѣлахъ ихъ обижали и тѣснили, и такимъ образомъ сдѣлали то, что многіе въ литовскомъ княжествѣ древніе княжескіе и знатные роды, для своихъ выгодъ, мало по малу начали принимать римскую вѣру, а потомъ постепенно и со всѣмъ ополячились. Но простой народъ былъ твердъ въ своей вѣрѣ, ни какъ нельзя было его сманить и принудить. Тогда ксендзы придумали хитрость—завели унію: оставимъ, порѣшили они, для народа божественную службу по русски, лишь бы онъ папу главою церкви почиталъ и этимъ пусть одно будетъ съ нами. Со временемъ, думали ксендзы, по немножку станемъ церковную службу измѣнять, а потомъ доведемъ народъ до того, что онъ совсѣмъ станетъ римскимъ по вѣрѣ. Но и тутъ предки наши не поддались обману,— они чуяли что-то не доброе въ этой уніи и слышать объ ней не хотѣли. Тогда поляки стали употреблять силу: пошли жолнеры мечами на унію народъ гнать, стали священниковъ увѣчить и убивать, церкви забирать и въ аренду жидамъ отдавать. Много пришлось тогда вынести мукъ нашимъ прадѣдамъ за то, что вѣры святой измѣнить не хотѣли. Сотни лѣтъ прошли, а поляки отъ народа не отступались, не оставляли его въ покоѣ, пока не сдѣлаютъ его римскимъ. Хотѣли поляки и русскій языкъ вывести въ русской землѣ, и многіе годы того добивались. Съ христіанскимъ терпѣніемъ переносили это бѣдствіе наши предки: они вѣрили, что будетъ время, когда Богъ смилуется надъ ними. И Богъ не посрамилъ ихъ надежды. Когда царство русское оправилось отъ своихъ бѣдствій и невзгодъ и пришло въ силу, оно съ готовностію откликнулось на вопли своихъ братьевъ, незаконно подпавшихъ подъ власть Польши и за свою вѣру терпѣвшихъ невыносимое гоненіе. Когда добрые совѣты не могли вразумить вольнодумныхъ поляковъ, Россія взяла подъ свое крыло западную Русь; народъ того только и ждалъ. Какъ только увидѣлъ онъ себя подъ властію Россіи, тотчасъ всѣ, кто насильно вовлеченъ былъ въ унію, добровольно ее бросили и воротились къ чистой вѣрѣ праотцевъ. Такимъ образомъ поляки своего не добились. Какъ слѣдствіе ихъ вѣковыхъ усилій, въ ихъ извращенныхъ умахъ составилось ложное убѣжденіе, что въ рус-

ской землѣ Польша. И достойно постигла ихъ заслуженная кара: они не только потеряли русскія земли, перешедшія къ нимъ отъ литовскаго княжества, но свой край сгубили. Это, однако, ихъ не образумило, — тѣмъ менѣе могла ихъ вразумить ласка, съ какой обходилось съ ними русское правительство. Они не хотѣли понять того добра, которое оказывала имъ Россія, принявши ихъ подъ свое покровительство. Въ своей гордости они потеряли даже способность видѣть то, что служило къ ихъ благосостоянію; подобно отверженнымъ душамъ, они только то и знаютъ, что сѣять раздоры да возбуждать мятежи.

Теперь посудите сами, можно ли назвать ту вѣру чистою христіанскою, которая дозволяетъ сѣять ненависть и вражду; можно ли оставаться въ той вѣрѣ, которой служители являлись споспѣшниками мятежа и разоренія?— Сынъ Божій приходилъ на землю, все вынесъ, все претерпѣлъ, отдалъ себя на самыя страшныя мученія и позорную смерть, чтобы людей примирить съ Богомъ и на землѣ водворить согласіе, миръ и любовь;—а тамъ Его служители въ Его же святое имя проповѣдуютъ раздоръ, вражду и ненависть.— Онъ нашъ Спаситель заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ: любите другъ друга; потому и узнають всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою;—а ксендзы, пастыри Христова стада, говорятъ пасомымъ, указывая на ихъ братьевъ русскихъ: не считайте ихъ братьями, оскорбляйте ихъ, презирайте. Въ какой мѣрѣ это справедливо, доказывать излишне: въ вашей же средѣ, христіане, есть не мало семействъ, которыя, бывъ переселены (*) сюда изъ дальнихъ мѣстъ, въ теченіе тридцати лѣтъ въ крайней степени на себѣ испытывали гибельные плоды этого ученія. Живо всегда въ моей памяти представляется образъ сѣдаго старика (**), теперь уже мирно почивающаго здѣсь, какъ онъ со слезами разсказывалъ о томъ, сколько имъ бѣднымъ пинчукамъ пришлось здѣсь выстрадать отъ панской злобы и отъ ксендзовскихъ козней. Но вѣчный покой твоему праху, добрый старикъ, — ты теперь въ другомъ мірѣ радуешься, видя настоящее торжество вѣры и правды, и благословляешь Бога, что твои земныя и твоихъ братій страданія были не напрасны. Миръ насталъ и на мѣстѣ семъ, вражда уступила мѣсто любви, раздоръ привелъ къ единенію.

(*) Лѣтъ за 30 было выселено сюда изъ пинскаго уѣзда мѣстнымъ помѣщикомъ нѣсколько семействъ.

(**) Этотъ старикъ назывался Миронъ Артисюкъ; онъ умеръ два или три года тому назадъ.

Будемъ же, Христіане, славословить Бога за Его благое смотрѣніе о насъ. Отъ глубины души возблагодаримъ Его за то, что Онъ Милосердный въ тяжкую годину бѣдствій подкрѣплялъ нашихъ предковъ и не допустилъ имъ пасть подъ гнетомъ враждебныхъ и своекорыстныхъ ксендзовскихъ злоумышленій. Слава Богу, что послѣ вѣковыхъ усилій и насилій польскихъ вы, хр., остались все таки русскими въ душѣ. И вотъ, когда свѣтъ истины коснулся вашихъ сердецъ, вы добровольно оставили то, что было навязано вашимъ предкамъ силою; вы присоединились къ единой истинной православной каѳолической церкви, въ которой ученіе Христово во всемъ сохранилось неизмѣннымъ. Будьте же вѣрными дѣтьми этой церкви, а она не возмутитъ вашего покоя. Съ этихъ поръ съ сего священнаго мѣста вы будете слышать одно слово небесной любви: будьте только внимательными къ этому слову и съ своей стороны прилагайте стараніе о поддержаніи между собою взаимной любви и согласія,—а Богъ мира будетъ охранять васъ и благословлять во всемъ, — Онъ вамъ и здѣсь на землѣ даруетъ мирное и благополучное житіе, и въ будущемъ вѣкѣ на небѣ удостоитъ васъ своихъ неизрѣченныхъ и нескончаемыхъ благъ. Аминь.

Депутація отъ виленскаго учебнаго округа къ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву.

1-го мая, въ 11 часовъ утра, депутатами виленскаго учебнаго округа — окружнымъ инспекторомъ, Г. Э. фонъ-Траутфеттеромъ, директоромъ динабургской гимназіи, В. Н. Невзоровымъ, и директоромъ народныхъ училищъ Виленской и Гродненской губерніи, А. И. Садоковымъ, поднесенъ былъ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву альбомъ съ фотографическими портретами лицъ, служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго края. Депутаты представлены были попечителемъ виленскаго очебнаго укруга, И. П. Корниловымъ, прибывшимъ по дѣламъ округа въ Петербургъ. Графъ принялъ депутатовъ привѣтливо и радушно. Обращаясь къ графу, попечитель прочиталъ ему отъ имени всѣхъ служащихъ въ учебномъ округѣ слѣдующій адресъ: „Ваше Сіятельство! 1-го мая 1863 года ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ввѣрилъ Вамъ управленіе сѣверо-западнымъ краемъ. Въ годовщину этого достопамятнаго дня, виленскій учебный округъ, въ лицѣ нашемъ, подноситъ Вамъ свой альбомъ, какъ чистосердечное выраженіе

чувствъ глубокаго къ вамъ уваженія и признательности за ваши великія государственныя заслуги по водворенію въ краѣ образованія на русскихъ началахъ. Въ этомъ альбомѣ собраны имена людей, вызванныхъ въ край, по большей части, вами. Какъ представители виленскаго учебнаго округа, смѣло можемъ завѣрить, что округъ слѣдуетъ неуклонно по указанному Вами направленію и свято хранитъ и внушаетъ молодому поколѣнію непоколебимую вѣрность ГОСУДАРЮ и Отечеству." Графъ, видимо растроганный, выразилъ благодарность за поднесеніе альбома и адреса и сказалъ: „Я увѣренъ, что тотъ же духъ и тѣ же начала сохранились въ дѣятельности округа, которые руководили имъ во время моего управленія сѣверо-западнымъ краемъ, и что побужденіемъ къ этой дѣятельности служитъ общее и твердое убѣжденіе всѣхъ служащихъ въ округѣ, что только воспитаніемъ молодаго поколѣнія на православно-русскихъ началахъ можно соединить край въ одно неразрывное цѣлое съ остальной Россіей и доставить ему счастливую будущность. Скажу, что твердое русское направленіе, которому неуклонно слѣдуетъ виленскій учебный округъ, составляетъ его особенность. Успѣхъ учебныхъ заведеній сѣверо-западнаго края зависѣлъ не столько отъ моихъ распоряженій, сколько отъ той искренней готовности, съ которою вы, Иванъ Петровичъ, и достойные ваши сослуживцы-сотрудники старались ихъ усвоить и выполнить на самомъ дѣлѣ."

Г. Э. Траутфеттеръ, передавая графу альбомъ, сказалъ: „Лестный для насъ выборъ, со стороны нашихъ сослуживцевъ, удостоилъ насъ высокой чести поднести вашему сіятельству этотъ альбомъ. Металлическая его оболочка назначена хранить на вѣчныя времена начертанія краткой лѣтописи достопамятныхъ распоряженій вашего сіятельства по виленскому учебному округу во время вашего управленія сѣверо-западнымъ краемъ. Мы осмѣлились прибавить наши фотографическіе портреты, какъ изображенія живыхъ свидѣтелей доблестной вашей дѣятельности. Пусть помнитъ потомство вашего сіятельства, и потомство наше, что вы и въ самый разгаръ мятежа и крамолы ревностно покровительствовали истинному просвѣщенію въ духѣ русской народности и православной вѣры."

Поблагодаривъ еще разъ депутатовъ и пожелавъ виленскому учебному округу полнаго успѣха, графъ принялъ альбомъ и внимательно разсматривалъ каждую его подробность, а равно и находившіеся въ немъ портреты. Альбомъ сдѣланъ изъ серебра, въ

видѣ ларца. Рисунокъ для него составленъ учителемъ рисованія виленской гимназіи, В. В. Грязновымъ, а исполненъ художникомъ И. Соколовымъ. Кругомъ альбома славянскою вязью, изъ серебра, надпись: „графу Михаилу Николаевичу Муравьеву Виленскій учебный округъ." На боковыхъ сторонахъ: на передней гербъ графа, на противоположной учебные аттрибуты; на остальныхъ двухъ—6 гербовъ сѣверо-западныхъ губерній. На углахъ альбома четыре сидящія фигуры мальчиковъ, въ одеждѣ туровскихъ крестьянъ (Минской губерніи). На дощечкахъ, которыя держатъ дѣти, начертаны слова: „1-го мая 1863 года" и „Бога бойтеся, Царя чтите". На крышѣ альбома карта сѣверо-западнаго края, съ положеннымъ на ней вѣнкомъ изъ лавра и дуба; на внутренней доскѣ крыши вырѣзано: „Лѣтопись Виленскаго учебнаго округа съ 1-го мая 1863 года по 17 апрѣля 1865 года." Разсматривая внимательно фотографическіе портреты, графъ узнавалъ всѣхъ, кого случалось ему хотя бы разъ видѣть, и съ участіемъ распрашивалъ о многихъ изъ нихъ. По разсмотрѣніи всѣхъ портретовъ, альбомъ внесенъ былъ въ кабинетъ и поставленъ среди множества другихъ альбомовъ, поднесенныхъ графу бывшими его подчиненными въ сѣверо-западномъ краѣ.

Во время бесѣды въ кабинетѣ графъ сказалъ, между прочимъ, что хотя здоровье его требуетъ спокойствія и свѣжаго воздуха деревни, но что онъ не пощадитъ себя для ГОСУДАРЯ и отечества и надѣется, что тайное нравственное зло, пустившіе уже корни въ нашемъ обществѣ, будетъ раскрыто и причины зла обнаружатся. Прощаясь, графъ пригласилъ депутатовъ откушать у него въ тотъ же день хлѣба-соли. Обѣдъ былъ назначенъ въ 5 часовъ. За гостепріимнымъ обѣдомъ шла оживленная бесѣда, особенно о народномъ образованіи въ сѣверо-западномъ краѣ, преимущественно, о воспитаніи дѣвицъ, какъ будущихъ матерей и первоначальныхъ воспитательницъ новаго молодаго поколѣнія, объ утвержденіи и развитіи въ западныхъ губерніяхъ православія и постройкѣ православныхъ церквей. Графъ провозгласилъ тосты за виленскій учебный округъ и за всѣхъ служащихъ въ краѣ по учебному вѣдомству, Попечитель въ свою очередь выразилъ признательность за постоянное его вниманіе и сочувствіе къ виленскому округу и присовокупилъ, что лестное мнѣніе графа объ округѣ поддерживаетъ въ предподавателяхъ бодрость и увѣренность, что они вполнѣ усвоили себѣ ту систему, на служеніе которой призваны. Послѣ обѣда, всѣ перешли въ кабинетъ, гдѣ бесѣда

продолжалась еще около часа. При прощаніи графъ изъявилъ желаніе видѣть депутатовъ предъ ихъ отъѣздомъ. 4-го мая, въ 10 ч. утра графъ принялъ ихъ, повторилъ имъ снова, въ самыхъ одобрительныхъ выраженіяхъ, довѣріе къ прямой русской дѣятельности виленскаго учебнаго округа и заключилъ увѣренностію, что борьба русскихъ учебныхъ заведеній съ враждебными началами увѣнчается успѣхомъ, если настоящая дѣятельность воспитателей не ослабѣетъ и не измѣнитъ направленія.

Слова графа Михаила Николаевича будутъ приняты всѣми служащими въ учебномъ округѣ, какъ изрѣченія человѣка, имя котораго произносится нами съ глубокою признательностію и уже записано въ исторіи Россіи на ряду съ лучшими историческими именами. *(Сообщено).*

Нѣсколько словъ о вышедшей въ Кіевѣ брошюрѣ: „КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ ТЫСЯЩЕЛѢТІЯ ПЕРВАГО КРЕЩЕНІЯ РОССОВЪ ВЪ КІЕВѢ.“

Въ Кіевѣ на дняхъ вышла изъ печати и поступила въ продажу весьма интересная брошюра: »КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ ТЫСЯЩЕЛѢТІЯ ПЕРВАГО КРЕЩЕНІЯ РОССОВЪ ВЪ КІЕВѢ (СЪ ОСКОЛЬДОВОЙ МОГИЛЫ),—съ видомъ Оскольдовой могилы въ 1836 году. Желающіе пріобрѣсть настоящую брошюру могутъ обращаться въ Кіево-Никольскій монастырь. Цѣна 10 к. с., — а для народныхъ и церковно-приходскихъ школъ 5 коп. Имѣя въ виду сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о вышедшей брошюркѣ, мы скажемъ въ настоящемъ обзорѣ, что, согласно докладу настоятеля Николаевскаго монастыря, архимандрита Ѳеоктиста, утвержденному его высокопреосвященствомъ, святѣйшаго сунода членомъ, высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, въ Николаевскомъ монастырѣ 9 мая, въ день храмоваго его праздника, будетъ совершена предъ божественною литургіею панихида о упокоеніи души Оскольда, во св. крещеніи Николая, а послѣ литургіи и молебствія святителю Христову Николаю поставлена бронзовая доска съ нижепредставленною надписью; 2-го же іюля (въ день положенія честныя ризы во влахернскомъ храмѣ Богоматери), будетъ совершенъ крестный ходъ на Оскольдову могилу, если по предварительномъ сношеніи съ г.

начальникомъ губерніи, генералъ-лейтенантомъ Н. Г. Казнаковымъ, воспослѣдуетъ на то разрѣшеніе св. синода.

Николаевскій монастырь, по поводу тысящелѣтія христіанства въ Россіи, въ день храмоваго своего праздника 9 мая, совершитъ домашнее торжество въ благодарность Господу Богу за ввѣреніе молитвенному охраненію его мѣстности, гдѣ погребено тѣло перваго, извѣстнаго исторіи, русскаго князя-христіанина, отслужитъ панихиду о упокоеніи души Оскольда, вознесетъ усердную молитву къ святителю Николаю, именемъ котораго нареченъ былъ Оскольдъ во святомъ крещеніи. Предметъ этотъ не долженъ быть чуждымъ сердца всякаго православнаго христіанина, а тѣмъ болѣе всякаго православнаго жителя Кіева; и нѣтъ сомнѣнія, что хотя немногіе изъ нихъ, въ память и благодарность къ Оскольду, положившему начало христіанства въ Кіевѣ, присоединятъ къ монастырской молитвѣ и своё усердное моленіе ко Всевышнему о упокоеніи души его и испросятъ у святителя Николая ходатайства предъ Богомъ о принятіи ихъ моленія. Еще болѣе нѣтъ сомнѣнія, что всѣ православные жители Кіева примутъ искреннее участіе въ предполагаемомъ крестномъ ходѣ, ко времени совершенія котораго, надѣемся, прибудутъ къ намъ въ Кіевъ изъ столицы Имперіи Россійской высокопреосвященнѣйшій владыка кіевскій, митрополитъ Арсеній и высокопревосходительнѣйшій начальникъ юго-западнаго края, г. генералъ-губернаторъ Александръ Павловичъ Безакъ. Этотъ крестный ходъ будетъ уже не домашнее торжество кіево-пустынно-Николаевскаго монастыря, а торжество всего Кіева, торжество всей православной Россіи. Судя по прежнимъ годамъ, къ этой порѣ (іюлю мѣсяцу) стекаются въ Кіевъ богомольцы со всѣхъ, даже отдаленнѣйшихъ концовъ Россіи; значитъ, по истинѣ вся земля русская приметъ участіе въ этомъ торжествѣ, а богомольцы, свидѣтели крестнаго хода, пронесутъ вѣсть объ этомъ торжествѣ по всей землѣ русской и, кто какъ съумѣетъ, разскажутъ всѣмъ и каждому, что-то былъ за крестный ходъ въ Кіевѣ, и такимъ образомъ незамѣтно проведется въ народное сознаніе свѣдѣніе о началѣ христіанства въ Россіи доселѣ у насъ мало извѣстное народу. А можетъ быть и благая мысль нашего высокопреосвященнѣйшаго митрополита, что постройка памятника должна быть дѣломъ всей православной Россіи, найдетъ сочувствіе сначала въ сердцахъ жителей Кіева, а затѣмъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. Дай Богъ!!

Содержаніе статьи, которая какъ памятникъ будетъ вырѣзана на бронзовой доскѣ, слѣдующее:

„ОСКОЛЬДОВА МОГИЛА

И

ТЫСЯЩЕЛѢТІЕ ПЕРВАГО КРЕЩЕНІЯ РОССОВЪ ВЪ КІЕВѢ.

„Россы Оскольдъ и Диръ были первоначально идолопоклонники. Въ 863/864 году по рождествѣ Христовѣ, они завладѣли городомъ Кіевомъ, въ которомъ тогда было язычество и стали кіевскими князьями. Въ томъ же 864-мъ году они съ своею дружиною отправились изъ Кіева на многочисленныхъ корабляхъ въ Константинополь, дабы отмстить грекамъ за избіеніе проживавшихъ тамъ по торговымъ дѣламъ россовъ. Прибывъ туда, они окружили сей городъ и въ предмѣстіяхъ его начали истреблять все. Жители Константинополя, съ часу на часъ, въ ужасѣ ожидали вторженія россовъ въ городъ. Но первосвятитель Фотій возбуждаетъ смятенный народъ къ упованію на помощь Богоматери и съ чудотворною ризою Ея совершаетъ крестный ходъ по стогнамъ и стѣнамъ Константинополя. Тогда россы, непостижимо какъ, обратили тылъ свой, сняли осаду Константинополя и, пораженные чудодѣйственною силою Божіею, возвратились въ Кіевъ. А въ 866-мъ году Оскольдъ вмѣстѣ съ кіевскими россами, принялъ св. крещеніе отъ епископа, посланнаго къ нимъ патріархомъ Фотіемъ, который, въ томъ же году, упомянулъ объ этомъ событіи въ своемъ посланіи къ восточнымъ святителямъ.»

»Въ 882-мъ году Олегъ, правитель сѣверной Руси, прибылъ изъ Новгорода къ высотамъ кіевскимъ и остановилъ свои ладіи на берегу Днѣпра, противъ сей мѣстности. Укрывъ своихъ воиновъ въ ладіяхъ, онъ велѣлъ объявить Оскольду и Диру, что варяжскіе купцы, отправленные новгородскимъ княземъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Оскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, вышли къ нему на это мѣсто. Воины Олега окружили ихъ, и Оскольдъ и Диръ подъ мечами ихъ пали къ ногамъ сего правителя. Тѣло Оскольда погребено на мѣстѣ мученической кончины его.

»Вотъ почему это мѣсто имѣетъ историческое названіе «ОСКОЛЬДОВА МОГИЛА.»

«Блаженная княгиня Ольга построила тутъ церковь въ честь святителя Христова Николая, мирликійскаго чудотворца, потому

что Оскольдъ въ святомъ крещеніи нареченъ былъ Николаемъ. Въ 971 году эта Оскольдовская церковъ была разорена Святославомъ I-мъ, но святымъ великимъ княземъ Владиміромъ вновь въ 990-мъ году возстановлена. Нынѣ существующая каменная церковь, на томъ же мѣстѣ, построена въ 1809-мъ году благотворительностію воронежскаго купца Самуила Никитича Мещерякова. Въ 1861-мъ году кіево-пустынный Николаевскій слупскій второклассный монастырь, которому издревле принадлежитъ сія мѣстность и церковь, съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскасо и галицкаго и съ утвержденія Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, построилъ здѣсь каменный домъ для священнослужителей и сію каменную ограду, при настоятелѣ архимандритѣ Ѳеоктистѣ. Въ настоящемъ 1866-мъ году исполнилась тысяча лѣтъ съ того года, когда князь Оскольдъ и многіе россы приняли христіанство.“

«Въ память тысячелѣтія христіанства въ Кіевѣ и сооружена доска сія, 9-го мая, въ день святителя и чудотворца Николая, съ благословенія кіевскаго митрополита Арсенія, при архимандритѣ Ѳеоктистѣ, въ 12-е лѣто царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Самодержца Всероссійскаго АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.“

»Богу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.»

Нѣчто о р. католицизмѣ въ Россіи.

Недавно сообщили мы нашимъ читателямъ, говорится въ „Русскомъ Инвалидѣ,“ въ краткихъ чертахъ бѣглый историческій очеркъ р. католицизма въ Россіи. Очеркъ этотъ намъ ясно показалъ, что отношенія Россіи къ Риму, какъ центру католицизма, представляютъ три періода, совершенно различныхъ другъ отъ друга, по своему характеру. Съ первыхъ годовъ царствованія Петра до перваго раздѣла Польши, въ теченіе почти ста лѣтъ, католицизмъ, не имѣя важнаго значенія для государства, скромно и исподоволь старается только о своемъ распространеніи въ Россіи, ищетъ въ ней утвердиться и домогается успѣшно частныхъ льготъ, не носящихъ характера государственныхъ мѣръ. Послѣ возсоединенія части отторгнутыхъ Польшею русскихъ областей, въ царствованіе Екатерины Виликой, католицизмъ откры-

то пытается завоевать себѣ политическое значеніе въ государственномъ строѣ и занять въ Россіи такое же мѣсто, какое занималъ при разъединенномъ, анархическомъ управленіи Рѣчи Посполитой. Онъ уже не проситъ, но требуетъ. Но благодаря твердымъ убѣжденіямъ императрицы Екатерины, благодаря ея ясному пониманію вещей, а отчасти также, благодаря невыгодному для р. католицизма настроенію умовъ въ Европѣ и ослабленію папской власти, эти польско-латинскія стремленія получаютъ надлежащій отпоръ, и притязанія римскаго двора уступаютъ мѣсто правильной организаціи въ интересахъ полной свободы вѣроисповѣданія и государственной самостоятельности Россіи. Безсильные, въ царствованіе Екатерины, римскіе происки оживаютъ послѣ ея смерти. Третій періодъ, продолжающійся съ начала царствованія императора Павла до нынѣшняго времени, представляетъ почти постоянную, скрытую борьбу римской куріи противъ началъ, установленныхъ Екатериною. Нельзя сказать, чтобы преемники великой императрицы не понимали всего значенія ея политики; нельзя сказать, чтобы русское правительство когда либо отступало прямо отъ своихъ убѣжденій, но, тѣмъ не менѣе, латинство хитростію и безконечными спорами успѣваетъ урывками исторгать частныя уступки, и пользуясь обстоятельствами, поддерживаетъ свой принципъ всемірнаго господства и постояннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ, стараясь примѣнить этотъ принципъ и къ Россіи. Для этой цѣли римскій дворъ тщательно избѣгаетъ всякаго прямаго и открытаго соглашенія, но предпочитаетъ систему частныхъ сдѣлокъ по отдѣльнымъ вопросамъ, которые возбуждаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, желая въ нихъ находить поводъ къ новымъ спорамъ. Для этой цѣли Римъ всегда сочувственно относится къ польскимъ мятежамъ и подъ рукою содѣйствуетъ осуществленію польскихъ мечтаній, обѣщающихъ и ему возстановленіе золотаго прошедшаго. Для этого, наконецъ, выдумываются и разныя небылицы, объ угнетеніи и гоненіи, о нарушеніи свободы вѣроисповѣданія, и т. д.

Событія послѣдняго времени опять оживили никогда не угасавшую борьбу римскаго двора противъ нашего правительства и дали ему случай возобновить свои притязанія на вмѣшательство во внутреннія дѣла имперіи. Польскій мятежъ, раздутый при непосредственномъ участіи римско-католическаго духовенства и въ

особенности монашествующаго, въ средѣ котораго, къ сожалѣнію, неизвѣстная часть принимала самое отвратительное участіе во всѣхъ гнусностяхъ убійствахъ и грабежахъ, сопровождавшихъ предполагаемое возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года, представилъ удобный поводъ выдвинуть впередъ и вопросъ о р. католицизмѣ и придать возстанію религіозный характеръ. Церковный трауръ, богослуженіе, процессіи и проч. послужили введеніемъ въ открытый мятежъ. Римско-католическое духовенство стало въ открытую оппозицію къ правительству и римскій дворъ поощрялъ эту оппозицію. Ксендзы и монахи открыто призывали къ бунту, папа этому не противился. Имена Фелинскаго и многихъ другихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что высшее духовенство поддерживало возстаніе, и дѣятельно ему помогало. Римскій дворъ, такъ ревностно отстаивающій свое исключительное вліяніе на духовенство и церковь, такъ усердно защищающій свою каноническую властѣ надъ ними, не нашелъ всѣ эти дѣйствія *неканоническими*, не остановилъ ихъ своимъ вліяніемъ на совѣсти, предоставленныя ему вполнѣ, не нашелъ удобнымъ издать буллу или бреве для прекращенія кровопролитій, а между тѣмъ сносился съ епископами, помимо русскаго правительства, въ противность всѣмъ существующимъ законамъ и договорамъ. Но тотъ же римскій дворъ, послѣ низложенія мятежа, ревностно вступился въ дѣло, когда правительство стало ломать преступное противудѣйствіе и принялось за очищеніе церкви отъ личностей, осквернившихъ ученіе Христово проповѣдью объ убійствѣ и грабежѣ, когда оно закрыло излишніе монастыри, въ которыхъ гнѣздились его враги и враги общаго спокойствія, когда оно стало настаивать на точномъ исполненіи правилъ, предписанныхъ закономъ и признаваемыхъ самимъ папою, правилъ, изложенныхъ въ договорахъ и подписанныхъ его именемъ. Указы о реформѣ бѣлаго духовенства, о сокращеніи монастырей, о подчиненіи ихъ епископской власти и надзору правительства вызвали по обыкновенію противудѣйствіе части римско-католическаго духовенства, и вотъ опять римская курія вступается какъ будто бы за права и интересы р. католической церкви, а въ сущности за свои собственныя, тѣсно сопряженныя съ возможностію вмѣшиваться въ дѣла и распоряженія нашего правительства, и снова возбуждаетъ вопросъ о привилегіяхъ римско-католической церкви, о независимости ея духовенства и папской власти.

Въ ожиданіи тѣхъ мѣръ, которыя правительство наше, имѣющее прямою обязанностью разъ на всегда обезпечить себя отъ безпрестанныхъ дрязгъ и явнаго неповиновенія части духовенства, возбуждаемыхъ и поддерживаемыхъ постороннимъ вмѣшательствомъ, не лишнимъ будетъ обозрѣть, на какихъ узаконеніяхъ и договорахъ основано нынѣшнее устройство римско-католической церкви въ Россіи, и имѣетъ ли римскій дворъ право на тотъ образъ дѣйствій, котораго онъ держится въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія.

Когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ папской власти къ русскому правительству, то обыкновенно ссылаются на соглашеніе, подписанное въ 1847 году въ Римѣ и извѣстное у насъ подъ названіемъ конкордата. Конкордатъ этотъ имѣетъ ту важность, что обнимаетъ римско-католическую церковь во всей Имперіи, со включеніемъ Царства Польскаго, и представляетъ общее основаніе положенія римско-католической церкви въ Россіи, безъ территоріальныхъ различій, и потому долженъ считаться основнымъ закономъ для устройства ея. Но, къ сожалѣнію, римскій дворъ при подписаніи конкордата нашелъ удобнымъ опредѣлить ясно и непреложно только новыя преимущества, пріобрѣтаемыя римско-католическою церковью, какъ напримѣръ, увеличеніе числа епископскихъ каѳедръ новою каѳедрою херсонскою съ саратовскимъ суффраганствомъ, и успѣлъ избѣжать разъясненія важнѣйшихъ спорныхъ вопросовъ и категорическаго принятія коренныхъ условій, руководившихъ и руководящихъ нашимъ правительствомъ въ дѣлахъ р. католической церкви и имѣющихъ полную законную силу понынѣ. Благодаря этому, конкордатъ 1847 года страдаетъ какою-то неопредѣлительностію. Считаемъ нелишнимъ нѣсколько подробнѣе остановиться на содержаніи его, такъ какъ содержаніе это вообще мало извѣстно въ публикѣ.

Въ первыхъ десяти статьяхъ конкордата говорится исключительно объ учрежденіи въ имперіи семи римско-католическихъ эпархій, вмѣсто прежнихъ шести (*), объ учрежденіи новаго саратовскаго суффраганства, херсонскаго каѳедральнаго капитула и

(*) Архіепископство могилевское, епископства виленское (губ. Ковенская и Курляндская), минское (губ. Минская), луцкое (губ. Кіевская и Волынская, каменецкое (губ. Подольская) и новое епископство херсонское (губ. Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Бессарабія, губ. Саратовская (по старому разграниченію Астраханская и Закавказье).

херсонской семинаріи, о жалованіи и содержаніи новыхъ лицъ и учрежденій, и, наконецъ, объ отношеніяхъ эпархіальнаго римско-католическаго начальства къ армяно-католикамъ.

Статья XI оставляетъ число эпархій въ Царствѣ Польскомъ тоже, какое было опредѣлено нашимъ правительствомъ и принято буллою папы Пія VII 30-го іюня 1818 года.

Статья XII опредѣляетъ порядокъ избранія епископовъ и суффрагановъ. „Епископы, какъ епархіальные, такъ равно и суффраганы Россійской Имперіи и Царства Польскаго, будутъ назначаемы каждый разъ по предварительному соглашенію его императорскаго величества съ святѣйшимъ престоломъ; каноническое же ихъ утвержденіе будетъ совершаться его святѣйшествомъ обыкновеннымъ порядкомъ.“ Статья эта заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ въ ней идетъ рѣчь о весьма важномъ правѣ замѣщенія епископскихъ каѳедръ, и при томъ о вопросѣ, уже неоднократно возбуждавшемъ споръ.— Нельзя не замѣтить съ перваго же раза, что слово *соглашеніе* возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, что должно быть, если соглашеніе не состоится. Объ этомъ конкордатъ не говоритъ ни слова, но отвѣтъ мы можемъ легко найти въ исторіи. Екатерина Великая, не спросясь папы, возвела Сестренцевича въ санъ епископа. Такимъ же образомъ поступила она въ 1793 году, послѣ присоединенія Минской, Кіевской и части Волынской губерніи, и при утвержденіи въ нихъ трехъ римско-католическихъ епископствъ. Императоръ Павелъ, когда папскій нунцій Литта вздумалъ вмѣшаться въ назначеніе епископа, порѣшилъ вопросъ немедленнымъ удаленіемъ нунціатуры и своею властію поставилъ епископа. Регламентъ 1798 года опредѣляетъ прямо, что епископы всегда назначаются императоромъ и посвящаются митрополитомъ (архіепископомъ могилевскимъ) съ *благословенія папы.*“ О суффраганахъ тутъ же сказано, что они равнымъ образомъ посвящаются съ благословеніемъ папы, по предварительному согласію на то его императорскаго величества. Въ высочайшемъ декретѣ о порядкѣ подчиненія римско-католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ (1817 года), составляющемъ основной законъ римско-католической церкви въ Польшѣ, статьи VII и VIII говорятъ, что капитулы, лишившіеся своихъ архипастырей, *могутъ* избирать трехъ кандидатовъ для замѣщенія открывшейся вакансіи и представляютъ о нихъ намѣстнику (т. е. правительству). Подобное же право

представленія кандидатовъ на мѣсто суффрагана принадлежитъ епископу, чрезъ правительственную коммисію духовныхъ дѣлъ.— Наконецъ, почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ вопросъ этотъ рѣшается такъ, что право назначенія принадлежитъ государственной власти, а папа даетъ только духовную инвеституру, и если эта инвеститура не послѣдуетъ, то избранныя лица все-таки управляютъ епархіею, а лице, неодобренное правительствомъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается до отправленія должности. Въ такомъ смыслѣ назначеніе епископовъ рѣшается конкордатами французскимъ и австрійскимъ. Между тѣмъ текстъ нашего конкордата не только не рѣшаетъ этого вопроса, согласно съ прежними неотмѣненными узаконеніями, приведенными нами выше, но даже даетъ поводъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, устанавливая какое-то равенство между компетентностію папы и правительства, равенство, котораго никогда не было и быть не можетъ, если государство не хочетъ терпѣть важный ущербъ своему авторитету.

Въ слѣдующихъ статьяхъ (XIII—XXI) конкордата, говорится подробно о правахъ епископовъ въ отношеніи суда и управленія церковными дѣлами каждой епархіи. Судъ и управленіе церковными дѣлами каждой эпархіи принадлежатъ *исключительно* епископу оной, *безъ нарушенія однако же каноническойподчиненности святѣйшему престолу*. Затѣмъ опредѣляются дѣла, подлежащія предварительному разсмотрѣнію консисторіи (въ томъ числѣ сюда относятся дѣла о недѣйствительности монашескихъ обѣтовъ, рѣшаемыхъ на основаніи буллы Бенедикта XIV. *Si datum*). Мнѣніе консисторіи впрочемъ не обязательно для епископовъ; голосъ консисторіи совѣщательный и всѣ члены ея назначаются и увольняются епископомъ, съ согласія правительства. Всякій новый епископъ имѣетъ право составить вновь консисторію. Наконецъ въ статьяхъ XXI—XXIV опредѣляются отношенія и права епископовъ, касательно управленія эпархіальными семинаріями и духовною академіею. Администрація этихъ заведеній и преподаванія въ нихъ подчиняются вполнѣ власти епископовъ.

Вся эта, наиболѣе пространная и подробная часть конкордата имѣетъ цѣлію разъ навсегда опредѣлить подчиненность *всего* духовенства римско-католическаго закона епископской власти и очертить кругъ этой власти такъ, чтобы только въ дѣлахъ осо-

бенной важности и, при томъ въ дѣлахъ чисто догматическихъ и религіозныхъ, приходилось прибѣгать въ канонической власти папы, а затѣмъ не было бы никакихъ поводовъ къ вмѣшательству въ дѣла административныя и распорядительныя. Конкордатъ признаетъ вполнѣ судебную и административную власть епископовъ, но тѣмъ не менѣе оставляетъ, къ сожалѣнію, нерѣшеннымъ одинъ пунктъ, весьма важный и возбуждавшій постоянные споры. Пунктъ этотъ — подчиненность монашескихъ орденовъ власти епископовъ. И въ отношеніи этого важнаго пункта конкордатъ не даетъ отвѣта и слѣдовательно приходится руководствоваться ея прежними неотмѣненными и незамѣненными законами. Законы эти суть: грамота папскаго нунція Арккетти, данная въ 1784 году на имя могилевскаго епископа Сестренцевича, положенія регламента въ 1798 года и вошедшія изъ этого регламента въ декретъ 1817 года статьи IV, X, XV, XVI, XVII, XX. Въ особенности важна тутъ статья XX, которая прямо говоритъ: епископы должны имѣть бдительный надзоръ за внѣшнею полиціею монастырей, кои токмо чрезъ посредство епископа или ихъ консисторіи могутъ входить съ представленіями къ правительству. Постановленія эти ясно подтверждены буллою папы Пія VII 30 іюня 1818 года, гдѣ прямо постановлено: „города и церкви вышеисчисленные, а также приходы и мѣста, подвѣдомственные каждой изъ церквей, какъ равно и ихъ жителей обоего пола, какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ назначаемъ навсегда и подчиняемъ по духовнымъ дѣламъ поименованнымъ церквамъ и іерархамъ, вмѣстѣ съ городами, территоріею, епархіею, бѣлымъ духовенствомъ и монашествующими обоего пола"... Несоблюденіе этихъ положительныхъ законовъ и стремленіе монашествующаго духовенства, при всякомъ удобномъ случаѣ, не подчиняться мѣстной духовной власти, а прибѣгать къ своимъ римскимъ генераламъ или орденскимъ провинціаламъ, а съ другой стороны, потворствованіе этому сепаратизму со стороны римскаго престола и нѣкоторыхъ епископовъ, стремящихся къ тому, чтобы какъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было ослабить дѣйствія правительства, повели въ 1842 и 1846 годахъ къ изданію высочайшихъ указовъ объ уничтоженіи власти провинціаловъ и учрежденіи особыхъ визитаторовъ для надзора за монастырями. Визитаторы назначались епископами. Наконецъ въ Царствѣ Польскомъ, послѣдній мятежъ и преступное участіе въ немъ многихъ монаховъ

и монастырей вызвали последнюю монастырскую реформу. Всѣ эти мѣры вполнѣ оправдываются прежними узаконеніями и ни папа, ни нѣкоторые польскіе епископы не имѣли и не имѣють права считать ихъ необязательными подъ предлогомъ, что они не вошли въ конкордатъ.

Послѣднія двѣ статьи конкордата, XXX и XXXI, касаются назначенія приходскихъ священниковъ и постройки и починки римско-католическихъ церквей.

Но затѣмъ конкордатъ проходитъ молчаніемъ едва ли не существеннѣйшій пунктъ порядка сношеній римскаго двора съ р.-католическимъ духовенствомъ въ Россіи,— пунктъ, рѣшенный положительно всѣми европейскими правительствами, рѣшенный и въ Россіи, но постоянно нарушаемый папскимъ престоломъ, и потому требующій самаго строгаго вниманія. Дѣло идетъ о порядкѣ принятія и распубликованія папскихъ буллъ и бревовъ. Касательно этого вопроса еще Екатерина Великая постановила правила, подтвержденныя регламентомъ 1798 года, которымъ запрещается принимать и публиковать папскія буллы безъ разрѣшенія правительства. Тѣ же правила вошли и въ Сводъ законовъ (прим. въ ст. 47-й. XI т. части первой), въ которомъ сказано: „всѣ христіане римско-католическаго вѣроисповѣданія сносятся съ римскимъ дворомъ не иначе, какъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, который относится о семъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. *Никакія буллы, посланія и постановленія римскаго двора не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе въ Имперіи, Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ безъ высочайшаго его императорскаго величества разрѣшенія*, испрашиваемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ удостовѣреніи, что сіи акты не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго государственнымъ постановленіямъ и священнымъ правамъ и преимуществамъ верховной самодержавной власти.“ Въ декретѣ 1817 года XIX ст. прямо постановляется: „духовныя власти безъ вѣдома и дозволенія правительства не могутъ объявлять папскихъ буллъ.“ Всѣ эти постановленія опредѣляютъ и для русскаго правительства неоспоримое право, существующее во всѣхъ европейскихъ государствахъ, даже р. католическихъ, право не позволять иноземной власти дѣлать какія бы то ни было распоряженія, приводить ихъ въ исполненіе безъ согласія и разрѣшенія собственной государственной власти и право останавли-

вать всякое распоряженіе, несогласное съ коренными законами и съ видами правительства. Право это неоднократно нарушалось римскимъ дворомъ и не далѣе, какъ къ послѣднее время мы имѣли разительный примѣръ той незастѣнчивости, съ которой папскій престолъ умѣетъ обходить и не исполнять условій, на которыхъ допускается его вліяніе на римско-католическую церковь и ея внутреннія дѣла, внѣ предѣловъ папской территоріи.

Такимъ образомъ, римскій дворъ, при заключеніи конкордата 1847 года, съумѣлъ избѣжать прямыхъ объясненій по тремъ важнѣйшимъ пунктамъ, составляющимъ и до-нынѣ главный предметъ столкновеній романизма съ правительствомъ и непризнаваніе которыхъ со стороны папскаго престола есть явное нарушеніе самостоятельности и автономіи русской государственной власти въ предѣлахъ собственной территоріи, въ отношеніи къ собственнымъ подданнымъ. Всякій конкордатъ носитъ на себѣ характеръ договора съ взаимными уступками, характеръ соглашенія требованій съ двухъ сторонъ. Конкордатъ же 1847 года есть только уступка со стороны русскаго правительства, гарантировавшаго католицизму полную свободу, новыя льготы и роскошную матеріальную обстановку и не получившаго взамѣнъ даже гарантіи своего кореннаго права, права не терпѣть чужестраннаго вмѣшательства въ собственныя внутреннія дѣла и оградить себя и своихъ подданныхъ отъ враждебныхъ вліяній. Таковое враждебное вліяніе римскій дворъ вполнѣ обнаружилъ постояннымъ стремленіемъ дѣйствовать помимо правительства поддержкою и возбужденіемъ оппозиціи въ римско-католическомъ духовенствѣ, поощреніемъ его въ противодѣйствію законной власти. Это доказываютъ дѣйствія Гутковскаго, Фелинскаго, Ржевускаго, почти всего монашествующаго духовенства, и, наконецъ, послѣдніе поступки римскаго двора въ отношеніи къ русскому правительству. Оправдываются подобныя дѣйствія основными принципами папскаго владычества, всемірнымъ господствомъ р. католической церкви, независимостью ея отъ правительственной, свѣтской власти, подчиненіемъ церкви исключительно, единственному *непогрѣшимому* авторитету римскаго двора. Основныя начала эти, выработанныя еще въ тѣ времена, когда, при отсутствіи правильныхъ идей о государствѣ и о международномъ правѣ, право сильнѣйшаго считалось закономъ и не знало другой санкціи, кромѣ религіознаго авторитета папы, когда всеобщее *безначаліе* утвердило всеобщее *начальство* Рима,

надъ р. католицизмомъ, надъ христіанскимъ ученіемъ, установили еще романизмъ или, какъ выразился одинъ публицистъ, „тотъ духъ эгоистическаго, деспотическаго, произвольнаго, безстыднаго и насильственнаго господства, который отличалъ папство во всѣ времена, вошелъ въ плоть и духъ его и сдѣлалъ изъ него не духовное правительство извѣстной мѣстности, епископскаго или патріаршаго надзора, а всемірную политическую секту, вводящую во всякій государственный организмъ двоевластіе.“ Мало того, что сказано: отдайте Богу Богови, а кесарю кесарево; Риму нужно еще свое, чуждое Богу и противное кесарю. Власть папская стала властію, благодаря разладу въ государственной жизни Европы. Она могла утвердиться только при подобномъ разладѣ; для поддержанія ея нуженъ разладъ, и вотъ, ради собственнаго существованія, а не ради успѣховъ христіанскаго ученія, Римъ поддерживаетъ внутренній разладъ или водворяетъ его тамъ, гдѣ его нѣтъ.— Собственное значеніе и величіе романизмъ основываетъ на изрѣченіи *divide et impera* и вотъ главною задачею Рима стала забота о всегдашнемъ поддерживаніи раздора и разлада между правительствами или между подданными и правительствомъ подъ предлогомъ цѣлости и интерессовъ церкви.

Но спрашивается, можетъ ли правильно организованное государство терпѣть подобный порядокъ вещей, можетъ ли оно допускать рядомъ съ законно основанною для цѣлаго государственнаго союза верховною властію вмѣшательство чужой власти, равной или даже считающейся *всемогущественною*, хотя бы это всемогущество и прикрывалось каноническими правами? Всемогущество исключаетъ всякую другую власть и согласить обѣ невозможно. Не поэтому ли римскій дворъ не желаетъ разъясненія недоразумѣній, разъясненія, могущаго кончиться развѣ только уступкою римскаго двора, какъ это вполнѣ доказываютъ мѣры, принятыя въ отношеніи къ нему большинствомъ европейскихъ правительствъ, и въ томъ числѣ многими р. католическими. Не поэтому ли онъ избѣгаетъ рѣшенія вопросовъ, составляющихъ тему постоянныхъ споровъ съ нимъ и предпочитаетъ вертѣться въ безконечномъ кругу противурѣчій, затягивать дѣло, спорить о немъ, а между тѣмъ дѣйствовать по своему, прикрываясь неприкосновенностію своей канонической власти и втягивая въ кругъ этой власти все, что ему угодно? На то и каноническая власть его

ограничена, чтобы ею можно было прикрывать все. Можно ли вообще ожидать отъ римскаго двора добровольнаго соглашенія какой бы то ни было уступки, и можно ли подчинять государственные интерессы, внутреннее спокойствіе, необходимость успокоенія совѣстей милліоновъ р. католиковъ, проживающихъ въ различныхъ странахъ, надеждѣ на прочное соглашеніе, на чистосердечную, искреннюю уступку sine reservaiione mentale? Можно ли ожидать такой уступки отъ власти, приписывающей себѣ право разрѣшать и связывать совѣсти и уничтожать присяги?

Просмотрѣвъ исторію нашихъ сношеній съ римскимъ дворомъ, прослѣдивъ всѣ факты, свидѣтельствующіе объ отношеніяхъ его къ русскимъ римско-католикамъ и къ нашему правительству, обративъ особенное вниманіе на послѣднія 60 лѣтъ и на смыслъ всѣхъ договоровъ съ Римомъ, а въ особенности конкордата 1847 года, трудно предаваться еще какой бы то ни было надеждѣ. Незачѣмъ продолжать безплодныя попытки выйдти изъ заколдованнаго круга, образуемаго папскимъ всегосподствомъ надъ совѣстями и церковью. Признавать неприкосновенность причины и стремиться къ нахожденію формы для нейтрализированія этихъ самыхъ причинъ—дѣло безплодное и исторія нынѣшняго столѣтія доказываетъ это вполнѣ. Но та же исторія показываетъ намъ также примѣры, какъ слѣдуетъ разрѣшать подобные вопросы. Постановленія Екатерины составляютъ *minimum* законныхъ требованій всякаго самостоятельнаго правительства, и она съумѣла устоять на этихъ требованіяхъ и безъ согласія папскаго престола, прервавъ безплодный споръ, признавая папство только поколику оно власть епископская, и отнявъ у него всѣ средства непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла управленія мѣстною церковью. Подобнымъ же образомъ поступило французское правительство въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и подобнымъ образомъ поступитъ и всякое правительство, охраняющее свое достоинство и внутреннее спокойствіе и желающее положить конецъ неумѣстнымъ притязаніямъ.

Можетъ ли и долженъ ли пострадать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ р. католицизмъ въ Россіи? Мы смѣло утверждаемъ, что нѣтъ. Р. католицизмъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ папскою властью играетъ роль подчиненную. Только благодаря папскимъ интерессамъ и его стремленію къ всевластію, р. католицизмъ становится въ оппозицію къ другимъ христіанскимъ религіямъ,

стремится выйдти изъ общаго уровня, гнушается равенства съ другими религіями и ищетъ господства или борется съ господствующими церквами, гдѣ таковыя есть. Въ Россіи подобной борьбы быть не можетъ. Въ исторіи Россіи, съ незапамятныхъ временъ господствующее православіе всегда отличалось и отличается полною вѣротерпимостью. Вѣротерпимость проникла въ плоть и кровь народа, который съ благоговѣніемъ снимаетъ шапку предъ *всякимъ* мѣстомъ, гдѣ водруженъ крестъ, *общій* символъ христіанства, уважаетъ всякую церковь, гдѣ молятся единому Богу. Вѣротерпимость издревле составляетъ отличительную черту русскаго правительства. Ни въ варяжской, ни въ удѣльной, ни въ московской Руси не было примѣровъ гоненіи за вѣру. Свободно селились иновѣрцы въ допетровской Руси, свободно живутъ они въ ней и въ нынѣшнее время. Открытъ имъ доступъ ко всякой гражданской дѣятельности, равнымъ образомъ они пользуются защитою закона, свободно строятъ церкви и молятся по своимъ обычаямъ и преданіямъ. Легко *господство* православія, господствующаго только потому, что къ нему принадлежитъ 55 милліоновъ изъ семидесяти пяти. Не слышно жалобъ ни отъ киргизовъ, ни отъ евреевъ и магометанъ; не слышно ихъ ни отъ армянъ, ни отъ протестантовъ и не будетъ ихъи отъ р. католиковъ, если римскія интриги и происки извѣстной партіи польско-шляхетскихъ фанатиковъ перестанутъ разжигать изувѣрство и поднимать русскихъ католиковъ на дѣло незаконное, на сопротивленіе государственной власти, на ненависть къ своимъ братьямъ христіанамъ, молящимся тому же единому Богу, хотя бы и не по правиламъ римско-католической церкви.

Участіе іезуитовъ въ послѣднемъ мятежѣ.

Извлекаемъ изъ «Кіевлянина» интересныя свѣдѣнія объ участіи іезуитовъ въ подготовленіи послѣдняго польскаго мятежа въ западномъ краѣ. Оказывается, какъ и слѣдовало ожидать, что самые законы противъ іезуитовъ не спасаютъ насъ отъ ихъ пропаганды и что они все таки нашли возможность прокрасться къ намъ, жить среди насъ подъ чужимъ именемъ, подъ личиной ксендзовъ, учителей и проч. Они работали смѣло и рѣшительно, совершенно усыпивъ вниманіе общественнаго мнѣнія. Научимся ли мы наконецъ не довѣрять кознямъ нашихъ враговъ, какой бы ли-

чиной, хотя бы даже религіи, блага Россіи и вѣрноподданическихъ чувствъ ни прикрывались они? Не все ли равно для насъ, что просто іезуитъ, или ксендзъ-іезуитъ, панъ-іезуитъ, учитель-іезуитъ, женщина-іезуитъ и проч.? Съ чего же намъ, открещиваясь отъ простыхъ іезуитовъ, каясь отъ нечистой силы, спокойно позволять себя морочить всѣмъ прочимъ, по ихъ духу и примѣру дѣйствующимъ ихъ ученикамъ? За то ли только, что они имя другое носятъ?.... Въ дѣлѣ искорененія во всевозможныхъ видахъ направленной противъ русскаго дѣла интриги важнѣе всего корень; вырвать корень, не поростутъ и вѣтви. Мы знаемъ, для чего и для кого работали іезуиты; что они хотѣли свергнуть и что утвердить и распространить; въ чемъ собственно былъ корень ихъ работы, противъ сего то и мы должны направлять главныя наши усилія.... Не латинство ли въ западномъ краѣ создало намъ всѣ тѣ безобразія, съ которыми здѣсь борется и долго еще будетъ бороться русское общество? Не для латинства ли работаютъ всякаго рода іезуиты?... Слѣдующія извлеченія самымъ дѣломъ подтвердятъ сказанное нами.

«Такъ называемая въ юго-западной Россіи „польска интрига" была въ значительной степени дѣломъ іезуитизма, и то не какъ принципа и не какъ идеи, но корпораціи, съ душою и тѣломъ, которая, дѣйствуя исподоволь, произвела всю реакцію, и которая теперь еще не теряетъ надежды на успѣхъ.

Іезуиты, послѣ уничтоженія ордена (21-го іюля 1773 года) буллою папы Климента XIV остались неприкосновенными въ Силезіи, подъ покровительствомъ прусскаго короля Фридриха II, и въ Полоцкѣ, подъ покровительствомъ Екатерины II; слѣдуя своимъ секретнымъ правиламъ, они образовали въ Россіи центръ своей корпораціи.

Въ этихъ секретныхъ правилахъ сказано, что въ случаѣ гоненій противъ ордена, генералъ и центральное управленіе должно находиться въ монастырѣ, преобладающемъ численностію; въ случаѣ же уничтоженія всѣхъ монастырей— тамъ, гдѣ поселится (хотя секретно) нѣсколько іезуитовъ; и наконецъ, если бы преслѣдованіе ордена развилось уже до такой степени, что на всемъ земномъ шарѣ осталось бы два іезуита, то одинъ изъ нихъ будетъ генераломъ.

Такимъ образомъ, іезуитизмъ обеспечилъ свое вѣчное существованіе, и хотя гоненіе патеровъ никогда еще не достигало высшихъ предѣловъ, однако же остается фактомъ, что послѣ ихъ уничтоженія, они избрали Полоцкъ мѣстомъ своего центральнаго управленія, и послѣ возобновленія ордена буллою папы Пія VII въ 1834 году Россія по-неволѣ сдѣлалась разсадницей іезуитизма по всей землѣ.

Изгнаніе іезуитовъ изъ предѣловъ Россіи, въ 1820 году, совпало уже со временемъ усиленія ихъ въ другихъ государствахъ. Іезуиты исчезли изъ предѣловъ имперіи de jure, но не подлежитъ

никакому сомнѣнію, что они остались здѣсь de facto, какъ тайное общество.

Извѣстно, что іезуитъ не обязанъ быть монахомъ; онъ можетъ быть и свѣтскимъ человѣкомъ; даже и остающемуся въ монашествѣ дозволено носить свѣтскую одежду и быть свободнымъ отъ требованій монашескаго устава.

Мы не владѣемъ фактами о существованіи іезуитизма за все время съ 1820 года; мы переходимъ прямо къ 1856 году, когда нашимъ глазамъ въ Кіевѣ предстаетъ уже организованное общество іезуитовъ, ведущее свое дѣло смѣло и рѣшительно, — общество, имѣющее приверженцевъ и воспитанниковъ.

Іезуиты дѣйствовали вездѣ и всегда самымъ вѣрнымъ путемъ,— посредствомъ воспитанія молодежи, а какъ Кіевъ былъ центромъ просвѣщенія юго-западной Россіи, то потому здѣсь и образовался центръ іезуитизма.

Пропаганда направлялась двумя путями: она стремилась, во 1-хъ, дѣйствовать на университетскую молодежь, приготовленную въ университетъ іезуитскими адептами и самими іезуитами, разбросанными, какъ домашніе учители, по помѣщичьимъ домамъ юго-западной Россіи, и во 2-хъ, отыскивать, посредствомъ избранныхъ адептовъ, между бѣднѣйшею молодежью людей болѣе способныхъ, съ цѣлью образовать изъ нихъ членовъ ордена.

Въ Кіевѣ фигурировало тогда (1856—1859 годъ и далѣе) нѣсколько личностей, дѣйствовавшихъ систематически на университетскую молодежь. Эти личности были П. К. и Ш., да ксендзъ Г., сосредоточивавшій (*), какъ кажется, высшую власть въ своихъ рукахъ.

Въ домахъ этихъ господъ происходили часто вечернія собранія, гдѣ сходилась или богатая, или же одаренная большими способностями университетская молодежь и гдѣ систематически преподавалась наука іезуитизма. Какъ принципъ жизни, проповѣдывалась преданность р. католицизму и шляхетству.

Р. католицизмъ выставлялся, какъ религія самая высокая, потому что онъ никогда и нигдѣ не подчинялся вліянію свѣтской власти, а слѣдовательно олицетворялъ чисто республиканскую идею.

Что касается шляхетства, то относительно его говорилось, что въ Польшѣ слово шляхтичъ означало тоже самое, что благородный (szlachetstwo, szlachetny), а слѣдовательно, только то, что было шляхтою, было благороднымъ; за предѣлами шляхетства все было низко, неблагородно. Эта послѣдняя фраза составляла стереотипъ проповѣди одного изъ патеровъ, которую онъ очень часто любилъ высказывать.

(*) О совершенно сходныхъ явленіяхъ въ сѣверо-западномъ краѣ, смотр. «Вил. Вѣст.» 1866 г. № 47, статья: Польская пропаганда въ домашнемъ воспитаніи. (Ред. Вѣст.)

Далѣе проповѣдывалось, что такъ какъ одна Польша была избраннымъ государствомъ, то полякамъ, какъ избранному народу, должно чуждаться какъ германскаго, такъ и русскаго просвѣщенія,— какъ идей регрессивныхъ, поддерживающихъ абсолютизмъ, словомъ, какъ идей, вредныхъ для Польши.

Тутъ іезуитамъ помогала эмиграціонная литература, и они воспользовались, а быть можетъ и создали то влеченіе университетской молодежи къ чтенію эмиграціонныхъ сочиненій, которое составляло почти единственное занятіе ея въ это время.

Но іезуиты, покровительствуя эмиграціонной пропагандѣ, старались, оставляя въ дѣйствіи все мистическое ея направленіе, устранять тщательно все, что въ эмиграціи дышало болѣе ясными демократическими понятіями.

Демократизмъ и іезуитизмъ суть двѣ діаметрально-противуположныя идеи. Іезуиты боялись демократизма, и для этой цѣли, не имѣя возможности обойти на своемъ пути демократическихъ тенденцій, которыя начали тогда созрѣвать во всей массѣ просвѣщенной Европы, старались, что и успѣли отчасти, передавать демократическія идеи въ самомъ искаженномъ видѣ и создали, если можно такъ выразиться, *іезуитскій демократизмъ.*

Съ цѣлью не допустить развиться въ молодежи болѣе яснымъ понятіямъ о жизни, они старались, чтобы вліяніе профессоровъ на студентовъ ограничилось только вліяніемъ съ каѳедры, и успѣли въ этомъ до такой степени, что студенты перестали сближаться съ профессорами въ общественной жизни и въ домашнемъ кругу.

Гораздо было легче посредствомъ систематическихъ комментарій извращать смыслъ университетскаго преподаванія, при разрозненности профессорскаго и студенческаго сословій. Однако же и это не вполнѣ удалось.

Профессоръ П. В. П—овъ былъ популяренъ между студентами, но едва-ли во вредъ іезуитамъ.

Имъ не были страшны тѣ профессора, лекціи которыхъ полны были эффектовъ и подкожнаго жару (*), но тѣ профессоры, лекціи которыхъ отличались спокойной критикой и исторической правдой (**).

Сказавъ объ одной сторонѣ вліянія іезуитовъ на молодежь, намъ слѣдуетъ разобрать ихъ дѣйствія относительно вербовки въ орденъ этой молодежи.

Дѣйствіе сосредоточилось на выборѣ молодежи со способностями, въ предоставленіи ей стипендій на извѣстныхъ условіяхъ

(*) Въ родѣ п—ровъ, П...., Ш...., Т....

Ред.

(**) Г....кій, С...кій, И....шевъ.

Ред.

во время пребыванія въ университетѣ, а впослѣдствіи въ высылкѣ за границу и т. д.

Для этой цѣли нужны были деньги — и іезуиты вскорѣ нашли ихъ.

Краеугольный камень іезуитскаго капитала положенъ былъ духовнымъ завѣщаніемъ помѣщика Александра Б., по которому завѣщано 25,000 руб. сер. для воспитанія бѣдной молодежи въ духѣ р. католицизма. Сумма эта была отдана въ вѣрныя руки и процентъ отъ ней составлялъ іезуитскую стипендію юго-западнаго края.

Но этой суммы было недостаточно, и патеры придумали другіе источники для ея увеличенія.

Основано было братство (Niepokalanego poczęcia N. Maryi Panny); начали собираться подписки на постройку р. католическихъ костеловъ (*), (которые, впрочемъ, нигдѣ не строились), появились циркуляры ксендза Прокопа, капуцинскаго монаха изъ Люблина, которые призывали къ пожертвованіямъ, да наконецъ сумма увеличивалась еще отъ пожертвованій многихъ ханжей, нафанатизированныхъ іезуитами. Суммы хватило для десяти адептовъ, которые отыскались между университетской молодежью нарочно подготовленнымъ сыщикомъ Н., который отысканныхъ отправлялъ къ ксендзу Г., для окончательныхъ условій. Берущему вспомоществованіе давалось подписать условія обязательныхъ трудовъ, которые онъ долженъ выполнять за предоставленную денежную помощь.

Вотъ одно изъ этихъ условій:

1) Изучать исторію Руси въ духѣ р. католицизма и шляхетства, *которыя идеи ты усвоишь себѣ навѣрно послѣ серіознаго и самостоятельнаго научнаго труда.*

2) Стараться изслѣдованія свои направлять къ цѣли разрушенія теорій русскихъ ученыхъ о Польшѣ, *которыхъ ложь и подложность фактовъ, принятыхъ въ основаніе, ты увидишь съ перваго раза.*

3) Представлять два раза въ годъ отчеты о своихъ трудахъ.

4) Стараться содѣйствовать господину П. расширять свое вліяніе на польскую молодежь. (**)

Кромѣ этой програмы, данной какъ условіе полученія стипендіи одному, намъ извѣстно, между прочимъ, что другому поручено было заниматься изученіемъ теоріи Духинскаго о монгольскомъ происхожденіи Россіи, а третьему пописываніе патріотическихъ стиховъ.

(*) О другомъ братствѣ, ксендзами же устроенномъ, братствѣ трезвости, см. «Вил. Вѣст.» 1866 г. № 29.

Ред. Вил. Вѣст.

(*) Курсивъ въ первомъ и во второмъ пунктѣ не былъ прописанъ въ первоначальной редакціи обязательства, а прибавленъ вслѣдствіе возраженій, сдѣланныхъ молодымъ студентомъ, пораженнымъ неопредѣленностью выраженій.

Прим. авт.

Стипендіи были въ ходу долгое время и есть нѣкоторыя указанія на то, что и по настоящее время ими пользуются нѣкоторые адепты.

Изъ того же самаго источника Горжковскій получилъ фондъ на путешествіе за границу. (*)

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что іезуиты употребляли въ здѣшнемъ краѣ польскій патріотизмъ, какъ орудіе для своихъ видовъ, что давало имъ отчасти оттѣнокъ людей, дѣйствующихъ въ интересахъ Польши. Дѣйствительно, это приниманіе средства за идею господствовало въ общественномъ мнѣніи до такой степени, что подписавшему эту статью даже въ 1862 году удалось встрѣтиться съ мнѣніемъ, будто все, что въ этомъ краѣ называютъ іезуитизмомъ, составляетъ самую высокую патріотическую идею.

Іезуитская интрига достаточно разъяснена переданными фактами: намъ слѣдуетъ еще разсказать о борьбѣ іезуитизма съ прогрессивными личностями, а равно о томъ, какъ онъ, нахватавшись по-своему революціоннаго духа, разыгралъ роль въ послѣдней вспышкѣ, въ которой, однакожъ, несуждено было ему погибнуть.

Между тѣмъ молодежь стала увлекаться демократическими идеями, что произвело на время разрывъ между ею и старымъ поколѣніемъ. Іезуиты постарались прибрать въ свои руки *старое* полѣніе, пользуясь удобнымъ случаемъ. Совершивъ это дѣло, они сочли минуту наиболѣе удобную для проведенія давно задуманнаго плана *католическихъ школокъ*.

И дѣйствительно, это было время самого великаго торжества іезуитовъ: получивъ разрѣшеніе на учрежденіе католическихъ школокъ, они немедленно составили для нихъ секретную программу и поспѣшили поднять по этому дѣлу шумъ въ польской журналистикѣ (**). Въ глазахъ помѣщиковъ легко могло показаться, что іезуиты своими школками открыли міру, что такое демократизмъ и какъ его понимать; что они, будто, тоже знаютъ народъ, стараются образовать его, но образовать съ цѣлью— привести его къ Польшѣ. Распространенію такого взгляда не мало содѣйствовали статьи въ польскихъ газетахъ, передавшія съ извѣстной точки зрѣнія эти невинные, повидимому, педагогическіе факты. Такъ,

---

(*) О перепискѣ Горжковскаго въ интересахъ польской справы съ библіотекаремъ императорской с.-петербургской публичной библіотеки Ивановскимъ, который передалъ эту переписку для храненія въ виленскій музей, смот. статью Рачинскаго: Еще о Виленскомъ музеѣ, напечатанную въ Вил. Вѣст. 1865 г.

Ред. Вил. Вѣст.

(**) О томъ, какъ въ сѣверо-западномъ краѣ устрояли такія же школки и какой шумъ былъ съ этою же цѣлью поднятъ въ прежнемъ польскомъ «Виленскомъ Вѣстникѣ», издававшимся г. Киркоромъ, см. статью: Историческая замѣтка о Виленскомъ Вѣстникѣ. (Вил. Вѣст. 1866 г. № 74).

Ред. Вил. Вѣст.

напримѣръ: «Польская Газета», извѣщая въ № 48 за 1862 г. объ открытіи крестьянской школы въ с. Х—комъ, принадлежащемъ помѣщику Г—у, прибавляетъ: «Передавая свѣдѣніе объ этомъ достойномъ повсемѣстнаго примѣненія происшествіи, нашъ корреспондентъ справедливо замѣчаетъ, что гораздо лучше было бы не препятствовать и дѣтямъ *другихъ исповѣданій* учиться въ этой школѣ. Впрочемъ, мы надѣемся, что со временемъ это случится само собою; а теперь мы поблагодаримъ Бога и добрыхъ людей за то, что уже совершилось.»

Значеніе школокъ еще яснѣе опредѣлено въ письмѣ г. Плуга, помѣщенномъ въ № 33 «Варшавской Газеты.» Въ статьѣ этой авторъ передаетъ извѣстіе, что по деревнямъ учреждается много школъ помѣщиками для крестьянскихъ дѣтей, и говоритъ, что теперешнія сельскія школы, управляемыя дьячками, не могутъ дать желаемыхъ плодовъ для народнаго образованія. «Въ древнія времена (говоритъ корренспондентъ), въ этихъ странахъ кругъ образованія былъ обширнѣе; тутъ было много іезуитскихъ коллегій, а въ каждой изъ нихъ считалось до 700 учениковъ. Нынѣ много нѣтъ, но почему же прошлое не можетъ повториться?» Слѣдовательно, католическія сельскія школы были не что иное, какъ infima (или первый классъ) іезуитскихъ коллегій.

Въ то самое время, когда іезуиты завоевывали старое поколѣніе и создавали *католическія сельскія школы*, молодежь получила первую электрическую искру непосредственно отъ революціонной польской партіи.

Когда возстаніе начало обхватывать Царство Польское и проявлять себя уличными манифестаціями, въ предѣлахъ юго-западной Россіи появились первые эмиссары. Въ Кіевъ прибыли Леви и Мацкевичъ и началась дѣйствительная революціонная работа.

Далѣе, показавъ, какъ искусно іезуитско-католическая интрига воспользовалась демократическими увлеченіями молодежи, «Кіевлянинъ» продолжаетъ: интрига торжествовала всюду: помѣщики находились въ рукахъ іезуитовъ, университетская молодежь тоже, католическія сельскія школы дѣйствовали; но всего важнѣе было преподаваніе въ гимназіяхъ польскаго языка, гдѣ учители были назначены, если не самые патери, то лица, вполнѣ имъ преданные. Вслѣдъ за открытіемъ преподаванія польскаго языка, въ Кіевѣ была основана библіотека польскихъ книгъ для учениковъ.

Эта библіотека была учреждена внезапно во время контрактовъ 1861 года.

По приглашенію лица, игравшаго роль въ учебномъ мірѣ, и котораго, мимоходомъ замѣтимъ, крѣпко прибрали въ руки іезуиты, помѣщики въ нѣсколько дней подписали довольно значительную сумму денегъ для основанія библіотеки. Дѣло двигалось быстро и съ весны того же года была открыта для учениковъ библіотека, составленная изъ значительнаго количества плохихъ беллетристическихъ сочиненій, да книгъ, воспрещенныхъ цензурою. Но

наиболѣе важно было то обстоятельство, что лекторія помѣщалась въ квартирѣ патера, и что его руками былъ вливаемъ прямо въ умы юношей ядъ, окрашенный фальшивымъ патріотизмомъ и эмиграціоннымъ мистицизмомъ. Прискорбно было смотрѣть на эту толпу молодежи, подчиненную вліянію обскурантовъ и фанатиковъ,—прискорбно было видѣть погибающую будущность страны, тѣмъ болѣе, что всѣ эти юноши казались жертвами, обреченными на погибель, какъ герои возмущенія, которыхъ поведутъ уничтожать гражданскій порядокъ въ странѣ прежде, чѣмъ они могутъ усвоить себѣ основныя понятія о гражданскихъ обязанностяхъ и гражданской чести!

И такъ, какую картину представляло наканунѣ возстанія наше общество, опутанное іезуитами, разъединенное и разъобщенное? Іезуиты сосредоточивали въ своихъ рукахъ образованіе молодежи въ частныхъ домахъ, ибо домашніе учители были, по большей части, изъ ихъ среды; они удерживали вліяніе на образованіе въ гимназіяхъ, на университетскую молодежь; въ ихъ рукахъ были и помѣщики, и большинство чиновниковъ, да наконецъ, они же основали и католическія сельскія училища, стремившіяся только къ тому, чтобы окатоличить народъ.

(*Изъ Вил. Вѣст.*)

РЕЛИГІОЗНЫЙ ФАНАТИЗМЪ.

Корреспондентъ газеты Nord пишетъ изъ Флоренціи: — Свѣдѣнія, полученныя изъ провинцій, подтверждаютъ предположенія, которыя, вопреки объявленіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, я высказалъ относительно варфоломеевской ночи въ Барлеттѣ. Сцены убійствъ, которыя омочили кровью этотъ городъ, не должны были составлять отдѣльнаго факта; бунтъ распространялся и за предѣлы южныхъ провинцій. Барлета была только исходнымъ пунктомъ религіознаго фанатизма, который былъ подготовленъ издавна и долженъ былъ вспыхнуть въ различныхъ пунктахъ: случайныя причины и здравый смыслъ народонаселеній воспрепятствовали взрыву. Въ Неаполѣ, въ Палермо, напримѣръ, клерикалы были обольщены въ своихъ намѣреніяхъ мадзиніевскими заявленіями, на которые они сильно разсчитывали и которыхъ однакожь не было. Церемоніи страстной недѣли должны были также служить предлогомъ для клерикальной реакціи. Вотъ почему знаменитая процессія, которая совершалась въ Пистоѣ въ великую пятницу, на этотъ разъ была запрещена; войска были направлены къ этому городу, чтобы предупредить безпорядки, которые могли случиться.

Терпимость долго еще не будетъ принадлежностью р. католическаго духовенства, но можно предвидѣть, что оно мало-по-малу освободится отъ оковъ римско-католической церкви и при помощи нѣкоторыхъ обстоятельствъ положитъ наконецъ основаніе церкви національной и свободной.

Въ немаловажной части нашего духовенства замѣтно съ нѣкотораго времени серьозное стремленіе отдѣлиться отъ вліянія римской церкви и не обращать никакого вниманія на отлученія отъ церкви, которыми сыплетъ Ватиканъ, стараясь въ тоже время оградить свою нравственность вступленіемъ въ бракъ. У насъ есть уже немало женатыхъ священниковъ, немало такихъ, которые подверглись запрещенію вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ и которые тѣмъ не менѣе продолжаютъ съ согласія ихъ паствъ отправлять службу и совершать таинства. Это нарождающееся преобразованіе нашего низшаго духовенства совершено добровольно; оно поддерживается безъ всякаго правительственнаго вліянія, при посредствѣ общества, которое существуетъ уже четыре года, и издаетъ газету. Этотъ расколъ существуетъ уже на дѣлѣ въ римско-католической церкви; заблужденія свѣтской власти и антинаціональная политика Ватикана могутъ только способствовать его развитію. Я не желаю, конечно, раскола; но я отъ души желалъ бы измѣненій въ этомъ порядкѣ вещей, измѣненій, слѣдствіемъ которыхъ былъ бы союзъ между очищенною религіею и свободою. Этотъ союзъ могъ бы служить ручательствомъ противъ повторенія барлетскихъ неистовствъ, которыя главный органъ папской куріи „Unita Catolica" не счелъ даже нужнымъ подвергнуть порицанію. Этотъ благочестивый журналъ, повидимому, даже одобряетъ ихъ, потому что онъ довольствуется тѣмъ, что сваливаетъ всю отвѣтственность за нихъ на наше правительство, которое, говоритъ онъ, не право тѣмъ, что позволяетъ протестантамъ пребывать и отправлять свое богослуженіе въ Италіи, что естественно раздражаетъ религіозное чувство христіанскихъ населеній. Таковъ духъ, проникающій эту власть, которой прогрессъ, цивилизація и кротость нашли столь горячихъ защитниковъ во французскомъ парламентѣ. Какое жестокое осужденіе свѣтской власти заключается въ этихъ строкахъ!

Если эта власть неподвижна въ руководящихъ ее началахъ, то народъ римскій и даже жители Транстеверина ушли далеко по пути прогресса. Римское правительство должно было убѣдиться въ этомъ, если только оно сомнѣвалось, поведеніемъ народа въ теченіе двухнедѣльнаго юбилея, назначеннаго папою для молитвъ, съ цѣлію призвать благословеніе Божіе на его колеблющуюся свѣтскую власть. На углахъ улицъ и на площадяхъ проповѣдники держали самыя рѣзкія и самыя эксцентрическія рѣчи о покаяніи, которому народъ долженъ былъ подвергнуть себя, чтобы устранить великія бѣдствія, объ отеческомъ правленіи папы и о вѣчной погибели нечестивой Италіи. Предъ нѣкоторыми церквами были воз-

двигнуты костры и на нихъ, въ присутствіи священниковъ, нечестивыя книги были подвергнуты сожженію. Очевидно, что единственною причиною этого театральнаго представленія была политика. Правительство надѣялось фанатизировать умы, для того чтобы вызвать заявленія въ пользу власти, осужденной на смерть и поддерживающейся только иностранными штыками. Но результатъ не отвѣчалъ обѣщаніямъ; вмѣсто того, чтобы распалить религіозныя страсти, проповѣдники вынуждены были искать защиты у жандармовъ. Неудача была полная, и она должна была заставить папу потерять и послѣдній лучъ надежды на поддержаніе своей власти.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ.

Въ настоящее время, когда западная Россія сбросила съ себя рубище, надѣтое на нее ксендзо-польскою интеллигенціей, и когда наша страна открыла подлинную свою физіономію и стала рядомъ съ своею родною сестрою — восточною Россіей, то оказалось, что гнетъ враждебной ей пропаганды причинилъ много порчи и калѣтства въ здѣшнемъ краѣ въ разныхъ отношеніяхъ, а болѣе всего въ религіозномъ. Народъ православный, остававшійся въ невѣжествѣ, сбитый съ пути истины насильственнымъ набросомъ противоположныхъ религіозныхъ вѣрованій, а болѣе всего приведенный изувѣрствомъ шляхты въ крайнюю апатію и бѣдность,— потерялъ охоту и возможность не только къ благолѣпію и охраненію храмовъ своихъ, но даже къ снабженію ихъ самымъ необходимымъ. А потому сельскимъ пастырямъ, старающимся, по долгу своему, о благоустройствѣ церквей, предстоятъ не малыя трудности въ отысканіи средствъ для приведенія ихъ въ подобающее дому Божію благолѣпіе. Къ счастію, нуждамъ нашихъ церквей стали много помогать братія восточной Россіи. Въ надеждѣ, что и мой слабый голосъ откликнется въ добромъ сердцѣ, и найдетъ сочувствіе и состраданіе у благотворительной души, я считаю долгомъ своимъ просить ревнителей по Бозѣ обратить вниманіе свое на вопіющія нужды богушевицкаго прихода.

Богушевичи были нѣкогда порядочнымъ мѣстечкомъ, съ зажиточными прихожанами. Когда-же этимъ имѣніемъ овладѣлъ родъ Свенторжецкихъ, то мѣстечко совершенно ими опустошено, а прихожане сей церкви до того угнетены, что многіе пошли по міру, а оставшіеся приведены въ крайнюю нищету. При всемъ томъ церковь здѣсь была въ довольно благолѣпномъ состояніи, по усердію зажиточныхъ предковъ настоящихъ прихожанъ. Но въ 1862 году она сгорѣла, со всѣмъ имуществомъ. За то, на мѣсто церкви, величаво воздвигался римско-католическій каменный костелъ, и къ

означенному году былъ уже почти оконченъ. Къ довершенію, злополучія богушевицкаго прихода, въ 1863 г. Свѣнторжецкій взбунтовалъ здѣшнюю окрестность, составилъ значительную шайку и предалъ самой мучительной, извѣстной всѣмъ, смерти священника о. Даніила Конапасевича. Такимъ образомъ прихожане лишились и церкви и своего пастыря. Но съ подавленіемъ мятежа, произошла перемѣна къ лучшему въ нашемъ уголкѣ. Въ Богушевичахъ строится новая церковь, а костелъ отданъ для передѣлки на православную церковь. Новое положеніе прихода, конечно, радуетъ души наши, но при этой радости мы не можемъ не скорбѣть отъ нашего безсилія устроить надлежащимъ образомъ наши церкви, тѣмъ болѣе, что средства для сего нужны не малыя, а на мѣстѣ ихъ совершенно нѣтъ. Помощи же мы только и можемъ надѣяться отъ усердной жертвы благотворителей, которыхъ я, именемъ Бога, умоляю своими избытками восполнить нашу скудость. При чемъ не лишнимъ считаю указать Христолюбивымъ благотворителямъ и на могилу покойнаго исповѣдника православія о. Даніила Конапасевича, присовокупляя, что на устройство достойнаго его памятника, собрано уже отъ березинскаго благочинія 22 р. и 63 к., а отъ брагинскаго благочинія рѣчицкаго уѣзда 21 руб. и 78 к. Движимые религіознымъ чувствомъ благоволятъ присылать жертвы свои на нужды нашихъ церквей,— а чувствомъ патріотизма и уваженія къ подвигу патріота-мученика на памятникъ священника Даніила Конапасевича по слѣдующему адресу: Минской губерніи, въ уѣздный городъ Игуменъ, священнику богушевицкой церкви Іоанну Рункевичу.

Священникъ *Іоаннъ Рункевичъ.*

1866 года,
Января 24 дня
м. Богушевичи.

ИЗВѢЩЕНІЕ
Пустынскаго Успенскаго монастыря
о постройкахъ по оному.

Могилевской губерніи въ Мстиславскомъ уѣздѣ съ древнихъ временъ существуетъ Пустынскій Успенскій мужескій монастырь, извѣстный находящеюся въ немъ святынею чудотворною иконою Божіей Матери, явившеюся на источникѣ при семъ монастырѣ, и цѣлебною водою сего источника.

Обитель сія, по отнятіи ея у православныхъ латинянами, цѣлыхъ два столѣтія находилась во владѣніи монаховъ базиліанскаго ордена, которые устроили въ обители великолѣпный храмъ по образцу западныхъ костеловъ.

По возвращеніи уніатовъ въ нѣдра православной церкви, эта обитель не могла поддерживать себя ни собственными своими средствами, коихъ вовсе не имѣла, ни средствами окрестныхъ жителей, по положенію своему въ такой странѣ, гдѣ простой православный народъ весьма бѣденъ, православнаго купечества, которое отличается своимъ усердіемъ ко храмамъ Божіимъ, совсѣмъ нѣтъ; а помѣщики-поляки, которые хотя и благоговѣютъ къ находящейся въ этомъ монастырѣ святынѣ, но, по нерасположенію своему къ православной вѣрѣ и русской народности, не оказываютъ поддержки существованію обители.

При столь бѣдственномъ положеніи своемъ, Пустынскій монастырь, возложивъ упованіе на помощь Божію, съ разрѣшенія духовнаго начальства, обращался чрезъ настоятеля своего игумена Анатолія къ благочестивымъ чадамъ православнаго нашего отечества, извѣстнымъ христіанскою благотворительностію къ храмамъ Божіимъ, съ просьбою о вспомоществованіи на возобновленіе; и ожиданія его оправдались.

По приглашенію настоятеля, изъ разныхъ мѣстъ богоспасаемой Россіи, какъ чистыя струи, потекли посильныя приношенія на возобновленіе Пустынской обители. Движимые благочестивымъ чувствомъ усердія, лица всѣхъ сословій, даже бѣдные достояніемъ, но богатые добродѣтелію благотворительности, принесли посильныя жертвы свои на алтарь святой обители Пустынской, бывшей нѣкогда твердымъ оплотомъ православія въ предѣлахъ Бѣлоруссіи.

Признательная Христолюбивымъ благотворителямъ за ихъ горячее участіе въ нуждахъ Пустынскаго монастыря, братія онаго долгомъ считаетъ извѣстить ихъ о произведенныхъ и предполагаемыхъ постройкахъ на пожертвованныя деньги.

Работы по монастырю начаты въ 1863-мъ году, и въ настоящее время находятся въ слѣдующемъ положеніи:

А) Отстроены:

1) Каменная, холодная, покрытая желѣзомъ, церковь, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, на источникѣ, на коемъ явилась святая чудотворная икона Божіей Матери Пустынская, и къ коему народъ во множествѣ стекается съ вѣрою въ цѣлебную силу воды сего источника. Эта церковь длиною $6^1/_2$ саженей, шириною $4^1/_2$ саженей, а вышиною съ куполомъ 7 саженей, снабжена приличнымъ иконостасомъ и утварью. Внутри этого храма подъ церковнымъ помостомъ на мѣстѣ источника устроено вмѣстилище для воды съ водопроводными трубами.

2) Большое двухъ-этажное каменное, покрытое желѣзомъ, зданіе, въ которомъ:

а) Посреди теплая, крестообразная церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, длиною съ папертью 15 саженей, шириною 8 саженей, вышиною до купола 7 саженей, украшенная благолѣпнымъ иконостасомъ, за который уплачено художнику 2,500 рублей, приличнымъ паникадиломъ, хоругвями, лампадами и прочею необходимою утварью. Церковь эта 1-го числа Октября истекшаго 1865 года освящена преосвященнѣйшимъ Евсевіемъ, архіепископомъ могилевскимъ, при многолюдномъ собраніи народа.

б) По правую сторону этой церкви пристройка 10-ти саженей длиною, 6-ти саженей шириною, и вышиною отъ уровня земли до крыши 4-хъ саженей и 2-хъ аршинъ. Въ этой пристройкѣ въ первомъ этажѣ братская трапеза, а во второмъ — помѣщенія для братіи и послушниковъ.

в) По лѣвую сторону такого же размѣра пристройка въ два этажа съ келліями для братіи и послушниковъ.

г) Внизу подъ братскою трапезою подвальный этажъ и въ немъ пекарня, кухня, кладовая и погребъ. Подъ церковію также подвальный этажъ съ четырьмя пневматическими печами для отапливанія церкви, братской трапезы и келлій.

3) Внѣ монастырской ограды два деревянные на каменномъ фундаментѣ флигеля для пріѣзжающихъ богомольцевъ, каждый на двѣ половины. При нихъ устроены необходимыя службы и хозяйственныя принадлежности.

Б) Строятся:

1) Каменная оградная стѣна вокругъ всего монастыря на протяженіи около 400 погонныхъ саженей. Эта стѣна на 280 погонныхъ саженей уже окончена, кромѣ только штукатурки, которую предполагается произвесть по просушкѣ стѣны; на 67 саженей длины положенъ фундаментъ и цоколь, и выведено самой стѣны на половину ея вышины, а на остальномъ протяженіи предположенной стѣны положенъ только фундаментъ и цоколь.

2) Каменная колокольня среди оградной стѣны, по проэкту въ основаніи въ длину 8 саженей, ширину 4½ сажени, вышину съ куполомъ и крестомъ 17½ саженей, и выведенная уже на полторы сажени отъ поверхности земли; желѣзо связаное и листовое для нея уже заготовлено; подъ нею будетъ въѣздъ въ монастырь.

3) По угламъ оградной стѣны, съ лицевой стороны, двѣ каменныя часовни, оконченныя и покрытыя желѣзомъ, требующія только снаружи и внутри оштукатурки, которая произведется слѣдующею весною.

4) Каменный двухъ-этажный корпусъ для помѣщенія настоятеля и братіи, длиною 10, шириною 6½, вышиною 4 сажени. Для него уже положенъ фундаментъ и заготовлено связное и листовое желѣзо и нѣкоторые другіе матеріалы.

5) Каменныя службы, для коихъ фундаменты уже положены.

В) Сверхъ сего необходимо:

1) Возобновить настоящую большую холодную каменную церковь, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, въ которой находится святая чудотворная икона Божіей Матери, явившаяся на источникѣ при семъ монастырѣ. Оную церковь, по составленному и утвержденному проэкту, предположено передѣлать, сообщивъ ей подобающій православной святынѣ видъ, съ возведеніемъ на ней приличнаго купола и устройствомъ въ ней благолѣпнаго иконостаса; на возобновленіе этой церкви листовое желѣзо для крыши и купола и нѣкоторые другіе матеріалы уже заготовлены. Этотъ храмъ желательно было возобновить прежде другихъ построекъ; но надобно было отложить до окончанія вновь устроеннаго теплаго храма, чтобы въ обители богослуженіе не прекращалось, такъ какъ до построенія теплаго храма былъ въ монастырѣ только одинъ вышепоказанный большой храмъ.

2) Исправить старый каменный корпусъ, въ которомъ доселѣ помѣщалась братія и послушники монастыря и который предполагается употребить для помѣщенія въ немъ поселенскаго училища и самыхъ поселянскихъ мальчиковъ окрестныхъ деревень и селеній.

Не мало еще потребуется средствъ для окончанія начатыхъ построекъ. Но обитель уповаетъ, что Христолюбивые благотворители, которые своими великодушными жертвами дали ей возможность начать свое возобновленіе, помогутъ ей и докончить его во славу святаго имени Божія.

Для наблюденія за производствомъ вышепоименованныхъ работъ и построекъ согласно планамъ и фасадамъ, назначенъ епархіальнымъ начальствомъ строительный комитетъ изъ лицъ духовныхъ и епархіальнаго архитектора, при участіи мѣстнаго благочиннаго монастырей.

Нѣкоторые изъ Христолюбивыхъ благотворителей, сверхъ денежныхъ приношеній на возобновленіе обители, сдѣлали пожертвованія разными вещами, напримѣръ: одна неизвѣстная благотворительница пожертвовала колоколъ въ 35 пудовъ вѣсомъ, другая — жемчугъ на чудотворную икону Божіей Матери, иные напрестольные кресты, евангелія, ризы и разныя другія вещи, кои всѣ внесены въ опись церковнаго имущества.

О полученіи монастыремъ пожертвованій, какъ денежныхъ, такъ и вещами, настоятель онаго письменно извѣщалъ благочестивыхъ жертвователей, коихъ адресы были сообщены, и въ тоже время вносилъ имена, какъ ихъ самихъ, такъ и тѣхъ лицъ, которые означены въ ихъ письмахъ, въ монастырскіе синодики, для вѣчнаго поминовенія живыхъ о здравіи, а умершихъ о упокоеніи.

Такимъ образомъ Пустынскій Успенскій монастырь, при благословеніи Божіемъ и усердіи благотворителей, начинаетъ приходить въ положеніе, приличное этому древнему памятнику православія

въ странѣ бѣлорусской. И если благотворительная помощь продолжится, о чемъ обитель усердно проситъ благочестивыхъ благотворителей, то со временемъ эта обитель будетъ благоустроеннѣйшимъ монастыремъ въ здѣшнемъ краѣ.

Пожертвованія просятъ высылать или въ могилевскую духовную консисторію, или прямо, чрезъ г. Мстиславъ (Могилевской губерніи), въ Пустынскій Успенскій монастырь на имя настоятеля игумена Анатолія, сообщая имена благотворителей съ именами ихъ ближнихъ и сродниковъ, живыхъ и почившихъ о Господѣ, для внесенія ихъ въ монастырскій синодикъ на вѣчное поминовеніе.

Пустынская обитель святымъ долгомъ считаетъ возносить усердныя моленія ко Господу Богу, да Онъ, щедрый Мздовоздатель за оказанныя ей благотворенія, сторицею воздастъ благочестивымъ благотворителямъ за земныя временныя блага небеснымъ вѣчнымъ блаженствомъ. Пресвятая Владычица Богородица да хранитъ ихъ подъ Своимъ державнымъ покровомъ, даруя имъ все благопотребное для жизни настоящей и будущей.

Могилевской епархіи, Мстиславскаго уѣзда, Пустынскаго Успенскаго монастыря настоятель игуменъ Анатолій *съ братіею.*

...ДЕРЖАНІЕ 9-й кн. „Вѣстника западной Россіи“ за 18^{65}/$_{66}$ годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.